Библиотека приключений

Дж. Свифт

Путешествия Гулливера

Издательство
Клуб семейного досуга

Путешествия Гулливера
Джонатан Свифт

Аннотация
Джонатан Свифт. Путешествия Гулливера
Ложь, которую разрушил Свифт
Часть первая. Лилипутия
  Глава 1
  Глава 2
  Глава 3
  Глава 4
  Глава 5
  Глава 6
  Глава 7
  Глава 8
Часть вторая. Бробдингнег
  Глава 1
  Глава 2
  Глава 3
  Глава 4
  Глава 5
  Глава 6
  Глава 7
  Глава 8
Часть третья. Лапута, Бальнибарби, Лаггнегг,

Глаббдобдриб и Япония
- Глава 1
- Глава 2
- Глава 3
- Глава 4
- Глава 5
- Глава 6
- Глава 7
- Глава 8
- Глава 9
- Глава 10
- Глава 11

Часть четвертая. В стране гуигнгнмов
- Глава 1
- Глава 2
- Глава 3
- Глава 4
- Глава 5
- Глава 6
- Глава 7
- Глава 8
- Глава 9
- Глава 10

Заключение

Аннотация

Судовой хирург, а затем капитан корабля Лемюэль Гулливер отправляется в плавание, даже не подозревая о том, что его ждет множество забавных, а порой и опасных приключений. Из каждого путешествия он выносит жизненный урок, который заставляет его, а с ним и читателей, по-новому взглянуть на привычный порядок вещей.

Джонатан Свифт
Путешествия Гулливера

«The Travels into Several Remote Nations of the World by Lemuel Gulliver, first a Surgeon, and then a Captain of Several Ships» by Jonathan Swift

По изданию:

Свифт, Дж. Путешествия Гулливера по многим отдаленным и неизвестным странам света. — М.: Товарищество типографии А. И. Мамонтова, 1901.

Иллюстрации выполнены по мотивам иллюстраций Т. Мортена, гравировка Линтона Купера

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», издание на русском языке, 2010

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», художественное оформление, 2010

* * *

Ложь, которую разрушил Свифт

Джонатана Свифта (1667–1745), священнослужителя и литератора, автора поэм, ядовитых сатирических памфлетов и великой книги «Путешествия Гулливера», кое-кто из современников считал человеком, оскорбившим Создателя. И не потому, что декан (настоятель) дублинского собора Святого Патрика посмел усомниться в Его существовании, а потому, что сумел трезво и насмешливо показать человечеству, насколько безосновательны его потуги гордиться собой.

Самомнение, алчность, жажда власти, корыстолюбие, лицемерие, глупость, безрассудство и несправедливость во всем своем безобразии предстали перед читателями и были осмеяны так, как это не удавалось никому другому.

Свободное слово, неистощимая выдумка и язвительный юмор нанесли жестокой и безумной эпохе страшный удар — с нее были сорваны сверкающие покровы благопристойности, под которыми обнаружились пустота и ничтожество власть имущих, продажность их приближенных и невежество черни.

«Написано ради общего совершенствования рода человеческого» — таким подзаголовком сопроводил Свифт один из своих памфлетов, и эти слова можно отнести ко всему творчеству английского писателя. Его фантазия и изобретательность поистине неистощимы, на каждой странице «Путешествий Гулливера» можно найти десятки саркастических намеков на действительно происходившие события…

Но суть даже не в этом.

Роман «Путешествия Гулливера» и сегодня остается необыкновенно важной, значимой книгой, потому что каждый, кто даст себе труд внимательно его прочитать, увидит мир совершенно другими глазами — без лживых мифов и фальшивых масок.

Джонатан Свифт родился в Ирландии, в семье, которая в годы гражданской войны, разразившейся в Англии в XVII в., перебралась из Кентербери в Дублин. Его отец, мелкий судейский чиновник, умер еще до рождения мальчика, оставив семью в крайне бедственном положении, и в детстве будущий писатель узнал всю тяжесть нищеты и отчаяния.

Воспитанием мальчика занимался его дядя Годвин, с матерью юный Джонатан встречался

очень редко. Благодаря помощи дяди Свифту удалось окончить школу и поступить в Тринити-колледж Дублинского университета, из которого он вынес не только первую ученую степень — бакалавра, — но и глубокие сомнения в мудрости современной ему науки.

Тем временем гражданская война пришла и в Ирландию, и Джонатан Свифт отправился в Англию, чтобы стать секретарем знаменитого дипломата Уильяма Темпла. Темпл, сам незаурядный писатель, сумел по достоинству оценить выдающийся литературный талант своего помощника и на протяжении долгих лет оказывал ему помощь и поддержку в житейских делах.

Именно в эти годы Свифт уверенно входит в литературу — сначала как поэт, а затем и как автор блестящих сатирических повестей-притч. Материал для них зачастую давали застольные беседы гостей его высокопоставленного покровителя, среди которых были именитые сановники, аристократы и даже сам король Вильгельм.

В 1692 г. Свифт получил степень магистра в Оксфорде, а спустя два года принял духовный сан и стал приходским священником англиканской церкви в глухом ирландском поселке Килрут. Однако ненадолго — вскоре он вернулся на службу к

своему покровителю. Через несколько лет, после смерти Темпла, отсутствие средств заставило Свифта заняться поисками новой должности.

Длились эти поиски так долго, что Свифт успел очень близко познакомиться с нравами, царившими при английском дворе. Лишь в 1700 г. он был назначен служителем собора Святого Патрика в Дублине — и в этом же году опубликовал несколько ярких, ироничных, острых и бескомпромиссных памфлетов. Как и все остальные произведения писателя, они выходили под различными псевдонимами, но в Ирландии не было человека, который бы не знал, кто их автор.

В 1702 г. Свифт получил степень доктора богословия. В это время он часто бывал в Англии, завел знакомства в литературных кругах.

В 1714 г. Свифт стал настоятелем собора Святого Патрика. Эта видная церковная должность не только значительно улучшила его материальное положение, но и дала возможность вести борьбу за политическую независимость Ирландии — прямо с церковной кафедры. И он воспользовался ею для гневных выступлений против несправедливости, царящей в обществе, национального угнетения и религиозного фанатизма протестантов-пуритан.

Обращаясь к своим соотечественникам-ирландцам, Свифт писал: «Всякое управление без согласия управляемых есть самое настоящее рабство… По законам Бога, природы, государства, а также по вашим собственным законам вы можете и должны быть свободными людьми, как ваши братья в Англии».

Памфлет «Письма суконщика», написанный в 1724 г., призывал ирландцев к бойкоту английских товаров и английской монеты и мгновенно разлетелся по всей стране многотысячным тиражом. Британские власти назначили премию тому, кто укажет автора «злонамеренного» памфлета, однако она так и осталась неврученной. Был отдан под суд печатник «Писем суконщика», однако присяжные его оправдали. Премьер-министр предложил английскому наместнику арестовать «подстрекателя», но ответом ему было: «Для этого понадобится целая армия».

С того времени англиканский священник Джонатан Свифт стал в католической Ирландии национальным героем и лидером освободительного движения. Его портретами украшали улицы Дублина, и повсюду, где он появлялся, его встречали восторженными приветственными криками.

При соборе Святого Патрика настоятель учредил фонд помощи жителям Дублина, многие из которых находились на грани разорения из-за грабительской политики английских властей, причем Свифт не делал никаких различий между прихожанами англиканской церкви и католиками.

И одновременно в тиши его кабинета страница за страницей рождались «Путешествия Гулливера»…

В 1726 г. вышли первые два тома романа, а через год — еще два. Необычный сюжет, смелая фантазия автора, удивительно точные и продуманные описания впечатлений героя о странных народах — лилипутах и великанах, лапутянах и гуигнгнмах — буквально заворожили читателей.

Самые простодушные поначалу восприняли книгу как правдивое жизнеописание, более искушенные — как смешную и забавную сказку, и лишь немногие, самые проницательные, сразу догадались, что в фантастических приключениях доктора Лемюэля Гулливера скрыты глубочайший смысл и беспощадная сатира на английские нравы, политику и законы. Выдуманные Джонатаном Свифтом слова «лилипут» и «йеху» вскоре вошли во все европейские языки, включая и

наш.

Книга, едва появившись на свет, стала пользоваться ошеломляющим успехом, который можно сравнить только с успехом романа Даниэля Дефо «Жизнь и невероятные приключения Робинзона Крузо», опубликованного на семь лет раньше. За несколько месяцев «Путешествия Гулливера» трижды переиздавались. Вскоре почти во всех странах Европы появились переводы этой книги. Появились подражатели, пытавшиеся продолжить рассказ об удивительных путешествиях героя, но имена их ныне забыты, а слава Свифта растет с каждым годом. В наше время «Путешествия Гулливера» входят в сотню самых читаемых книг в мире.

В 1729 г. писателю было присвоено звание почетного гражданина Дублина, в его честь был основан «Клуб Суконщика», который существует и в наши дни.

Из уст в уста передавалась легенда о том, будто бы Свифт — потомок древних ирландских королей, явившийся возродить страну.

Авторитет настоятеля собора Святого Патрика был необычайно велик. Когда однажды перед собором собралась огромная толпа взволнованных горожан, с нетерпением ожидавших предска-

занного астрономами затмения Солнца, Свифт, раздраженный невероятным шумом, велел передать зевакам, что настоятель отменяет затмение. После этого толпа угомонилась и в почтительном молчании разошлась.

Последние годы жизни Свифта были омрачены тяжелой болезнью и почти полной потерей способности работать. Он утратил речь, был частично парализован. В 1745 г. прославленный писатель скончался.

На мраморной плите над его могилой в соборе Святого Патрика начертаны слова: «Здесь покоится тело Джонатана Свифта, декана этого собора, и суровое негодование больше не разрывает его сердце».

Часть первая
Лилипутия

Глава 1

Наша семья владела небольшим поместьем в Ноттингемшире; я был третьим из пяти сыновей. Отец отправил меня, четырнадцатилетнего, в колледж Св. Эммануила в Кембридже, и на протяжении двух с половиной лет я усердно грыз гранит науки. Однако моему отцу, имевшему весьма скромное состояние, стало трудно оплачивать обучение, и он забрал меня из колледжа. Было решено продолжить мое образование у мистера Джеймса Бетса, знаменитого лондонского хирурга. Там я и прожил следующие четыре года. Небольшие деньги, которые изредка посылал мне отец, я тратил на изучение навигации и математики — мне очень хотелось в будущем стать путешественником. Медицинское образование я завершил в городе Лейдене, где провел более двух лет; вся моя родня — в особенности отец и дядя Джон — помогали в осуществлении моей мечты: стать судовым врачом и посвятить жизнь дальним морским странствиям.

По возвращении из Лейдена я, по рекомендации моего доброго учителя мистера Бетса, нанялся хирургом на судно «Ласточка», ходившее

под командованием капитана Авраама Паннелла. С ним я проплавал три с половиной года, совершив несколько путешествий в Левант[1] и другие страны.

Вернувшись в Англию, я принял решение на время поселиться в Лондоне и поработать практикующим врачом, что одобрил и мистер Бетс, который всячески мне содействовал в этом начинании. Пациентов я принимал в небольшом доме неподалеку от Олд-Джюри, где проживал и сам, дела мои пошли неплохо, и вскоре я женился на мисс Мери Бертон, младшей дочери мистера Эдмунда Бертона, чулочного торговца с Ньюгейт-стрит. Моя невеста была милой и разумной девушкой с приданым в четыреста фунтов стерлингов.

Спустя два года доктор Джеймс Бетс умер; друзей в Лондоне у меня оставалось немного, заработок мой значительно сократился. Совесть не позволяла мне подражать шарлатанству некоторых моих коллег, и я начал подумывать о прекращении медицинской практики. Посоветовавшись с женой и знающими людьми, я решил

---

[1] Сноски: 1

Левант — общее название стран восточной части Средиземного моря, центр торговли между Западом и Востоком. (*Здесь и далее примеч. ред.*)

снова отправиться в море.

Я был хирургом сперва на одном, а потом на другом торговом судне и в продолжение шести лет совершил несколько путешествий в Ост— и Вест-Индию, что несколько поправило мое финансовое положение. Уходя в море, я запасался книгами и все свободное время посвящал чтению; на берегу же изучал нравы, обычаи и языки туземцев, что при моей отличной памяти давалось мне легко. Последнее из этих плаваний было не слишком удачным, и я, утомленный морскою жизнью, решил больше не покидать жену и детей.

Мы перебрались из Олд-Джюри на Феттер-лейн и уже оттуда в Уоппин, поближе к гавани, где я надеялся рано или поздно получить выгодное предложение, но эта надежда оправдалась не скоро. Спустя три года мне наконец повезло — капитан Уильям Причард, хозяин судна «Антилопа», предложил мне место на своем корабле. Четвертого мая 1669 года мы снялись с якоря в Бристоле, и начало нашего плавания в южные широты Тихого океана оказалось в высшей степени удачным.

Однако при переходе от Магелланова пролива к Ост-Индии наше судно было отброшено страш-

ной бурей к северо-западу от Вандименовой Земли[2]. Двенадцать членов экипажа умерли, здоровье остальных было подорвано переутомлением и скверной пищей. Пятого ноября — в Южном полушарии как раз начиналось лето — стоял густой туман, но сильный ветер не утихал, и вахтенный слишком поздно заметил опасность. Корабль швырнуло на скалы, и он мгновенно разбился в щепки.

Шестерым из экипажа, и мне в том числе, удалось спустить шлюпку, чтобы попытатся добраться до берега. Сидя на веслах, мы отчаянно боролись с волнами на протяжении трех миль, пока с севера не налетел шквал, опрокинувший нашу лодку. Я вынырнул и поплыл к видневшейся в отдалении земле, подгоняемый ветром и приливом. Что случилось с моими товарищами, как и с теми, кто тщетно искал убежища на скалах, о которые разбился наш корабль, мне так и осталось неизвестным…

По мере того как приближалась земля, волны становились все меньше, ветер стихал. Наконец мои ноги коснулись дна, но пришлось брести по

---

[2] Сноски: 2

Вандименова Земля (Земля Ван-Димена) — первоначальное название острова Тасмания, использовавшееся европейскими исследователями и переселенцами.

воде более мили, прежде чем я выбрался на берег. По моим предположениям, это случилось около девяти часов вечера. Превозмогая слабость, я прошел еще около полумили, но так и не увидел никаких признаков жилья. Я очень устал, ноги отказывались мне служить, меня одолевал сон. В конце концов я улегся на короткую шелковистую траву и заснул так крепко, как не спал никогда в жизни.

Когда я проснулся, было уже совсем светло. Однако ни подняться, ни сдвинуться с места я не смог. Я уснул на спине, а теперь оказалось, что руки и ноги словно прикованы к земле, волосы же мои, густые и длинные, как бы приклеились к траве. От подмышек до бедер я был опутан множеством тонких бечевок. Голову повернуть не удавалось, и я мог смотреть только в небо; солнце жгло мое лицо и слепило глаза. Вокруг бурлила какая-то деятельная жизнь, однако положение, в котором я находился, не позволяло понять происхождение странных звуков.

Вскоре я почувствовал, что по моей левой ноге движется что-то живое, осторожно пробирается ко мне на грудь и приближается к подбородку. Опустив глаза, я с трудом разглядел человеческое существо ростом не более шести дюймов, в руках

которого находился крохотный лук, а за спиной — колчан. И тут же я понял, что вслед за этим существом по моему телу движется множество подобных созданий. От удивления я так громко вскрикнул, что незваные гости в ужасе бросились врассыпную и попáдали на землю, однако не прошло и пяти минут, как они снова вернулись. Один человечек отважился совсем близко подобраться к моему лицу, изумленно всплеснул ручонками и что-то громко прокричал остальным. Я не понял ни одного слова.

Представьте, в каком положении я находился все это время — неподвижно распластанный на земле и не имеющий возможности даже пошевелиться. В конце концов мне посчастливилось, сделав огромное усилие, порвать несколько бечевок и выдернуть колышки, к которым была привязана моя левая рука. Только поднеся ладонь к лицу, я понял, на какие хитрости пустились эти существа, чтобы связать меня. Резким рывком, причинившим мне нестерпимую боль, я несколько ослабил веревки, державшие в плену мои волосы, что позволило повернуть и немного приподнять голову. Однако мне не удалось схватить никого из человечков, потому что они мигом пустились наутек. Я услышал их пронзительные

вопли и тут же почувствовал, что в мою левую руку впиваются сотни острых, словно швейные иглы, стрел. У меня было такое чувство, будто я попал в осиное гнездо, — несколько стрел вонзились мне в лицо, которое я поспешил прикрыть освободившейся рукой. Как только этот колючий ливень утих, я застонал от боли и бессильного гнева и вновь попытался освободиться, однако последовала новая атака лучников; вдобавок мучители кололи мои бока пиками и копьями. К счастью, их наконечники не могли пробить кожаную куртку, которая была на мне. Решив, что лучше не сопротивляться и спокойно дождаться наступления темноты, я вытянулся на траве. Ночью, подумал я, мне удастся освободиться от пут, а что касается этих маленьких злобных вояк, то уж с ними я как-нибудь справлюсь.

Однако судьба распорядилась иначе. Как только человечки заметили, что я успокоился, они немедленно прекратили обстрел; тем временем шум вокруг меня нарастал, и я догадался, что численность захвативших меня в плен созданий возрастает с каждой минутой. С расстояния четырех ярдов от моего правого уха до меня доносился равномерный стук, продолжавшийся около часа. Повернув голову, насколько это оказалось

возможно, я скосил глаза и увидел деревянный помост высотою в полтора фута и ведущую к нему лестницу. Помост был довольно широким, но вскоре я понял, что он строился всего лишь для одного человечка.

По-видимому, меня решила навестить важная персона.

Взобравшись на помост, знатный господин три раза прокричал: «*Лангро дегиль сан!*» — и веревки, опутывавшие мою голову, были немедленно перерезаны. Я смог внимательно рассмотреть своего гостя. Это была особа мужского пола средних лет, ростом повыше своей свиты; один из сопровождающих, высотою в мой мизинец и по виду паж, держал шлейф вельможи, двое других почтительно замерли по обе стороны. Ко мне обратились с длинной речью, из которой я не понял ни слова, однако звучала она как речь опытного оратора. Человечек долго говорил, угрожающе жестикулируя, пока в его властном голосе не послышались благосклонные нотки; закончил он, как я понял, выражением сожаления и неопределенными обещаниями.

Я дал ему понять, что покорюсь любому его решению, при этом закатил глаза и слегка приподнял руку, как бы призывая небо в свидетели

моей искренности и смирения. Меня мучили голод и жажда — в последний раз я ел за несколько часов перед тем, как покинуть корабль. Потому, вопреки этикету, я несколько раз поднес ладонь ко рту, желая показать, что умираю от голода. *Гурго* (так называют в Лилипутии сановников) отлично понял этот жест. Он важно спустился с помоста и тут же приказал меня накормить.

Сейчас же к моим бокам были приставлены лестницы, по которым ко мне на грудь взобралась сотня человечков с корзинами, полными разнообразной еды, — кушанья были приготовлены и доставлены сюда по приказу монарха, правителя Лилипутии, едва до него дошла весть обо мне. Человечки бодро направились к моему рту. В меню входило жаркое, но из каких именно животных, я не разобрал; все эти лопатки, окорочка и филейные части, отменно приготовленные, по вкусу напоминали баранину. Особенность моего завтрака состояла лишь в том, что любое блюдо по объему не превосходило крылышка жаворонка. Я проглатывал сразу по нескольку порций вместе с тремя хлебами, каждый из которых был не больше ружейной пули. Человечки расторопно прислуживали мне, поражаясь моему аппетиту и огромному росту.

Глядя на то, как стремительно пустеют корзины, слуги поняли, что малым я не удовлетворюсь, и поэтому, когда дело дошло до питья, с помощью веревок подняли самую большую бочку, подкатили к моей руке и ловко вышибли дно. Я одним духом осушил всю бочку, вмещавшую не более полупинты легкого вина, по вкусу напоминавшего наше бургундское. Вторая бочка лишь раззадорила меня, и я попросил добавки, однако, к сожалению, вино закончилось.

Все это время человечки приплясывали на моей груди и вопили: «*Гекина дегуль!*», показывая знаками, чтобы я ради потехи сбросил обе бочки на землю. Признаюсь, мне с трудом удалось подавить желание схватить первых попавшихся под руку весельчаков и отправить их вслед за пустыми бочками. Но я дал слово вести себя смирно и не хотел новых неприятностей. Кроме того, я считал себя связанным узами гостеприимства с этим маленьким народом, который не пожалел сил и затрат на великолепное угощение.

И следует признать — эти крохотные изобретательные существа были кем угодно, только не трусами. Я должен был казаться им гигантским чудовищем, но они с отчаянным бесстрашием взбирались на меня и разгуливали, оживленно

беседуя и не обращая никакого внимания на то, что одна моя рука оставалась свободной и при желании могла бы всех их стереть в порошок.

Как только веселье поутихло, ко мне на грудь в сопровождении многочисленной свиты поднялся посланник короля. Вскарабкавшись наверх, посольство приблизилось к моей голове. Посланник предъявил верительные грамоты, скрепленные королевской печатью, поднеся их к моим глазам, и минут десять что-то энергично говорил, — видимо, здесь любили торжественные речи. В его словах не было ни малейших признаков угрозы, он обращался ко мне с достоинством, то и дело указывая куда-то вдаль; наконец я догадался, что решено доставить меня в столицу королевства, которая, как я узнал позднее, находилась на расстоянии полумили от побережья. Стараясь не задеть сановных лилипутов, я показал жестом, что все еще связан и пора бы меня освободить.

Вероятно, меня поняли, однако важная особа отрицательно покачала головой и, в свою очередь жестикулируя, пояснила, что я останусь пленником, но при этом со мной будут хорошо обращаться, кормить и поить. У меня тут же возникло непреодолимое желание освободиться самостоятельно, но воспоминание о ливне ма-

леньких жгучих стрел, боль от которых я все еще чувствовал, охладило меня, и я покорно опустил веки. Довольные моим смирением, посланник короля и его свита любезно раскланялись и удалились под всеобщее ликование и громкие крики. Я остался лежать на траве.

Раны на лице и левой руке смазали каким-то приятно пахнущим снадобьем, которое тут же уняло боль и зуд. Затем были перерезаны путы, но только с левой стороны, и я тут же повернулся на правый бок и справил малую нужду, заставив человечков броситься врассыпную от мощного и шумного, как им казалось, потока. Сытый и довольный, вскоре я крепко уснул. Проспал я — как выяснилось потом — около восьми часов, и в этом не было ничего удивительного, потому что лилипутские медики подмешали сонного зелья в обе бочки с вином.

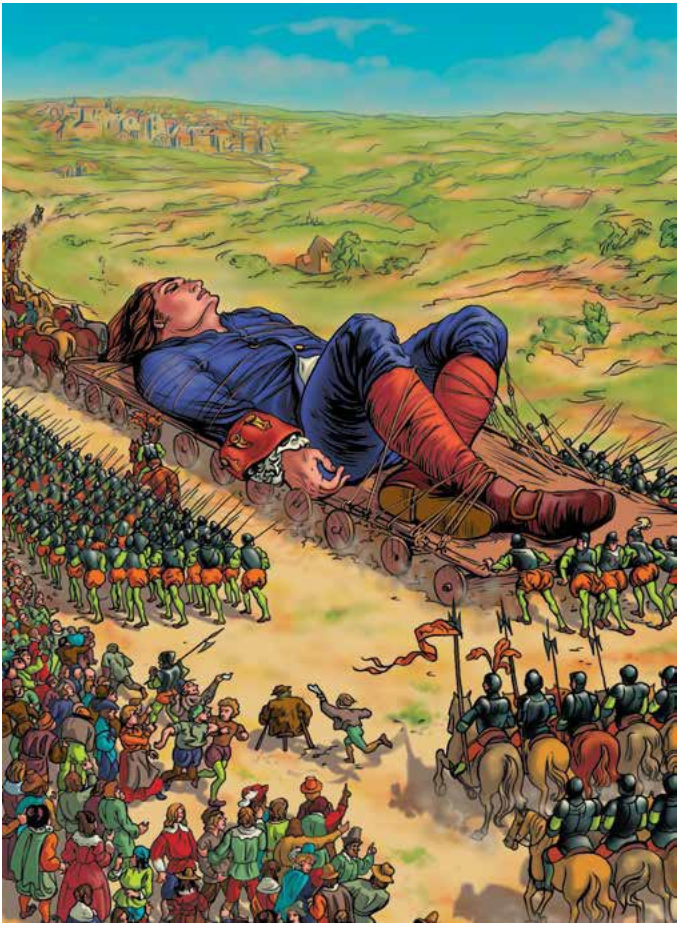
Дело, по-видимому, обстояло так. Как только меня нашли спящим на берегу после кораблекрушения, в столицу без промедления отправили гонца с донесением королю. Тотчас собрался государственный совет, на котором было принято решение лишить меня возможности передвигаться — что и было исполнено ночью, — затем накормить, усыпить и доставить в столицу.

Такое решение на первый взгляд может показаться неразумным и слишком смелым, однако я пришел к убеждению, что в подобном случае ни один европейский государственный деятель не поступил бы столь гуманно. В самом деле: допустим, меня бы попытались убить. И что же? Почувствовав уколы от микроскопических стрел, я бы проснулся и в припадке ярости порвал путы, а затем уничтожил все живое, попавшееся мне на глаза.

Среди этого народа имелись превосходные математики и механики. Как я узнал позже, король лилипутов поощрял и поддерживал развитие наук и всяческих ремесел. В местах, где рос лес, здесь строились большие военные корабли — до девяти футов в длину. Затем корабли поднимали на специальные платформы и перевозили к морю, так что опыт сооружения транспортных средств у лилипутов имелся. Инженерам и пятистам плотникам было велено немедленно приступить к строительству крупнейшей из таких платформ. Я еще продолжал спать, когда готовая платформа уже стояла параллельно моему неподвижному телу, вызывая шумное одобрение окружающих. Она имела двадцать две пары колес и достигала семи футов в длину и четырех в ширину, возвы-

шаясь при этом на три дюйма над землей.

Главная трудность заключалась в том, чтобы поднять меня и уложить на помост. Для этой цели — как мне позже рассказали — были вбиты в землю восемьдесят свай вышиною в фут и приготовлены прочные канаты, которые крепились крючьями к многочисленным повязкам, которыми я был спеленут, как младенец. Девятьсот отборных силачей взялись за дело и начали тянуть канаты с помощью блоков, прикрепленных к сваям. Чтобы переместить мое тело, понадобилось не меньше трех часов. Наконец меня уложили на платформу, крепко привязали, и полтысячи самых рослых лошадей, какие только нашлись в королевских конюшнях, повезли меня в столицу.



Мы находились в пути уже четыре часа, когда я проснулся — этому способствовал забавный случай. Повозка остановилась перед небольшим препятствием; воспользовавшись этим, пара молодых лилипутов из любопытства взобралась на платформу и тихонько прокралась к моему лицу. Один из них, очевидно солдат, сунул мне в ноздрю острие своей пики и принялся щекотать, словно соломинкой. Я оглушительно чихнул и открыл глаза. Храбрецов как ветром сдуло, но я проснулся и мог наблюдать все, что в дальнейшем происходило вокруг.

Когда стемнело, мы расположились передохнуть. Но и тогда меня строго охраняли при свете факелов и не давали возможности даже пошевелиться. На рассвете повозка-платформа со скрипом тронулась в путь и уже к полудню находилась в двухстах ярдах от городских ворот. Король и весь двор вышли нам навстречу, однако его величеству в целях безопасности посоветовали не подниматься на мое обездвиженное тело.

На площади, где остановился наш караван, возвышался огромный древний храм. Несколько лет назад этот храм был осквернен убийством, и с тех пор жители столицы перестали ходить туда на службы. Храм закрыли, вынесли из него

все убранство, и он долго стоял пустым. В этом здании и решено было меня поместить.

Широкий вход в бывшее святилище давал мне возможность свободно вползти внутрь, что я и сделал, когда меня освободили от дорожных пут. По обе стороны двери на расстоянии каких-нибудь семи дюймов от земли были расположены два оконца; в одно из них придворные кузнецы пропустили девяносто одну цепочку вроде тех, на которых наши европейские дамы носят свои часики. К моей левой ноге приковали миниатюрные цепи с тридцатью шестью висячими замочками. Напротив моей тюрьмы на расстоянии двадцати футов стояла башня, куда взошел король вместе с придворными, чтобы понаблюдать за мной, — сам же я его не видел. Около ста тысяч лилипутов с той же целью покинули свои дома. Наконец, убедившись, что бежать отсюда я не смогу, меня оставили в покое.

В самом скверном расположении духа я поднялся на ноги и повел плечами, разминая онемевшие мышцы. Тут-то и выяснилось, что прикованные к моей ноге цепочки длиною около двух ярдов позволяют мне не только выходить из храма наружу и прохаживаться, описывая полукруг, но и, вернувшись, без помех укладываться на полу

во весь рост.

Глава 2

Пришло время осмотреться, что я и сделал. Окрестности храма представляли собой сплошной пышный сад, а огороженные поля, каждое из которых занимало не более сорока квадратных футов, напоминали цветочные клумбы. Поля чередовались с лесом, где самые высокие деревья, насколько я мог судить, достигали лишь семи футов. Слева лежал город, похожий на пестро раскрашенную театральную декорацию.

Пока я любовался этой необычной картиной, король уже спустился с башни и верхом на лошади направился в мою сторону, едва не поплатившись за подобную смелость. Его отменно выезженный конь при виде меня испугался — вероятно, ему показалось, что на него движется гора. Животное взвилось на дыбы, но король, будучи превосходным наездником, сумел удержаться в седле, пока подбежавшие слуги не схватили коня под узцы и не помогли всаднику сойти. Утвердившись на ногах и сохраняя полное спокойствие, его величество внимательно рассмотрел меня со всех сторон, впрочем не приближаясь. Затем он велел меня накормить и

напоить, что тут же было исполнено. Лакеи, бывшие наготове, подкатывали тележки с провизией на расстояние моей вытянутой руки; я быстро опорожнил двадцать тележек с разнообразными кушаньями и десять с винами. Королева, молодые принцы и принцессы вместе с придворными дамами окружили короля, и теперь вся компания наблюдала за мной, затаив дыхание.

О правителе Лилипутии хотелось бы сказать особо, так как позже я с ним неоднократно встречался, а разобравшись в лилипутском наречии, подолгу беседовал, для чего мне приходилось ложиться на бок, а он располагался всего в трех ярдах от моего лица. Когда мы подружились, я даже сажал его величество на ладонь, где король бесстрашно расхаживал, продолжая разговор. Он вполне был достоин своего положения и благополучно правил страной уже более семи лет, окруженный любовью подданных.

Внешность короля была примечательной. Росточком он был повыше своих придворных, с внушительной осанкой, с мужественными и строгими чертами округлого лица. Нос крючковатый, кожа оливковая, нижняя губа слегка оттопырена. Осанка его пропорционально сложенного тела была величественной, движения

сдержанными и грациозными. Король уже переступил границу цветущей молодости, однако от него веяло отменным здоровьем и силой. Его одежда была скромной, обычного покроя — нечто среднее между азиатским и европейским стилем; королевскую голову украшал легкий золотой шлем, усыпанный драгоценными камнями, а в руке он держал обнаженную шпагу длиною около трех дюймов, на ножнах и эфесе которой сверкали мелкие бриллианты. Голос у его величества оказался пронзительный, чистый и до такой степени внятный, что даже стоя я мог без труда различать произносимые им слова.

В отличие от короля, придворная свита — а в особенности дамы — были настолько пышно разодеты, что, собравшись вместе, походили на волнующуюся ткань, расшитую золотыми и серебряными узорами.

Наконец его величество, приблизившись, начал задавать вопросы, на которые я пытался отвечать, но, увы, из нашего диалога ничего не вышло — мы совершенно не понимали друг друга. Короля сменили, судя по одежде, священник и юридическое лицо — теперь им было поручено вступить со мной в разговор. Я пробовал говорить на всех языках, с которыми был хоть немного

знаком, начал с латыни и закончил немецким, французским и голландским, но все это ни к чему не привело.

Спустя два часа разочарованный королевский двор неспешно удалился, и я был оставлен под усиленным караулом; меня охраняли в первую очередь от любопытствующей и возбужденной толпы лилипутов. Кое у кого из них хватило бесстыдства обстрелять меня из лука, как только я устроился на земле у входа; одна стрела едва не угодила мне в глаз. Рассерженный начальник стражи приказал арестовать стрелков и не придумал ничего лучше, чем, связав, отдать их мне для наказания. Солдаты, толкая несчастных перепуганных преступников в спину древками пик, подогнали их к моим ногам. Я наклонился, сгреб шестерых человечков в руку и положил всех, кроме одного, в карман камзола. Последнего я поднес ко рту, в шутку сделав вид, что хочу им закусить. Бедняга отчаянно завизжал, а стража пришла в сильнейшеее беспокойство, увидев в моих руках еще и нож. Я быстро их успокоил — с ласковой улыбкой посмотрев на пленника, я разрезал связывавшие его веревки и осторожно поставил на землю. Он мигом дал деру. Точно так же я поступил и с остальными лилипутами, по

очереди вынимая их из кармана. Толпа пришла в восторг; о случившемся тут же доложили королю, и мое милосердие произвело огромное впечатление при дворе.

С наступлением темноты я не без труда вполз в свою конуру и улегся на каменном полу. И пока для меня изготовлялась постель, мне пришлось в течение двух недель коротать ночи подобным образом. Наконец на повозках доставили шестьсот лилипутских матрасов и внесли их в храм; работа началась. Сто пятьдесят штук сшили вместе — так и образовался один огромный матрас, подходящий для меня. Когда были готовы все четыре, их сложили один на другой, и все-таки мое ложе оставалось ненамного мягче каменных плит. Простыни и одеяла изготовили тем же способом, и они оказались вполне сносными для человека, давно привыкшего к лишениям.

Едва весть обо мне разнеслась по королевству, как отовсюду в столицу начали стекаться любопытные. Близлежащие деревни опустели, полевые работы приостановились, хозяйственные дела пришли в упадок. Все это продолжалось бы еще долго, если бы король своими указами не пресек паломничество. Так, он распорядился, чтобы те, кто уже взглянул на меня, без промед-

ления возвращались домой. Все прочие должны были получать особое платное разрешение в канцелярии, что значительно пополнило королевскую казну.

Между тем сам король все чаще собирал совет, на котором обсуждалась моя судьба. Позднее я узнал от одной знатной особы, посвященной в государственные тайны, что двор находился в большом затруднении и мнения разделились. Одни опасались моего бегства и утверждали, что мое содержание окажется тяжким бременем для страны. Другие намеревались уморить меня голодной смертью или советовали поскорее отправить на тот свет с помощью отравленных стрел. Противники подобного решения возражали, упирая на то, что разложение такого громадного покойника может вызвать чуму, с которой лилипутам не совладать. Именно в разгар этого спора и явились несколько офицеров из приставленной ко мне охраны, чтобы сообщить о моем благодушном нраве и гуманном поступке по отношению к шестерым слабоумным, которые в меня стреляли.

Король Лилипутии при поддержке всего государственного совета немедленно подписал указ, который обязывал жителей деревень, находив-

шихся в радиусе девятиста ярдов от столицы, каждое утро доставлять на королевскую кухню шесть быков, сорок баранов и другую провизию для моего стола, не забывая о хлебе, вине и чистой воде для питья. Все это оплачивалось из средств его величества. Замечу, что король Лилипутии жил на доходы от своих владений, лишь в редких случаях обращаясь за финансовой помощью к подданным, которые охотно откликались на его просьбы.

Был назначен штат прислуги в шестьсот человек. Для них поставили удобные палатки по обе стороны от входа в мое жилище, платили жалованье и кормили. Далее последовал указ его величества о том, чтобы три сотни портных сшили для меня костюм местного фасона, а полдюжины знаменитых профессоров занялись моим обучением языку лилипутов. И наконец, решено было как можно чаще тренировать лошадей из королевской конюшни и конюшен королевской гвардии прямо на площади перед храмом, где я обитал, чтобы животные больше не пугались моей громадной фигуры.

Все указы его величества были надлежащим образом исполнены.

Спустя три недели я уже начал делать успехи

в освоении лилипутского языка. В течение этого времени король часто навещал меня; особенно ему нравилось присутствовать на уроках — он вслушивался в мой голос и одобрительно кивал головой. Вскоре я попробовал беседовать с его величеством, и первыми словами, которые я выучил, была просьба даровать мне свободу. Стоя на коленях, каждую нашу встречу я начинал с этой фразы — в качестве приветствия.

Король, однако, отвечал уклончиво. Насколько я смог понять, вопрос о моем освобождении он считал делом времени — один он не мог принять столь ответственное решение без согласия государственного совета. Прежде всего я должен поклясться хранить мир с самим королем и всеми его подданными. Звучала эта тарабарщина приблизительно так: *«Люмоз кельмин пессо деемарлон эмпозо!»* Тем не менее, продолжал король, ко мне и без того будут относиться благосклонно, а терпением и примерным поведением я сумею заслужить уважение его страны.

В один из своих визитов его величество, немного сконфузившись, заявил, что меня необходимо обыскать, поскольку крупные предметы, имеющиеся при мне, могут представлять опасность. «Мы не хотим вас оскорбить, — добавил он, — но

таковы наши правила». Я с улыбкой ответил, что могу сейчас же раздеться и вывернуть все карманы, но король пояснил, что, согласно закону, обыск должны произвести два специальных чиновника и на то необходимо мое согласие. Зная мое благородство и великодушие, он спокойно передает чиновников в мои руки; все, что будет изъято, мне возвратят в тот же миг, как я покину Лилипутию, или же будет куплено по назначенной мною цене. Я кивнул; его величество хлопнул в ладоши, и ко мне приблизились два строгих лилипута.

Наклонившись, я бережно поднял обоих служителей правосудия и отправил их для начала в карманы куртки. Затем, когда они закончили осмотр, переложил в остальные, кроме двух потайных карманчиков на жилете и еще одного. Там были вещи никому, кроме меня, здесь не нужные: серебряные часы, кошелек и прочая мелочь. После обыска суровые джентльмены велели мне спустить их на землю и составили подробную опись всего обнаруженного в моих карманах, которую и представили королю. Со временем я перевел этот документ на английский:

«В правом кармане куртки Человека

Горы после самого тщательного осмотра мы обнаружили лишь огромный кусок грубого холста, по размеру равный ковру в парадном зале дворца Вашего Величества. В левом кармане находился тяжелый серебряный сундук с крышкой из того же металла, которую мы не смогли даже приподнять. По нашему требованию сундук был открыт; один из нас залез в него, погрузившись в пыль неизвестного происхождения, вызвавшую сильнейшее чихание.

В правом кармане жилета находилась связка тонких листов белой бумаги, покрытых черными знаками. Предполагаем, что это — не что иное, как письмена, каждая буква которых по высоте равняется нашей ладони. Левый жилетный карман содержал особый предмет с двадцатью длинными жердями по краю, очень напоминающий ограду перед дворцом Вашего Величества. По красноречивым жестам Человека Горы мы поняли, что этим предметом он расчесывает свои длинные волосы.

В большом кармане штанов мы обна-

ружили огромный деревянный футляр, в котором был спрятан загадочный инструмент, содержащий острое лезвие опасного вида. Подобный футляр, где находился предмет из черного дерева величиною с колонну, куда вставлена стальная пластина, мы нашли в левом кармане. Полагая, что обе эти находки подозрительны, мы обратились к Человеку Горе за разъяснениями. Великан достал предметы из футляров и пояснил нам, что одним в его стране бреют бороду и усы, а другим — режут мясо за обедом.

Два полых железных столба неправильной формы, обнаруженных за поясом Человека Горы, мы также решили причислить к разряду невиданных доселе предметов.

В небольшом правом кармане штанов находилось много гладких дисков из белого, красного и желтого металла различной величины; они так тяжелы, что их едва удается поднять. И если те из них, что сделаны из желтого металла, действительно золотые, как утверждает Человек Гора, они должны представлять

огромную ценность.

Кроме того, мы обнаружили еще и такие карманы, куда не смогли проникнуть. Из одного спускалась серебряная цепь, прикрепленная к тому, что лежало внутри. Мы потребовали показать нам этот предмет. Человек Гора подчинился, вынул диковинную машину и поднес ее к нашим ушам — послышался непрерывный шум и стук, сродни шуму колеса водяной мельницы. Внешне загадочный предмет оказался похож на приплюснутый шар; нижняя часть его сделана из белого металла, а верхняя — из прозрачного твердого вещества, сквозь которое виднеются некие знаки. Мы склоняемся к мысли, что внутри шара находится почитаемое Человеком Горой божество, так как он утверждает, что всегда советуется с обитателем шара, указывающим время на протяжении всей его жизни.

Тщательно осмотрев все карманы, мы перешли к дальнейшему обыску и исследовали кожаный пояс на талии Человека Горы. К поясу с одной стороны прикреплена сабля длиною в пять раз более че-

ловеческого роста, а с другой — сумка из двух отделений, в каждом из которых может поместиться трое подданных Вашего Величества. Там находилось множество шаров из чрезвычайно тяжелого металла: каждый шар величиной почти с нашу голову; кроме того, были обнаружены черные зерна, довольно мелкие и легкие. На ладони их помещается до пятидесяти штук.

Такова точная и подробная опись всего, что найдено нами при досмотре Человека Горы. Пока шел обыск, он держал себя вежливо и с должным почтением, каковое подобает оказывать доверенным лицам Вашего Величества.

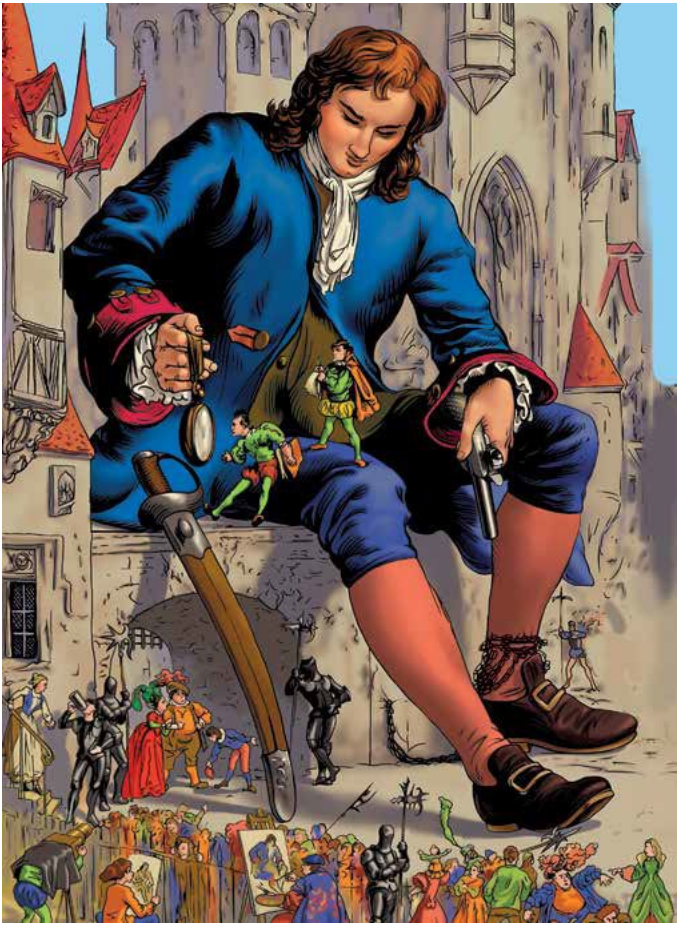
Скреплено подписью и приложением печати в четвертый день восемьдесят девятой луны благополучного царствования короля Лилипутии.

Клефрин Фрелок
Марси Фрелок».

Ознакомившись с этим документом, король обратился ко мне с просьбой предъявить некоторые предметы, упомянутые в нем. Сначала

его заинтересовала сабля. Меня окружили три тысячи гвардейцев с луками наизготовку, а его величество велел мне обнажить оружие, которое, как я знал, местами заржавело от морской воды. Однако, когда я вынул саблю из ножен и продемонстрировал королю, лезвие ярко сверкнуло на солнце. Гвардейцы попятились и испустили дружный вопль, но король и бровью не повел, приказал мне вложить саблю в ножны и бросить на землю в шести футах от моей цепи. Затем он попросил показать то, что было обозначено как «два полых железных столба неправильной формы». Я достал из-за пояса один из пистолетов (а это и была именно пара моих пистолетов) и, как мог, объяснил его устройство и назначение. Потом я зарядил пистолет холостым зарядом — благодаря плотно закупоренному патронташу порох остался сухим — и, предупредив его величество, выстрелил в воздух. На этот раз сотни его вояк рухнули, словно пораженные громом, а сам король лилипутов, хотя и устоял на ногах, но долго не мог прийти в себя. Я отдал ему пистолеты, патронташ с пулями и порохом, однако попросил держать порох как можно дальше от огня, так как при малейшей искре он может вспыхнуть и королевский дворец взлетит на воздух.

Мне пришлось расстаться и с любимыми часами, которые король рассматривал с нескрываемым любопытством. Он был поражен ходом часового механизма и движением минутной стрелки. Его величество пожелал выслушать мнение своих ученых, однако те так и не смогли дать вразумительных объяснений. Тогда король распорядился, чтобы пара самых дюжих гвардейцев унесла драгоценный предмет. Надев часы на шест и вскинув его на плечи, они тотчас отправились во дворец.



Я показал, доставая из карманов по очереди, серебряные и медные деньги, кошелек с десятью золотыми, нож, бритву, гребень, серебряную табакерку, платок и записную книжку. Моя сабля, пистолеты и пантронташ были отправлены на повозках в арсенал его величества. Остальное было возвращено мне.

Потайной карманчик я никому не показал — там у меня лежали очки, я пользовался ими при чтении. Подзорную трубу и кое-что еще я также скрыл. Для короля это не имело особого значения; кроме того, я опасался, что нужные мне вещицы затеряются или их испортят слишком любознательные лилипуты.

Глава 3

Моя кротость и примерное поведение вызвали такую симпатию у короля, двора, всего народа и даже армии, что во мне затеплилась надежда на скорое освобождение из почетного плена. Я грезил свободой и старался заслужить еще большее доверие к себе. Меня уже не боялись; я довольно сносно понимал лилипутский язык и говорил на нем. Иногда, лежа на земле, я позволял веселым человечкам плясать на моей руке, а дети часто играли в прятки в моих волосах.

Однажды королю захотелось развлечь меня красочными ярмарочными празднествами. На мой взгляд, акробаты в этой стране своей ловкостью и мастерством превосходят всех остальных циркачей в мире, но больше всего меня заинтересовали канатоходцы. Вообразите себе тонкую белую нить в два фута длиной, натянутую на высоте двенадцати дюймов от земли, и пляшущих на ней человечков. В таких представлениях участвуют только те лилипуты, которые являются кандидатами на государственные должности или ищут благосклонности королевского двора. Они обучаются этому искусству с юных лет

и упорно совершенствуются, отказывая себе в личной жизни. И когда открывается вакансия на высокую должность, несколько соискателей подают на имя короля прошение — позволить им дать представление в присутствии его величества и всего двора. Кандидаты танцуют на канате, и тот, кто прыгнет выше остальных и при этом не упадет на землю, занимает желаемую должность. Иногда первые министры вынуждены подтверждать свое искусство, чтобы убедить короля в том, что они не утратили своего таланта. Так, Флимнап, государственный казначей, был известен своей прыгучестью: он совершил пируэт на канате, повторить который не удалось ни одному другому сановнику во всем королевстве. Я наблюдал его опасные прыжки, когда он тренировался. Рельдресель, государственный секретарь и глава министерства иностранных дел, мой приятель, — если, конечно, наши с ним отношения можно назвать приятельскими, — занимал второе место после государственного казначея. Остальные сановники также находились на высоком уровне в искусстве хождения над пропастью.

Такие представления нередко сопровождаются роковыми происшествиями и несчастьями. Я сам видел нескольких изувеченных кандидатов-

неудачников. Но особая опасность подстерегает министров и государственных чиновников, демонстрирующих свою ловкость королю. Так, еще до моего прибытия сэр Флимнап едва не сломал себе шею, но его спасла случайно лежавшая под канатом одна из королевских подушечек.

Ежедневно в моем присутствии конюхи гвардейских и королевских конюшен объезжали на площади лошадей. Вскоре кони без страха уже подходили так близко ко мне, что однажды, когда я опустил руку на землю, некоторые всадники умудрились въехать на нее. Однако больше всех отличился королевский егерь, который с легкостью перепрыгнул на своей лошади через мою обутую в башмак ногу — будто брал барьер. Это был поистине поразительный прыжок.

Как-то мне пришло в голову необычное развлечение для короля. Я попросил доставить дюжину палок длиною в два фута и толщиною в обычную трость, и через день моя просьба была выполнена королевским лесничим. Я взял бóльшую часть палок и крепко вбил их в землю в виде четырехугольника, а сверху туго натянул свой носовой платок. Из остального материала я сделал нечто вроде барьера. Закончив работу, я предложил королю выделить двадцать четыре лучших кава-

лериста для упражнений на этом плацу. Затем, подняв поочередно каждого всадника в полном вооружении вместе с лошадью, я поставил их на платок. Построившись, кавалеристы разделились на два отряда, и военные действия начались. Король пришел в такой восторг, что еще не раз просил меня повторить эти маневры, и однажды сам пожелал подняться на плац, чтобы командовать войсками. Королеве эти забавы были не по душе, однако и она изредка наблюдала блестящее представление, сидя в носилках на расстоянии двух ярдов от площадки. К счастью, маневры окончились благополучно; лишь одна горячая лошадь пробила дыру в платке и, оступившись, упала, подмяв седока. Я тут же пришел ему на помощь. Упавшая лошадь вывихнула левую переднюю ногу, но всадник не пострадал.

Незадолго до моего освобождения, в то время как я, скучая, развлекал себя и королевский двор всякими фокусами, к его величеству прибыл гонец с известием, что около того места на берегу, где я был пленен, найден неподвижно лежащий громадный черный предмет странной формы. Предмет имеет круглое основание, по площади равен покоям его величества, крыша предмета плоская, а внутри — пустота. Я тотчас догадался,

что речь идет о моей потерянной шляпе, и упросил короля доставить ее в столицу. Он любезно дал согласие, однако, когда шляпа попала ко мне в руки, ее состояние оказалось крайне плачевным. Лилипуты волокли ее от самого берега до города при помощи крючьев и веревок и проделали в полях многочисленные дыры.

Спустя пару дней после этих событий его величеству пришла в голову еще одна странная забава. Был отдан приказ о приведении в полную готовность конных и пехотных полков, стоявших в столице и ее окрестностях. Король попросил меня замереть на площади, широко расставив ноги. Затем войска сомкнули ряды и торжественным маршем прошли подо мной — пехота по двадцать четыре человека в ряд, а кавалерия по шестнадцать, — с барабанным боем, развернутыми знаменами и пиками наперевес. Было приказано, чтобы во время парада, под страхом самого сурового наказания, войска сохраняли почтение по отношению ко мне. Однако сам я с ужасом думал о плачевном состоянии своих старых панталон, — и действительно, проходя между моими ногами, некоторые офицеры украдкой поднимали вверх глаза и отпускали непристойные шуточки…

Я подал в королевскую канцелярию столько прошений и докладных о моем освобождении, что в конце концов король вынес этот вопрос на обсуждение кабинета министров, а затем и государственного совета. Никто не выразил протеста, кроме Скайреша Болголама, который без всякой причины воспылал ко мне ненавистью. Но, несмотря на все его усилия, дело было решено и утверждено королем в мою пользу. Болголам занимал пост *гальбета,* — другими словами, адмирала королевского флота, пользовался доверием его величества и был человеком хоть и сведущим в своем деле, но грубым и со странностями. Нехотя согласившись на мое освобождение, он добился, чтобы ему было поручено предъявить условия, на которых я наконец-то обрету свободу. Бумагу адмирал доставил мне лично в сопровождении двух секретарей и нескольких знатных особ. Когда указ короля был оглашен, с меня взяли присягу, что я не нарушу ни единого пункта. Вначале я присягнул по обычаям своей страны, а затем должен был повторить клятву по лилипутским правилам.

Выглядело это так. Я должен был держать правую ногу в левой руке, положа в то же время средний палец правой руки на темя головы, а

большой — на правое ухо. Получилось это у меня с третьей попытки. Исторический документ мне оставили на память, и я его перевел:

«Его Высочайшее Величество Гольбасто Мамарен Эвлем Гердайло Шефин Молли Олли Гу, могущественный король Лилипутии, отрада и ужас Вселенной, чьи владения, занимая пять тысяч блестрегов (около двенадцати миль в окружности), распространяются до крайних пределов земного шара; король королей, величайший из сынов человеческих, властитель, что своей стопой попирает центр земли, а головой касается солнца; король, чей взгляд вызывает дрожь в коленях земных царей, — предлагает недавно прибывшему в наши небесные владения Куинбусу Флестрину, или Человеку Горе, следующие условия, которые тот обязуется неуклонно выполнять.

1. Человек Гора не имеет права оставить Лилипутию без нашей разрешительной грамоты с приложением большой государственной печати.

2. Также он не имеет права входить в

столицу без нашего особого распоряжения. В этом случае жители должны быть предупреждены за два часа, чтобы иметь время и возможность укрыться в своих домах.

3. Человек Гора обязан ограничивать свои прогулки только большими дорогами и не должен гулять или ложиться отдыхать на лугах и хлебных полях.

4. Во время прогулок Человеку Горе необходимо заботиться о том, чтобы не наступить на кого-нибудь из наших любезных подданных, на их лошадей и повозки; он не должен брать в руки никого из обывателей без их на то согласия.

5. Если потребуется быстрое отправление куда-либо курьера, то Человек Гора берет на себя обязанность раз в луну относить в своем кармане курьера вместе с лошадью на расстояние шести дней пути, а в случае надобности доставлять его целым и невредимым обратно к Нашему Величеству.

6. Человек Гора обязан стать нашим союзником в борьбе против враждебного острова Блефуску и приложить все уси-

лия для уничтожения неприятельского флота, который в настоящее время готовится к войне с нашим королевством.

7. Человек Гора в часы досуга должен принимать участие в общественных работах, поднимая громадные камни при сооружении стены, окружающей главный парк столицы, а также при постройке других королевских зданий.

8. В течение двух лун Человеку Горе предлагается составить точное описание границ нашего королевства, для чего ему разрешается обойти все побережье и измерить протяженность границы, сосчитав число пройденных шагов.

9. Человек Гора торжественно присягает в точности исполнять вышеперечисленные условия его освобождения из-под стражи. Мы же в свою очередь назначаем ему ежедневное содержание, равное содержанию 1728 наших подданных. Кроме того, он будет пользоваться свободным доступом к нашей августейшей особе и нашим благоволением.

Подписано в Бельфабораке, королевском дворце, в двенадцатый день девяно-

сто первой луны нашего царствования».

Я с большим удовольствием дал присягу и расписался под этим примечательным документом, хотя некоторые из его пунктов меня озадачили. Совершенно очевидно, что к его составлению приложил руку адмирал Болголам, затаивший на меня злобу.

Мои цепи тут же были сняты, и я оказался на свободе. Король лично присутствовал при этой церемонии. В знак благодарности я распластался у ног его величества, но он велел мне подняться, произнес несколько милостивых слов и выразил надежду, что я стану его верным слугой и буду достоин тех милостей, которые он уже оказал мне и надеется оказать в будущем.

Глава 4

Обретя свободу, я прежде всего попросил разрешения осмотреть Мильдендо, столицу Лилипутии. Король охотно согласился, но велел строго соблюдать осторожность по отношению к горожанам и их жилищам. Столичное население тут же оповестили.

Вся столица была огорожена стеною высотой в два с половиною фута и толщиной не менее одиннадцати дюймов. Лилипуты могли совершенно свободно проехать по ней в карете, запряженной парой лошадей. По углам стены на расстоянии десяти футов одна от другой высились крепкие башни. Перешагнув через главные Западные ворота, я снял сюртук, чтобы не задеть полами крыши и карнизы домов, и осторожно прошел по двум центральным улицам. Несмотря на строгий приказ укрыться в домах и не покидать их до конца моей прогулки, беспечные жители столицы сновали у меня под ногами. Я с большой осторожностью продвигался вперед, стараясь никого не раздавить. В открытых окнах верхних этажей, на балкончиках и крышах замерли любопытные; у меня сложилось впечатление, что город слишком

плотно населен.

Столица Лилипутии на плане походила на правильный четырехугольник, каждая сторона которого равна пятистам футам; две главные улицы шириною в пять футов каждая пересекались под прямым углом и разделяли город на четыре части. Небольшие боковые улочки и переулки, в которые я не мог пробраться, по ширине составляли от двенадцати до восемнадцати дюймов. Город мог вместить до пятисот тысяч человек; дома в основном были трех— и пятиэтажные, а лавки и рынки полны всевозможных товаров.

Королевский дворец находился в центре столицы и был расположен на перекрестке главных улиц. Его окружала стена в два фута высотой, отстоявшая от тыльной части дворца и служебных построек на двадцать футов, а со стороны площади, куда выходил фасад, — на восемь футов. Я получил разрешение его величества перешагнуть через стену и благодаря свободному пространству позади зданий мог осмотреть их со всех сторон.

Королевские покои находились в глубине обширного квадратного внутреннего двора, и чтобы попасть туда, — а мне очень хотелось их осмотреть, — нужно было пройти через главные

ворота вышиною всего лишь в восемнадцать дюймов и семь дюймов в ширину. Я мог бы их перешагнуть, но боялся разрушить каменные постройки, хоть и прочные, однако стоящие слишком тесно. Король очень хотел показать мне свой великолепный дворец, но лишь спустя три дня мне удалось выполнить его желание.

В королевском загородном парке я срезал ножом несколько самых крупных деревьев и смастерил из них два табурета высотой около трех футов, которые могли бы выдержать мой вес. Подойдя к резиденции короля со стороны площади, я встал на один табурет, поднял другой над крышами построек и осторожно поставил на свободное место. Затем перешагнул через здания с одной табуретки на другую. Теперь, присев на корточки, я мог внимательно рассмотреть внутреннее убранство дворца, а также всех его обитателей.

Мне удалось увидеть всю королевскую семью и даже поцеловать ручку королевы, грациозно и милостиво протянутую мне из окна.

Полюбовавшись красотами дворца, я с помощью тех же табуретов благополучно выбрался на площадь и вернулся к себе.

Однажды утром, примерно через пару недель

после моего освобождения, ко мне явился Рельдресель в сопровождении слуги. Велев кучеру ждать, государственный секретарь попросил выслушать его и предпочел во время нашего разговора оставаться на моей ладони. Я охотно согласился из уважения к его личным достоинствам и в благодарность за хлопоты о моей судьбе перед королем. Мне было хорошо известно, что ни одно важное дело в королевстве не проходило без его ведома.

Прежде всего Рельдресель поздравил меня с освобождением, добавив, что своей свободой я обязан особому стечению обстоятельств в государственных делах.

«Каким бы блестящим ни казалось чужеземцу наше положение, — продолжал мой гость, — мы страдаем от двух страшных зол: от внутренних раздоров и от угрозы нападения коварного и сильного противника. Первое связано с тем, что около семидесяти лун тому назад в королевстве возникли две враждующие партии. Партия *тремексенов* объединила сторонников высоких каблуков, *слемексены* же объявили себя приверженцами низких. Возможно, вы, друг мой, заметили, — спросил государственный секретарь с легкой усмешкой, — что подданные его величе-

ства обуты в башмаки, имеющие каблуки разной высоты?»

Я кивнул.

«Тремексены утверждают, — продолжал он, — что обязательное ношение высоких каблуков было навечно закреплено нашей первой Конституцией. Однако нынешний король — сторонник низких каблуков, и он постановил особым указом, чтобы все служащие правительственных и придворных учреждений носили исключительно низкие каблуки. И это вы тоже заметили, как и то, что у его величества каблуки на башмаках на один *дрепр,* или четырнадцатую часть дюйма, ниже, чем у придворных. Вражда между обеими партиями доходит до того, что члены одной не могут находиться за общим обеденным столом с членами другой. Тремексены многочисленны, однако не имеют в руках власти. В то же время у нас появилось подозрение, что наследник престола симпатизирует этой партии, — нетрудно заметить, что один его каблук выше другого, вследствие чего его высочество прихрамывает… И вот на фоне этих внутренних раздоров близится беда извне — со стороны соседнего острова Блефуску…»

Рельдресель сделал паузу и внимательно по-

смотрел на меня.

«Вот вы утверждаете, — вздохнул он, — что на свете существуют другие королевства и государства, где живут такие же великаны, как вы. Однако наши ученые сомневаются в этом и склонны придерживаться гипотезы, что вы, мой уважаемый друг, скорее всего, свалились с неба. Кроме того, имеются летописи и исторические документы, в которых за период в шесть тысяч лун не упоминается ни одно государство, кроме великого королевства Лилипутии и империи Блефуску… Мы соседствуем с этим островным государством, однако в течение уже тридцати шести лун нам приходится вести с ним ожесточенную войну. Поводом для нее послужило следующее событие. Всем известно, что с незапамятных времен яйца всмятку полагается разбивать с тупого конца. Случилось так, что дедушка его величества, еще будучи ребенком, за завтраком порезался острым осколком скорлупы, разбив яйцо, которое ему подали. Его батюшка, прадед нашего короля, издал указ, предписывающий всем лилипутам разбивать яйца исключительно с острого конца… И что бы вы думали? Этот указ вызвал такое возмущение среди населения, что началась смута, которая переросла в настоя-

щую революцию. Летописи упоминают о шести восстаниях, во время которых пострадали даже королевские особы. Около одиннадцати тысяч фанатиков были приговорены к смертной казни за отказ разбивать яйцо с острого конца.

Правители Блефуску упорно поддерживали и поощряли народные волнения, укрывая бунтовщиков в своих владениях. Там печатались прокламации и даже брошюры. В Лилипутии движение тупоконечников было давным-давно запрещено, его сторонники лишились права занимать государственные должности, а их книги преданы огню… Все еще больше осложнилось, когда с острова Блефуску в нашу сторону прозвучали обвинения в ереси и расколе. Мы, по утверждению их теологов, исказили основной догмат нашего великого общего пророка *Люстрога*. В пятьдесят четвертой главе духовной *„Книги Алкорана“* сказано: *„Все истинно верующие да разбивают яйца с того конца, с какого удобнее“*. А какой конец — тупой или острый — считать удобным? Как по мне, так это личное дело каждого верующего. В общем, началась полемика, сопровождаемая теперь уже религиозными волнениями, были написаны и отпечатаны сотни томов, посвященных этому вопросу, однако все

оказалось без толку и отношения между нашими странами окончательно испортились. А изгнанники-тупоконечники нашли убежище в империи Блефуску и приобрели огромное влияние на тамошних правителей.

И вот эта ужасная война тянется уже тридцать шесть лун, и ни одна из враждующих сторон не добилась решающей победы. За это время мы потеряли сорок линейных кораблей и огромное число мелких судов, пятьдесят тысяч моряков и солдат погибли. Думаю, что потери противника не меньше, если не больше. Однако, по донесениям тайных агентов, неприятель снаряжает новый флот, чтобы высадить десант на побережье нашего королевства. Его величество, король Лилипутии, полагаясь на вашу силу и храбрость, повелел мне обрисовать вам истинное положение дел…»

Я поблагодарил госсекретаря за оказанное доверие и просил передать его величеству мое глубочайшее почтение.

«Доведите до сведения короля, — сказал я своему гостю, — что хотя мне как иностранному подданному не следовало бы вмешиваться во внутренние дела чужого государства, однако я в долгу у его величества за спасение и дарованную

мне свободу. Я готов не щадя жизни защищать его особу и всех лилипутов от любого врага, грозящего вторжением в пределы королевства!»

Глава 5

Королевство Лилипутия занимает часть побережья континента, а империя Блефуску — остров, расположенный на северо-востоке от него; пролив шириной в восемьсот ярдов разделяет обе державы. Я еще ни разу не бывал в той части берега, откуда виден остров, а узнав о предполагаемом вторжении, и в дальнейшем старался не появляться там, опасаясь, что меня заметят с кораблей противника. Вряд ли в Блефуску могли знать о моем пребывании в Лилипутии — ведь во время войны всякие отношения между соседями были запрещены под страхом смертной казни, вдобавок король наложил запрет на выход судов из портов своей страны.

Наконец разведка донесла, что флот противника стоит наготове в одной из гаваней в проливе в ожидании попутного ветра. При встрече я изложил его величеству план захвата всех неприятельских кораблей и получил согласие на выполнение задуманного.

Прежде всего я расспросил у опытных моряков о глубине пролива и узнал, что даже во время прилива глубина его в средней части равна семи-

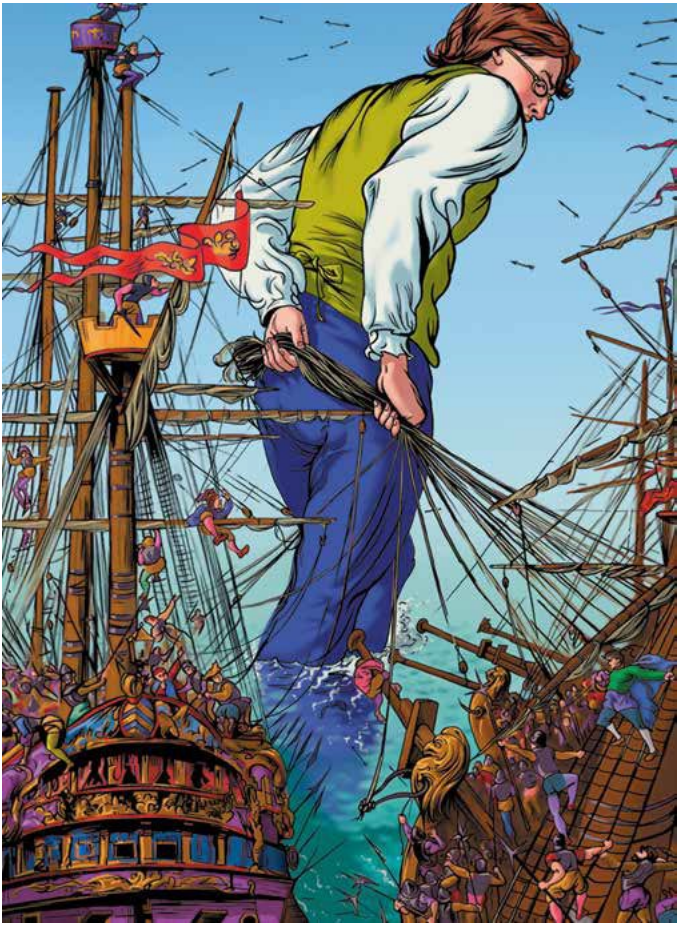
десяти *глюмглеффам,* — то есть примерно шести европейским футам. Во всех остальных местах она не превышает пятидесяти глюмглеффов. Отправившись на северо-восточное побережье, я укрылся за песчаным пригорком и, глядя в свою подзорную трубу, насчитал до пятидесяти военных кораблей блефускуанцев.

Дома я сразу же занялся подготовкой к операции. Сначала я распорядился доставить мне полторы сотни самых прочных и длинных канатов и большое количество железных брусьев. Задание было исполнено быстро. Канаты оказались толщиной не больше обычной бечевы, а брусья — с вязальную спицу. Чтобы изготовить то, что мне требовалось, я свил канаты по три, а железные брусья скрутил и согнул в виде крючков. Каждый из этих пятидесяти крючков я прикрепил к концам тросов.

Затем я снова отправился к тому месту, откуда наблюдал за флотом противника.

Сняв с себя платье, башмаки и чулки, в одной кожаной куртке я вошел в воду за полчаса до начала прилива. Сперва я шел вброд, а затем немного проплыл, пока вновь не почувствовал под ногами дно. Мне пришлось поторопиться, и уже через двадцать минут я оказался в гавани, где

стоял неприятельский флот. Мое неожиданное появление вызвало панику среди блефускуанцев; заметив меня, они пришли в такой ужас, что начали бросаться с кораблей в море. Тогда я вынул приготовленные веревки и связал их в узел, зацепив крючки за нос каждого корабля. Пока я этим занимался, в мое лицо и руки вонзились тысячи стрел. Тут-то мне и пригодились очки, которые я утаил при обыске. Стрелы причиняли боль и мешали работать, но глаза были защищены. Теперь оставалось подрезать якорные канаты, удерживавшие корабли, — и наконец, взявшись за узел, соединявший все тросы, я без помех потащил за собой полсотни вражеских военных кораблей.



Неприятель был в полной растерянности. Блефускуанцы думали, что я намерен просто уничтожить весь флот или пустить корабли по течению, — но увидев, что я перерезаю якорные канаты, они пришли в отчаяние. Не обращая внимания на крики и горестные вопли, я выбрался из-под обстрела, волоча корабли за собой. И лишь оказавшись в полной безопасности, я остановился, чтобы извлечь из лица и рук проклятые колючки, снять очки и часок передохнуть, пока вода немного спадет. Затем, невредимый, я благополучно прибыл со своими трофеями в главный порт Лилипутии.

Его величество и весь двор находились в ожидании на берегу; на середине пролива вода доходила мне до шеи, и с берега был виден только полумесяц приближающихся кораблей. Король решил было, что я утонул, а неприятельский флот приближается с самыми серьезными намерениями, но вскоре его величество понял: тревога напрасна. Я вышел из воды, потрясая канатами, к которым были привязаны корабли, и громко воскликнул: «Да здравствует король Лилипутии!» Как только я приблизился к его величеству, я удостоился высочайшей похвалы и титула *нардака* — самого почетного в королевстве.

Увы! Честолюбие сильных мира сего не имеет границ. Король тут же пожелал, чтобы я нашел способ полностью обезоружить противника. Ему не терпелось обратить империю Блефуску в провинцию Лилипутии, истребить под корень всех тупоконечников и принудить блефускуанцев разбивать яйца с острого конца. То есть окончательно стать владыкой вселенной. Однако я всячески избегал разговоров на эту тему, а когда его величество все же потребовал от меня ответа, прямо и решительно заявил, что никогда не стану орудием завоевателя.

Этого король Лилипутии мне не простил.

То, что я впал в немилость, поняли и члены государственного совета. Кое-кто из них был на моей стороне, однако они оказались в меньшинстве; тайных недоброжелателей у меня стало намного больше. Такова благодарность владык, и не прошло двух месяцев, как его величество и преданные ему министры развязали против меня настоящую войну.

Но возвратимся к мирным временам. Спустя пару недель после моего подвига из Блефуску прибыло посольство императора. Торжественный кортеж, состоявший из шести парламентеров и свиты в пятьсот персон, вполне соответствовал

важности события. Я принимал участие в переговорах и, благодаря своему действительному или кажущемуся влиянию при дворе, оказал немало услуг посольству. По окончании официальной части визита блефускуанцы посетили меня. Не переставая восхищаться моей смекалкой и храбростью, послы передали мне приглашение императора Блефуску посетить его остров. Затем гости попросили показать несколько примеров моей удивительной силы, о которой ходят легенды. Я охотно доставил послам это удовольствие, проделав несколько незатейливых фокусов. Они пришли в великое изумление, и мы расстались, довольные друг другом. Напоследок я пообещал непременно посетить их остров.

При первой же встрече с королем Лилипутии я попросил у него позволения побывать в империи Блефуску. Его величество дал согласие, но при этом держался весьма холодно. Мне и в голову не приходило, что меня уже успели оклеветать Флимнап и Болголам, донеся королю, что я пренебрежительно отзывался о нем в частной беседе с блефускуанцами. Однако моя совесть была чиста, поэтому я простодушно поблагодарил короля за милость, хотя и стал все чаще задумываться о нравах, царящих на вершинах власти.

Следует заметить, что послы Блефуску беседовали со мной через переводчика, тогда как официальные переговоры велись на лилипутском языке — этого потребовал король, пользуясь правом победителя. Язык блефускуанцев отличается от лилипутского не больше, чем два родственных европейских языка, и благодаря географической близости обоих государств и тесным торговым связям в прошлом языковых преград между соседями не существует. Обычай посылать молодых людей посмотреть мир, познакомиться с историей и жизнью другого народа привел к тому, что редко можно было встретить образованного человека, моряка или купца из приморского города, который не владел бы обоими наречиями. В этом я убедился, когда отправился на остров Блефуску засвидетельствовать почтение императору.

Этот визит впоследствии сослужил мне неоценимую службу — в ту пору, когда злобные мои недоброжелатели возвели против меня ложные обвинения. К тому же теперь я носил самый почетный титул в Лилипутии, что давало мне право не соблюдать некоторые особенно унизительные пункты договора, подарившего мне свободу. Договор мне не нравился, а король после победы

над блефускуанцами о нем и не вспоминал.

Это-то и приводило моих недоброжелателей в ярость.

Глава 6

У меня нет желания повторять здесь клевету, которая, как тень, ползла за мной по пятам. В конце концов враги и завистники настроили против меня короля и даже королеву.

Гораздо приятнее просто рассказать читателю о Лилипутии, тем более что я надеюсь когда-нибудь посвятить этому удивительному королевству отдельное исследование.

Средний рост мужчины-лилипута слегка превышает шесть дюймов. Этой величине здесь пропорционально соответствуют и животные, и растения. Так, лошади и быки не вырастают выше четырех или шести дюймов, а овцы — выше полутора дюймов; гуси чуть поменьше нашего воробья. Мелкие же звери, птицы и насекомые были для меня почти невидимы. Однако природа приспособила зрение лилипутов ко всем окружающим их предметам — они видят очень хорошо, но на коротком расстоянии. Никогда не забуду, с каким удовольствием я однажды наблюдал за поваром, который ощипывал жаворонка размером много меньше обыкновенной мухи, и за девушкой, вдевавшей невидимую мною

шелковую нить в ушко иголки, которой как бы и вовсе не было.

В Лилипутии самые большие и старые деревья достигают высоты не более семи футов; они произрастают в королевском парке. Меня часто мучил вопрос: для чего крошечным людям такие гиганты, ведь даже я доставал верхушки некоторых из них, только приподнявшись на цыпочки. Вся остальная растительность имела размеры, пропорциональные величине среднего лилипута.

Прежде чем поведать о науке и технических достижениях, проникших во все отрасли хозяйства в этом королевстве, отмечу весьма оригинальную манеру письма лилипутов. Они пишут не так, как европейцы — слева направо, не так, как арабы — справа налево или как китайцы — сверху вниз. Их способ письма сходен с тем, каким нередко пользуются английские дамы: наискось страницы, от одного угла к другому.

Лилипуты хоронят умерших вниз головой; они верят, что через одиннадцать тысяч лун мертвые воскреснут, а так как к этому времени Земля, которую лилипуты считают плоской, перевернется вверх дном, покойники снова утвердятся на ногах. Тамошние ученые признают нелепость

этой доктрины, но среди простого народа такой обычай сохраняется до сих пор.

В королевстве лилипутов действуют весьма своеобразные законы и порядки, и не будь они противоположны тому, что происходит в моем любезном отечестве, я стал бы их ярым сторонником. Желательно только, чтобы они строго исполнялись. Прежде всего коснусь уголовных законов.

Все государственные преступления в Лилипутии караются чрезвычайно строго. Однако если во время судебного процесса обвиняемый докажет свою невиновность, то обвинитель тут же приговаривается к позорной казни, а из его имущества взыскиваются в пользу невиновного штрафы в четырехкратном размере: во-первых, за потерю рабочего времени, во-вторых — за опасность, которой он подвергался, в-третьих — за лишения, которые довелось испытать обвиняемому в тюрьме, и наконец, в-четвертых — за все расходы, которых стоила ему защита. Если имущества обвинителя окажется недостаточно, остальное доплачивает казна. Кроме того, король публично жалует оправданного знаком своей милости и по всему королевству объявляют о его невиновности.

Лилипуты считают мошенничество более тяжким преступлением, чем воровство, и потому лишь в исключительных случаях оно не карается смертью. Они рассуждают так: при некоторой осторожности, бдительности и наличии здравого смысла имущество всегда можно уберечь от вора, но от ловкого мошенника нет спасения. Между тем вся торговля лилипутов основана на полном доверии. Поэтому закон строго преследует обман в торговых сделках. Мне однажды довелось ходатайствовать перед королем за преступника, который обвинялся в воровстве. Этот человек, получив по поручению хозяина крупную сумму, присвоил ее и скрылся. Я указал его величеству на то, что это было не воровство, а лишь злоупотребление доверием, — именно так утверждали бы адвокаты в моей стране. Король нашел мой аргумент чудовищным. По его мнению, он лишь отягощает вину преступника, — к обману добавляется нарушение взаимного доверия. Признаюсь, мне нечего было возразить, и, сконфузившись, я лишь пробормотал, что законы у различных народов не могут быть одинаковы.

Хоть мы и называем кнут и пряник рычагами, с помощью которых движется государственная машина, только в Лилипутии я видел, как строго

и последовательно это правило проводится в жизнь. Всякий, кто сумеет доказать, что в течение семидесяти трех лун он ни разу не нарушил законов, получает право на привилегии, соответствующие его положению в обществе, а также на солидное денежное вознаграждение, выдаваемое из специальных фондов. Такой подданный получает титул *снильпела*, то есть блюстителя законов; этот титул прибавляется к его фамилии, но не передается по наследству. Когда я поведал лилипутам, что в Англии соблюдение законов обеспечивается лишь страхом наказания без малейшего намека на награду, они увидели в этом огромный недостаток нашего законодательства. Поэтому в здешних судебных учреждениях статуи, изображающие богиню правосудия, имеют шесть глаз: два глаза смотрят на вас, два находятся на затылке и два по бокам головы, — это означает бдительность. В правой руке богиня держит открытый мешок с золотом, а в левой — меч в ножнах, в знак того, что она готова скорее награждать, чем наказывать.

При выборе кандидатов на правительственные должности прежде всего учитываются нравственные качества претендентов. Человек, считают лилипуты, обладающий средним умственным

развитием, способен работать на благо королевства и без особых дарований. Управление общественными делами не содержит в себе ни тайн, ни сложностей, которые под силу только гениям, одаренным от природы. Гении же рождаются раз в три столетия. «Нет ничего хуже, — говорят лилипуты, — как поручать государственные дела таким людям. Ошибка должностного лица, совершенная по простодушию или неведению, но из добрых побуждений, может быть исправлена. А вот деятельность чиновника с дурными наклонностями, ловко умеющего скрывать свои пороки и избегать наказания, представляет огромную опасность для общественного блага».

К сожалению, за последнее время в Лилипутии многое изменилось. Как и в других государствах, в этом маленьком королевстве повсюду царит испорченность нравов — главный признак вырождения нации. За примером далеко ходить не нужно. Позорное правило, введенное нынешним королем, назначать на высшие государственные должности самых ловких плясунов на канате или награждать тех, кто лучше прыгает через препятствия или быстрее всех проползает под ними, говорит само за себя. Как следствие — интриги, политические скандалы и борьба кланов

и партий.

Неблагодарность считается у лилипутов уголовным преступлением; об этом они рассуждают так: «Если человек способен на добро отвечать злом, то во всех остальных людях, ничем ему не обязанных, он неизбежно ищет врагов, — и за одно это достоин смерти».

Лилипутские взгляды на семью и отношения между родителями и детьми разительно отличаются от тех, что приняты во всем цивилизованном мире. Лилипуты уверены, что дети являются лишь естественным продолжением рода и не должны нести никаких обязательств по отношению к родителям. Жизнь трудна, говорят они, а рождение ребенка — всего лишь результат любовного чувства между мужчиной и женщиной; потомство проходит тот же путь, что и его родители. Привязанность к детям проистекает также из природного начала, и поэтому не следует доверять воспитание ребенка отцу или матери. Оно должно быть возложено на государство и общество. Поэтому в Лилипутии во всех городах существуют особые воспитательные заведения, куда ребенок отправляется по достижении им возраста двадцать лун.

Эти школы делятся на мужские и женские, а

воспитание и обучение в них ведется по-разному — в зависимости от состава учащихся. Существуют школы для отпрысков богатых и знатных родителей, для детей ремесленников и бедных горожан, — и во всех этих учебных заведениях опытные педагоги готовят учеников к будущей жизни и деятельности в зависимости от их способностей, наклонностей и соответственно общественному положению их родителей.

Школы для мальчиков благородного происхождения находятся под присмотром солидных профессоров. Учителя в них весьма образованны, отношения демократичны. Одежда и пища учеников отличаются простотой и скромностью; до четырех лет за детьми ухаживает прислуга, но в дальнейшем они обслуживают себя самостоятельно, какое бы знатное имя ни носили. Ученики воспитываются в уважении к чести, справедливости, храбрости и скромности; им прививают религиозное чувство и любовь к отечеству. Дети постоянно заняты: все время, за исключением завтрака, обеда и ужина, сна и двухчасовых физических упражений, посвящено учению; двадцать четыре часа в сутки воспитанники находятся под присмотром, поэтому они ограждены от дурного влияния улицы и толпы,

которому подвержены европейские дети. Родители имеют право посещать школу всего два раза в год. Каждое свидание продолжается не более часа. Приласкать ребенка можно только при встрече и прощании; присутствующий во время свиданий воспитатель следит за тем, чтобы отцы и матери не шептались со своими чадами, не целовали их, не тискали, не дарили им игрушек и лакомств.

Школы для детей небогатых дворян, купцов и ремесленников устроены по тому же образцу. Отличаются они лишь тем, что дети дворян и купцов продолжают общее образование до пятнадцати лет, остальные же ученики с одиннадцати лет изучают ремесла, чтобы освоить профессию родителей. Надо заметить, что школьный режим для старших воспитанников заметно суровее и жестче.

В женских учебных заведениях девочки знатного сословия воспитываются так же, как и мальчики. До пяти лет за ними присматривают, одевают и раздевают горничные, но при этом обязательно присутствует воспитательница. Прислуге строжайше запрещено рассказывать девочкам глупые сказки, страшные истории и уличные сплетни, как это подчас происходит у

нас. Если подобное будет замечено, виновная в нарушении запрета трижды подвергается публичной порке кнутом, на год садится в тюрьму, а затем навечно ссылается в необитаемую часть королевства. С пятилетнего возраста девочка приучается к самостоятельности.

Благодаря такой системе воспитания молодые дамы в Лилипутии стыдятся жеманства и считают трусость позором. Подобно мужчинам, они с презрением относятся к украшениям; они опрятны и ведут себя с достоинством. Я не заметил никакой существенной разницы в образовании мальчиков и девочек. Лишь физические нагрузки поменьше да курс наук для девочек составлен не так обширно и глубоко, зато много времени посвящается изучению домоводства. Даже принадлежа к высшему обществу, считают лилипуты, женщина должна вести домашние дела, но главное — быть отзывчивой, чуткой и разумной подругой своему мужу. Ведь молодость и красота не вечны. Когда выпускнице школы исполняется пятнадцать лет, родители или опекуны забирают ее домой, чтобы подготовить к замужеству; при этом прощание с подругами редко обходится без горьких девичьих слез.

В заведениях для девочек из низших слоев

общества, помимо начального образования, происходит обучение всякого рода работам. Девочки, способные к ремеслу, остаются в школе до семи лет, а затем обучаются у мастеров; остальные заканчивают обучение в одиннадцать лет.

Родителей всех без исключения детей закон обязывает вносить часть ежемесячных доходов на счет каждого ученика; эти деньги хранятся в школе до окончания обучения. И это не считая небольшой ежегодной платы за пансион и услуги учителей. Счета девочек становятся основой приданого выпускницы, а знатные особы взносами на имя своих сыновей закладывают фундамент их будущего состояния. Таким образом лилипуты лишь частично передают государству заботу о своих детях. Если родители своевременно не вносят оплату за содержание и воспитание своих отпрысков, эти деньги принудительно взыскиваются с них правительственными чиновниками.

Крестьяне воспитывают детей дома. Так как вся жизнь этой части населения страны связана с землей и приусадебным хозяйством, то и ее образование не имеет особого значения для общества. Больные и старики содержатся государством в богоугодных заведениях; такие понятия, как нищенство и попрошайничество, в королевстве

просто неизвестны.

В Лилипутии я провел девять месяцев и тринадцать дней. Как же я жил и что делал на протяжении всего этого времени?

Мне всегда нравилось заниматься физическим трудом. Здесь мои навыки в столярном деле сослужили мне добрую службу — я смастерил себе из самых крепких деревьев королевского парка довольно-таки удобные стол и стул.

Много часов ушло на то, чтобы обеспечить меня новой одеждой и постельным бельем. Потребовалось двести белошвеек, чтобы сшить мне рубахи из самого прочного и грубого полотна, какое только нашлось в Лилипутии. Однако, даже сложенное втрое, оно оказалось не толще нашей кисеи. Поэтому работницам пришлось вдобавок простегивать тройную ткань нитками.

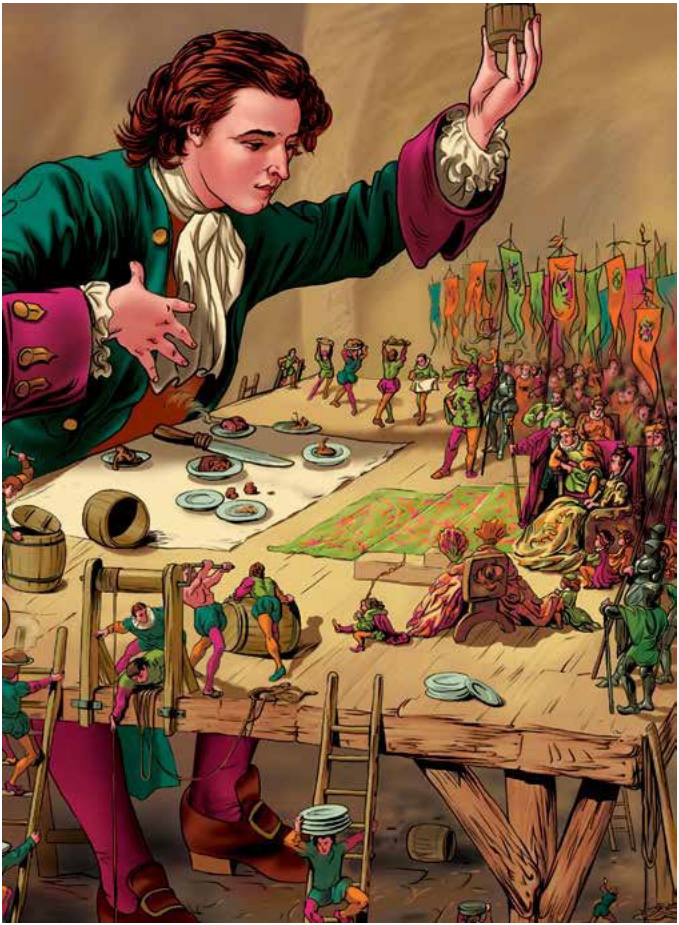
Обычный кусок здешнего полотна имеет три фута длины и по ширине равен трем дюймам. Чтобы белошвейки могли снять с меня мерку, я растянулся на мостовой возле своего убежища. Одна из них стояла у моего горла и держала конец тонкого, крепкого шнурка, а другая приложила, натянув, второй конец к моему колену; третья девушка измеряла длину шнура в дюймах. Затем мне измерили большой палец правой руки, и

этого для них оказалось достаточно. Зная, что окружность кисти вдвое больше окружности пальца и вдвое меньше окружности шеи, белошвейки смастерили мне белье как раз по росту. Образцом им послужила моя старая рубаха.

С камзолом было посложнее — его шили триста портных. Чтобы с меня сняли мерку, мне пришлось стать на колени, к моей спине приставили лестницу, и один из лилипутов взобрался по ней до моей шеи, опустив веревку до земли. Рукава и талию я измерил сам. Портные работали в моем жилище, так как во всем городе не нашлось такого помещения, чтобы камзол поместился в нем целиком. В конце концов он вышел похожим на лоскутные одеяла, которое англичанки шьют из пестрых клочков материи — с той разницей, что мой камзол был одноцветным.

Стряпало для меня множество поваров. Вместе со своими семьями они жили в небольших дощатых домах, построенных на площади рядом с моим жилищем. Каждый повар попеременно готовил по два блюда на завтрак, обед и ужин. Я брал в руку двадцать лакеев и ставил их к себе на стол; остальные прислуживали на полу: одни подносили кушанья, другие тащили на плечах бочонки с вином и прочими напитками. Те, кто

находился на столе, ловко поднимали снизу с помощью блоков все приготовленное — будто ведра из колодца. Каждое мясное блюдо я проглатывал в один прием, каждый бочонок вина осушал одним глотком. Здешняя баранина по вкусу уступает нашей, но зато говядина просто превосходна. Как-то мне достался такой большой кусок филе, что пришлось резать его ножом, но это был исключительный случай. Мои слуги дивились, наблюдая за тем, как я проглатываю мясо вместе с костями, наподобие того, как у нас едят жаворонков. Мелкую птицу я брал зараз по двадцать штук, а гусей и индеек съедал по полудюжине.



Король, наслушавшись разговоров о моем аппетите и образе жизни, выразил однажды желание отобедать со мной вместе со своей семьей. Когда венценосные особы прибыли, я усадил их в парадные кресла на своем столе, а стражу и телохранителей поместил по обе стороны. Среди гостей присутствовал и главный казначей Флимнап, исподтишка бросавший на меня злобные взгляды. Однако я делал вид, что ничего не замечаю, и закусывал даже больше обычного, вспоминая любезное моему сердцу отечество. Настроение у меня было замечательное, но, думаю, именно этот обед дал Флимнапу повод окончательно настроить короля против меня. Этот вечно угрюмый и лицемерный лилипут всегда меня недолюбливал, хоть и скрывал свои чувства. Казначей постоянно докладывал королю о плохом состоянии финансов; теперь же он попросил у его величества встречи, чтобы с цифрами в руках доказать, какой ущерб я наношу королевству. Он заявил, что его ведомство вынуждено прибегнуть к займам с огромными процентами, что мое содержание уже обошлось в полтора миллиона *спругов* (а надо вам знать, что в Лилипутии спруг — самая крупная золотая монета, величиною в маленькую блестку) и что

было бы благоразумнее выслать меня как можно скорее за пределы изнемогающего от бессмысленных трат государства.

Не исключаю, что причина такого отношения ко мне крылась в другом. Окольным путем я узнал, что Флимнапу пришла в голову фантазия приревновать ко мне свою супругу. Эта почтенная дама, неглупая, но чересчур бойкая, всегда относилась ко мне по-дружески, злые же языки сплетничали, что она воспылала ко мне безумной страстью. Слух о том, что жена казначея тайно навещала меня, наделал много шума при дворе и едва не лишил Флимнапа остатков ума. Мне пришлось торжественно заявить, что это злостная клевета. Да, казначейша навещала меня не раз, однако это делалось открыто; наши беседы проходили в присутствии других дам — чаще всего ее сестры или подруги. Однажды супруга Флимнапа посетила меня вместе со своей дочерью. Я призвал в качестве свидетелей своих слуг, которые подтвердили, что у меня часто бывали гости, в том числе и многие другие придворные. Мои лакеи все отлично видели: и как мне докладывали, кто прибыл, и как я поднимал карету с лошадьми, осторожно нес ее в дом и ставил на стол, как затем садился напротив и дамы, не

выходя из кареты, беседовали со мной. После я выносил гостей на площадь, любезно раскланивался и возвращался к себе. Никто никогда не посещал меня тайно, не считая единственного визита государственного секретаря Рельдреселя, да и то по поручению его величества.

Кроме всего прочего, Флимнап досадовал и злился на то, что король даровал мне более высокий титул, чем имел он сам. С супругой он вскоре помирился, однако на меня продолжал смотреть исподлобья. А поскольку король Лилипутии находился под влиянием своего фаворита, то и отношение его величества ко мне продолжало меняться к худшему.

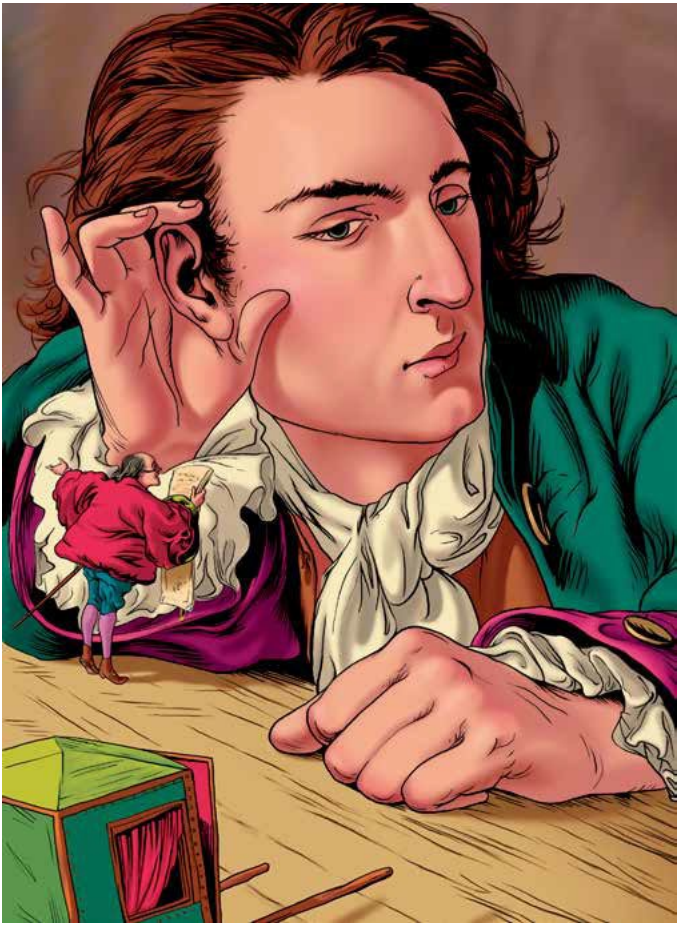
Глава 7

В течение двух месяцев против меня плелась тайная дворцовая интрига. В прошлом мне никогда не доводилось бывать в королевских покоях. Как и любой другой человек, я интересовался судьбами и характерами великих монархов, но никак не ожидал, что в этой маленькой стране царят такие нравы.

Я собирался отправиться на соседний остров по приглашению императора Блефуску. Внезапно поздним вечером слуга сообщил, что меня просят выйти на площадь. У моего жилища остановились закрытые носилки; внутри находился некий знатный придворный, которому я как-то оказал небольшую услугу. Он просил о короткой встрече с глазу на глаз. Отослав носильщиков и велев слуге держать язык за зубами, я поднял носилки и, положив их в карман камзола, возвратился в помещение и плотно прикрыл дверь.

Устроив по обыкновению гостя на столе, я уселся напротив. Вельможа откинул занавеску и обменялся со мной приветствиями. Лицо гостя показалось мне озабоченным, и я прямо поинтересовался о причине, заставившей его

прибыть ко мне в столь поздний час. «Запаситесь терпением, — отвечал он, — и внимательно меня выслушайте. Речь идет о вашей чести и жизни…»



Когда посетитель покинул меня, я постарался со всеми подробностями записать содержание нашей беседы.

«Вы должны знать, — начал мой тайный сторонник, — что в последнее время проводились секретные совещания его величества и государственного совета, где обсуждался вопрос о вашей дальнейшей судьбе. Два дня назад король принял окончательное решение. Вам известно, что адмирал Скайреш Болголам буквально со дня вашего появления на побережье Лилипутии стал вашим злейшим недоброжелателем. Причины этого мне не ясны, однако ненависть Болголама только возросла после вашей победы над императорским флотом Блефуску. Адмирал нашел поддержку в лице государственного казначея, верховного судьи и некоторых военачальников — одним словом, тех приближенных, которым король особенно доверяет. Была составлена докладная записка его величеству, и вопрос передали на обсуждение государственного совета. Вы оказали мне однажды важную услугу, и сейчас я считаю своим долгом предоставить вам копию обвинительного акта, направленного против вас. Ознакомьтесь с его содержанием не теряя ни минуты».

Я вынул очки, взял протянутые мне бумаги и внимательно прочитал следующее:

Обвинительный актпротив Куинбуса Флестрина, или Человека Горы

Пункт первый

Не преуменьшая заслуг Куинбуса Флестрина, мы, тем не менее, обвиняем его в государственной измене. Вышеупомянутый Флестрин, получив от Его Королевского Величества повеление захватить все до единого корабли неприятеля с целью окончательной победы над империей Блефуску, вероломно отказался его выполнять. Тем самым он разрушил планы обращения враждебной нам империи в провинцию Лилипутии, а также воспрепятствовал уничтожению ереси укрывающихся на острове тупоконечников. Куинбус Флестрин заявил, что не намерен применять насилие для того, чтобы уничтожить свободу невинного народа.

Пункт второй

По прибытии послов императора Бле-

фуску Куинбус Флестрин вероломно содействовал, поощрял, ободрял, увеселял и, наконец, принимал у себя упомянутое посольство. Такие действия совершались им сознательно, несмотря на то что эти люди были слугами правителя страны, который еще недавно вел войну с королевством Лилипутией и до сих пор враждебно настроен против Его Величества.

Пункт третий

Куинбус Флестрин, попирая долг верноподданного, собирается совершить путешествие в империю Блефуску, на которое получил лишь устное разрешение Его Королевского Величества. Полагаем, что Человек Гора, пользуясь милостью короля и ссылаясь на Его Высочайшее соизволение, намерен причинить вред народу Лилипутии, государству и лично королю, бессовестно нарушив условия, на которых ему дарована свобода. Не сомневаемся, что он разделяет взгляды бывшего врага Его Величества, коварного и лицемерного императора Блефуску…

Далее в этом обвинительном акте, который я привожу лишь частично, мне припомнили все: обжорство, скверный характер, угрозу для населения Лилипутии и даже природные потребности. Я прочел этот примечательный документ, отложил его в сторону и вздохнул.

«Надо признаться, — проговорил мой гость, — что его величество во время дебатов по поводу этого обвинительного акта проявил большую снисходительность, часто ссылался на ваши заслуги и старался смягчить ваши преступления. Государственный казначей и адмирал настаивали на том, чтобы предать вас смерти. Предлагалось ночью поджечь ваше жилище или дать вам вместе с пищей яд. Большинство возражало против такого варварства, и король согласился сохранить вам жизнь. На это решение повлиял Рельдресель, который никогда не скрывал своего дружеского отношения к вам. Он заявил, что хоть ваши преступления и велики, но не настолько, чтобы не проявить к вам милосердия — величайшую добродетель властителей. „Не стану скрывать, — продолжал он, — что я дружил с Человеком Горой, однако прошу уважаемое собрание выслушать мое предложение. Учитывая немалые заслуги Куинбуса Флестрина,

будет справедливым сохранить ему жизнь, но, в назидание, следует выколоть ему оба глаза. Таким образом правосудие свершится, а физическая сила Человека Горы, которая еще пригодится нашему королевству, будет сохранена. Слепота сделает его беспомощнее и покорнее“.

Это предложение было с негодованием встречено почти всеми членами совета. Адмирал Болголам в бешенстве вскочил с места и закричал, что его удивляет, как господин государственный секретарь может заступаться за изменника, который в глубине души является несомненным тупоконечником. „Коварство зарождается в душе прежде всякого действия, — рычал он, — и Человека Гору необходимо казнить!“ Государственный казначей был того же мнения. Он еще раз указал на чудовищные финансовые издержки в связи с вашим содержанием. Кроме того, — добавил казначей, — предложение государственного секретаря ослепить преступника грозит еще бóльшими тратами, ибо, как свидетельствует опыт, слепые утки и гуси едят гораздо больше, чем прочие птицы, и быстро жиреют.

Однако король решительно воспротивился смертной казни, заметив, что если государственный совет считает лишение зрения наказанием

недостаточным, то всегда будет время вынести другой, еще более суровый приговор. Тут Рельдресель снова взял слово. Речь его касалась расходов на ваше содержание и пропитание. „Уж если дело обстоит таким образом, — обратился он к казначею, — то, постепенно уменьшая количество пищи, можно свести его к такому минимуму, что Человек Гора начнет худеть, чахнуть, потеряет аппетит и угаснет…“ В общем, ваш приятель предложил уморить вас голодом. Этот план решили оставить как запасной, а к исполнению был принят вариант с вашим ослеплением. Постановление совета было подписано всеми членами за исключением упрямого адмирала.

Итак, дня через три к вам явится ваш друг Рельдресель и объявит, что едва-едва спас вас от позорной казни. Затем зачитает обвинительный акт и растолкует, насколько милостив король Лилипутии и какую снисходительность проявили члены государственного совета — ведь вас всего-навсего лишат зрения. Его величество убежден, что вы безропотно подчинитесь приговору. Двадцать лучших хирургов будут наблюдать за ходом операции. Вы просто ляжете на землю, широко раскроете глаза, и самые опытные стрелки сделают вас незрячим за какую-нибудь минуту.

Боли не будет…

Вот и все, что я хотел сказать, господин Куинбус Флестрин. Копию обвинительного акта уничтожьте, а дальше поступайте как знаете. Мне пора, иначе не миновать неприятностей. Вынесите меня за пределы вашего дома и — прощайте!»

Оставшись в одиночестве, я задумался. Я не знал — плакать мне или смеяться над нелепыми фантазиями и глупостью лилипутов, и корил себя за то, что вверил свою судьбу столь немилосердному правителю.

Обвинения против меня не были полностью беспочвенными, но факты, все до единого, толковались неверно. Я мог бы попробовать защитить себя в суде, но мне ли не знать, что все политические процессы завершаются так, как угодно судьям. Конечно, мне ничего не стоило превратить столицу Лилипутии в развалины, однако я отказался от этой соблазнительной мысли. Ведь я принес присягу, носил высокий титул нардака, был любим народом этой страны. Недоброжелательство короля, вызванное интригами министров, не освобождало меня ни от обязательств, ни от собственных принципов.

В конце концов я принял решение, которое можно объяснить лишь моей молодостью и го-

рячностью. Я не думал о последствиях и не знал, чем закончится мое бегство. Мне разрешили посетить остров Блефуску — и этим следовало воспользоваться. Поэтому, не дожидаясь официального визита государственного секретаря, я отправил Рельдреселю письмо, в котором уведомлял своего бывшего приятеля о том, что, по любезному разрешению его величества, ненадолго отправляюсь ко двору императора Блефуску.

На следующее утро я уже был в гавани, где стоял королевский флот. Мне повезло — на самом большом военном корабле не оказалось команды, так как он был недавно спущен на воду и еще не достроен. Я поднял якорь, привязал к носу судна веревку, затем разделся и бросил на палубу одежду и одеяло, которое захватил с собой. Вброд, а кое-где и вплавь я добрался до ближайшего порта на острове Блефуску, ведя корабль за собой.

Блефускуанцы уже поджидали меня и встретили восторженными криками.

Мне дали проводников и показали путь в столицу империи, которая также носила название Блефуску. Проводников я всю дорогу нес на руках, дивясь их детской доверчивости. Подойдя на двести ярдов к городским воротам, я спустил смельчаков на землю, знаками попросил

сообщить о моем прибытии, а сам присел передохнуть.

Спустя час мне доложили на лилипутском языке, что император в сопровождении семейства и придворных выехал из дворца для торжественной встречи. Я вскочил на ноги и прошел еще сто ярдов. Император и его свита спешились, императрица и придворные дамы выбрались из карет — на лицах блефускуанцев не было и следа страха или беспокойства.

Я опустился на землю, чтобы поцеловать руку императора и императрицы, а затем объявил его величеству, что прибыл сюда с позволения короля Лилипутии, чтобы приветствовать правителя Блефуску. Я ни словом не обмолвился о постигшей меня немилости — ведь пока никто не уведомлял меня о решении государственного совета. С другой стороны, я рассчитывал, что король Лилипутии, узнав, что я временно нахожусь за пределами его державы, не захочет предавать огласке мою опалу. Однако вскоре выяснилось, что я ошибался.

Нет смысла подробно описывать прием, который мне оказали при дворе императора. Скажем так: он соответствовал щедрости, доброте и величию этого монарха. Не стану также говорить

о трудностях и неудобствах, которые мне довелось испытать из-за отсутствия подходящих для такого громадного гостя, как я, помещений и постели. Когда праздник, устроенный в мою честь, закончился, я вышел за городские ворота, отыскал удобное местечко на лугу и сладко уснул, закутавшись в свое одеяло.

Глава 8

Прошло три дня, и однажды я отправился прогуляться по северо-восточному берегу острова. Я брел по отмели, когда на расстоянии полумили неожиданно заметил в море предмет, похожий на опрокинутую лодку. Сняв башмаки и чулки и преодолев вброд около двухсот ярдов, я увидел, что прилив несет ее в мою сторону. Мне показалось, что это настоящая большая шлюпка — очевидно, сорванная бурей с какого-нибудь корабля.

Однако добраться до нее я не смог и поэтому, не теряя ни секунды, вернулся в столицу. Там я попросил его императорское величество предоставить мне на время двадцать самых больших кораблей из тех, что остались после захвата в плен его флота, три тысячи матросов и как можно больше канатов, которые я для прочности скрутил втрое. Эскадра направилась по морю, а я кратчайшим путем снова поспешил на берег.

Прилив за это время принес мою находку еще ближе к отмели.

Я разделся и вброд направился к лодке, к которой уже приближались корабли блефускуанцев. Однако в ста ярдах от нее дно ушло у меня из-под

ног, и пришлось поплыть. Матросы бросили мне канат, конец которого я привязал к кольцу в носовой части шлюпки, чтобы отбуксировать ее к берегу. Увы, из этого ничего не вышло — шлюпка оказалась слишком тяжелой, а я не доставал до дна. Поэтому я подплыл к корме и начал подталкивать лодку к берегу. Прилив мне помогал, и, порядочно устав, я все же достиг такого места, где мог встать на ноги и передохнуть. Вода здесь доходила мне до подбородка. Спустя короткое время я снова принялся толкать шлюпку, радуясь, что самое трудное осталось позади.

Когда вода достигла моей груди, я взял остальные канаты и привязал их к кораблям. Ветер был попутный — и вскоре мы общими усилиями приблизились на сорок ярдов к берегу. Там я остановился — вот-вот должен был начаться отлив. Когда вода спала, моя лодка оказалась на песке. Чтобы перевернуть ее, мне понадобилась помощь двух тысяч матросов, вооруженных веревками и рычагами, и когда наши усилия увенчались успехом, я с радостью обнаружил, что повреждения совсем незначительны.

Для начала нужно было смастерить весла, и эта работа заняла больше недели. Только после этого я привел шлюпку в императорский порт

Блефуску. Там собралась несметная толпа, чтобы взглянуть на невиданное гигантское судно. Император также присутствовал, и я сказал ему, что эту лодку послала мне сама судьба, давая возможность вернуться на родину. Я просил его величество предоставить мне все необходимые материалы для оснастки судна и разрешить покинуть остров. Он начал было меня отговаривать, предлагая навсегда остаться на Блефуску, однако, видя мое отчаяние, уступил и дал согласие.

Я, между тем, удивлялся — почему это лилипуты словно позабыли обо мне? За все время ко двору императора не поступило ни единого запроса по поводу моего пребывания в островной империи. Лишь позднее мне удалось узнать, как обстояли дела в мое отсутствие. Король Лилипутии, разумеется, даже не подозревал, что мне известно о решении государственного совета. Он был уверен, что я, погостив на острове, вернусь домой. Однако мое молчание и долгое отсутствие в конце концов стали его тревожить. Вняв совету адмирала Болголама и прочих недоброжелателей, король Лилипутии послал ко двору императора Блефуску государственного секретаря, имевшего при себе копию обвинительного акта и предписание растолковать суть этого

документа и его высочайшую важность. Кроме того, Рельдресель должен был заявить о том, что я скрылся от правосудия, и если в течение ближайших двух часов не вернусь в Лилипутию, то буду лишен титула нардака и объявлен государственным изменником. Императору Блефуску предлагалось связать меня по рукам и ногам и отправить на континент, чтобы я понес заслуженное наказание.

После недолгого размышления правитель острова передал королю Лилипутии любезный ответ. В его письме говорилось, что при всем братском уважении к его королевскому величеству в настоящий момент не представляется возможным доставить гостя острова Блефуску в Лилипутию, и уж тем более в связанном виде. Не следует также забывать, что Куинбус Флестрин, он же Человек Гора, оказал империи важные услуги во время переговоров о мире между двумя странами. Впрочем, добавлял император, вскоре оба монарха смогут вздохнуть спокойно, так как Человек Гора обнаружил в море огромных размеров корабль, на котором и намерен покинуть остров. Уже отдан приказ всячески содействовать ему в оснастке корабля; не пройдет и трех недель, как обе великие державы окончательно

избавятся от этого невыносимого бремени.

Депеша отправилась в Лилипутию с Рельдреселем, а император Блефуску предложил мне свое покровительство, если я захочу навсегда остаться у него на службе. При всем своем уважении к нему я ответил отказом. Я больше не доверял словам правителей, какими бы искренними они ни казались. Вежливо поблагодарив императора, я сказал, что уж лучше отдаться на волю случая, ветров и морских волн, чем стать яблоком раздора между монархами столь могущественных стран. Думаю, он остался доволен моим решением и с нетерпением ожидал, когда я покину остров.

Мне оказывали всяческую помощь в починке шлюпки и подготовке к отплытию. Пятьсот умелых блефускуанцев под моим руководством смастерили два паруса, простегав сложенное в тринадцать слоев прочное полотно. Изготовлением снастей я занялся сам. Скручивая по десять, двадцать, а то и по тридцать крепких веревок, я получил достаточно надежные тросы. Большой камень, найденный на берегу, должен был послужить мне якорем. Чтобы законопатить мое суденышко, понадобился жир трехсот коров. Немало пришлось потрудиться и над изготовле-

нием мачт — лишь с невероятными усилиями мне удалось срезать своим затупившимся ножом несколько высоких деревьев.

Через месяц все было готово и я отправился в столицу попрощаться с правителем Блефуску. Император со всем своим семейством и многочисленной свитой вышел из дворца. Я распластался на земле, чтобы поцеловать руку императрицы, не скрывавшей слез. Ее венценосный супруг подарил мне пятьдесят кошельков, — в каждом из них было по двести спругов, а на память — свой портрет во весь рост, который для большей сохранности я тотчас спрятал во внутренний карман камзола. Все остальные церемонии, сопровождавшие мое отплытие, перечислять не буду.

Добавлю лишь, что в шлюпку я погрузил сто воловьих и триста бараньих туш, соответствующее количество хлеба и напитков, а также съестные припасы, которые успели приготовить четыреста поваров. Кроме того, я вез с собой шесть живых коров, двух быков и столько же овечек с баранами, чтобы на родине заняться их разведением. Кормом для скота во время плавания должны были служить большая вязанка сена и мешок зерна. Я хотел было прихватить с собой и дюжину

блефускуанцев, однако император дал понять, что это было бы крайне нежелательно, и даже взял с меня слово не поддаваться на уговоры тех из его подданных, которые мечтали пуститься со мной в дальнее путешествие.

Я поднял паруса ясным и теплым утром двадцать четвертого сентября тысяча семьсот первого года.

Пройдя при юго-восточном ветре около четырех миль на север, в восемь вечера я заметил небольшой островок, повернул к нему и бросил якорь с подветренной стороны. Островок оказался необитаемым. Подкрепившись, я прилег отдохнуть и, отлично выспавшись, открыл глаза часа за два до восхода солнца. Позавтракав, я поднял якорь и с помощью карманного компаса при попутном ветре лег на тот же курс, что и накануне. В мои планы входило добраться до одного из островов, лежащих, по моим расчетам, к северо-востоку от Вандименовой Земли.

В течение долгого времени я плыл без особых происшествий, однако около трех часов пополудни следующего дня, находясь примерно в двадцати пяти милях от Блефуску, неожиданно заметил корабль. Я стал кричать и махать руками, а когда понял, что это бесполезно, попытался догнать неизвестное судно. Мне повезло: ветер стал слабее, я поднял все паруса, и через полчаса меня заметили, — на корабле подняли флаг, а затем грянул пушечный выстрел.

Трудно описать чувство, охватившее меня, когда неожиданно появилась надежда вновь увидеть родину и дорогих мне людей. В шестом часу вечера я добрался до корабля, и мое сердце

сильно забилось, едва я разглядел британский флаг. Рассовав свое крохотное стадо по карманам, я поднялся на палубу.

Это было английское торговое судно. Оно возвращалось из Японии; его капитан, мистер Джон Бидл из Дептфорда, оказался в высшей степени любезным человеком и превосходным моряком. Экипаж состоял из пятидесяти человек, и между ними я обнаружил своего старого знакомого Питера Уильямса, который сообщил капитану самые подробные сведения обо мне. Джон Бидл пригласил меня к себе в каюту и попросил рассказать ему, что со мной произошло и почему я оказался один в шлюпке в открытом море.

Когда я коротко поведал свою историю капитану, то поначалу он решил, что я заговариваюсь и что несчастья повредили мой рассудок. Но извлеченные из моих карманов коровы и овцы убедили его в обратном. Капитан изумился и в нетерпении потребовал еще раз повторить мою историю, но уже после ужина. И хоть я смертельно устал, однако вновь изложил мистеру Бидлу все мои приключения и даже показал золото, полученное от императора Блефуску, его портрет и прочие диковинки. В благодарность я отдал капитану два кошелька с двумястами спругов в

каждом и обещал по прибытии в Англию подарить лилипутскую корову и овцу.

Наше путешествие закончилось благополучно; судно прибыло в Даунс тринадцатого апреля тысяча семьсот второго года. Во время плаванья случилась только одна досадная неожиданность: корабельные крысы утащили одну овечку, а спустя время я обнаружил ее обглоданные кости в щели палубы. Весь остальной скот был благополучно доставлен на берег, и в Гринвиче я пустил мое стадо на покрытую короткой травой лужайку для игры в крикет. В продолжение моего пребывания в Англии я собрал немалую сумму, показывая свое экзотическое стадо знатным и богатым господам, однако перед началом нового путешествия пришлось продать его за шестьсот фунтов. Когда я вновь возвратился домой, то узнал, что скот отлично расплодился, особенно овцы. Надеюсь, это принесет пользу нашей суконной промышленности, потому что у лилипутских овечек удивительно тонкая и мягкая шерсть.

Несмотря на пережитые опасности и приключения, я провел с женой и детьми не более трех месяцев. После этого сидеть дома и вести мирную жизнь мне стало невмоготу — стремление увидеть чужие страны лишало меня покоя. Я нанял

для моей семьи отличный удобный дом в Редрифе и оставил жене пятьсот фунтов на расходы. Все остальное я прихватил с собой в надежде торговлей увеличить свое состояние. По завещанию покойного дядюшки мне принадлежало поместье недалеко от Уоппинга, приносившее до тридцати фунтов годового дохода, столько же я получал от аренды таверны «Черный бык» на Феттер-лейн, и не боялся, что моя семья окажется в нищете. Мой сын Джонни посещал школу, дочь Бетти училась швейному мастерству.

Итак, я нежно простился с женой и детьми и сел на торговый корабль «Эдвенчер» водоизмещением в триста тонн. Его путь лежал в Сурат, а капитаном судна был Джон Николс из Ливерпуля.

Отчет об этом странствии и составляет вторую часть моих записок.

Часть вторая
Бробдингнег

Глава 1

Двадцатого июня тысяча семьсот второго года я снова покинул Англию. Видно, самой судьбой мне было предначертано вести деятельную и беспокойную жизнь.

До мыса Доброй Надежды «Эдвенчер» шел при попутном ветре. Там мы бросили якорь, чтобы запастись свежей водой, и тут в трюме обнаружилась течь. Было решено выгрузить наши товары на берег и переждать период зимних штормов. Уже на берегу капитан Джон Николс заболел тропической лихорадкой, и это задержало нас на южной оконечности Африки до конца марта. Наконец паруса были подняты и наше торговое судно благополучно миновало Мадагаскарский пролив.

«Эдвенчер» держал курс на север, и некоторое время нам сопутствовали умеренные северо-западные ветры, обычные для этих широт. Но девятнадцатого апреля погода неожиданно изменилась: с запада налетел сильнейший шторм, не утихавший почти три недели. Нас отнесло к востоку от Молуккских островов, на три градуса к северу от экватора. Второго мая эти неутеши-

тельные новости сообщил нам капитан.

Тем временем ветер прекратился, море успокоилось, но радоваться затишью нам пришлось недолго. Капитан, имевший немалый опыт в плавании по этим морям, отдал приказ готовиться к еще более сильной буре, которая и в самом деле вскоре обрушилась на нас.

Видя, что ветер крепчает, мы убрали косой парус на бушприте и приготовились убрать фок-сель. Погода становилась все хуже; осмотрев, прочно ли закреплены пушки, мы убрали бизань. Было решено держаться подальше от берега, чтобы нас не снесло на рифы. Румпель лежал на полном ветре, но тут шквалом сорвало один из парусов. Пришлось спустить рею, снять с нее клочья паруса и весь такелаж.

К этому времени буря бушевала в полную мощь, стремительно унося наш корабль в открытое море, и это продолжалось не менее двух недель. По моим подсчетам, за время шторма «Эдвенчер» отнесло по крайней мере на полторы тысячи миль к востоку, так что даже бывалый моряк не мог бы сказать, в какой части света мы находимся. Провианта у нас было вдоволь, корабль находился в хорошем состоянии, экипаж был здоров, однако пресной воды было маловато,

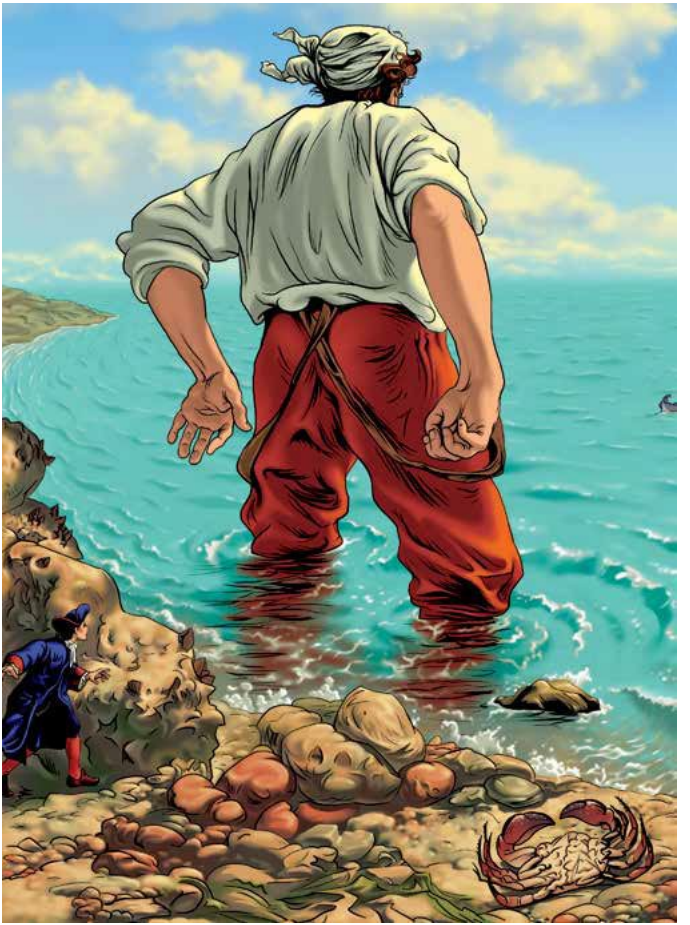
и это начало беспокоить капитана.

Шестнадцатого июня тысяча семьсот третьего года вахтенный юнга заметил землю, а на следующий день мы подошли к берегам большого острова или континента — этого мы не знали. На юге далеко в море выступала песчаная коса и виднелась бухта, но сможет ли войти в нее такое большое судно, как «Эдвенчер», оставалось под вопросом. Мы бросили якорь на расстоянии трех миль от бухты, и капитан отправил на берег шлюпку с дюжиной вооруженных матросов. Туда же были погружены пустые бочонки на случай, если мы обнаружим источник пресной воды. Я упросил Джона Николса отпустить меня с матросами взглянуть на неизвестную землю. Мое обычное любопытство и здесь меня не покинуло.

Высадившись на берег, мы не нашли ни ручья, ни родника, а также никаких признаков того, что эта суша обитаема. Матросы блуждали по пустынному побережью в поисках хоть какого-нибудь источника, а я побрел в противоположном направлении, удалившись от них почти на милю. По пути я не встретил ничего примечательного: вокруг расстилалась все та же бесплодная каменистая пустыня.

Разочарованный и уставший, я повернул назад

и не спеша зашагал по направлению к бухте. Но едва я приблизился к месту нашей высадки, как остолбенел от неожиданности: матросы, не дожидаясь меня, погрузились в шлюпку и что есть силы налегали на весла, направляясь к кораблю. Я открыл было рот, чтобы возмущенно закричать, но тут же в ужасе осекся. Шлюпку догоняло по морю исполинского роста существо, похожее на циклопа. Вода едва доходила ему до колен.



Я не поверил собственным глазам.

Лодка неслась, опережая преследователя на полторы мили; к тому же дно бухты было скользким и каменистым, и великан то и дело спотыкался. У меня не хватило мужества дожидаться, что из этого выйдет. Я запаниковал и со всех ног пустился наутек вглубь дикого побережья. Бежал я до тех пор, пока не свалился без сил на склоне какого-то крутого холма.

Отдышавшись, я наконец-то смог осмотреться. Внизу простирались возделанные поля, но что меня поразило больше всего — трава на меже достигала двадцати футов в высоту. Через ячменное поле вилась широкая дорога, по которой я решил хоть куда-нибудь добраться, и лишь много позже я понял, что это была всего-навсего узкая тропка, ведущая к ферме.

Я спустился по этой дороге к полю, а когда начал пересекать его, то мне стало казаться, что я нахожусь в густом темном лесу, — созревающий ячмень достигал сорока футов в высоту. Только через час я добрался до дальнего края, где наткнулся на изгородь высотой в сто двадцать футов; о размерах бревен, из которых она была сколочена, я не мог составить даже приблизительного представления. Чтобы попасть

с ячменного поля на соседнее, нужно было подняться по каменным ступеням, а сделать это я никак не мог, потому что ступени были гораздо больше моего роста. Пришлось искать щель в изгороди.

Внезапно я замер. К ступеням приближался такой же исполин, как тот, что погнался за шлюпкой. Ростом он был с добрую колокольню, а каждый его шаг был шириной не менее десяти ярдов. Охваченный ужасом, я метнулся в сторону и спрятался в ячмене. Оттуда мне хорошо было видно, как великан сверху осматривает соседнее поле и зовет кого-то, сложив ладони рупором у рта. С непривычки мне показалось, что я слышу раскаты грома. На зов тотчас явились семеро таких же чудищ с серпами в руках, причем каждый из этих серпов был раз в шесть больше нашей косы. Одетые победнее, чем первый исполин, они, видимо, были здесь работниками, потому что без промедления подчинились приказу и принялись жать тот самый ячмень, в котором я прятался.

Мне ничего не оставалось, как снова удирать без оглядки. Это оказалось непросто. Передвигался я с большим трудом, а в некоторых местах ячмень рос так густо, что мне едва удавалось пролезть между его стеблями. Тем не менее я упорно

шел по полю до тех пор, пока не наткнулся на груду стеблей ячменя, сломанных и измятых ветром и дождем. Пробраться сквозь нее не было никакой возможности — стебли перепутались между собой, а острые усики колосьев вонзались в тело, раня и причиняя нестерпимую боль.

В отчаянии я рухнул в борозду и от всего сердца пожелал себе смерти. Я оплакивал свою овдовевшую жену и детей-сироток, корил себя за безрассудство и упрямство, толкнувшие меня на новое путешествие несмотря на уговоры родных и друзей.

Меня душила тоска. Я невольно вспомнил Лилипутию и остров Блефуску, жители которых относились ко мне как к величайшему чуду. Легенды о моих подвигах передавались из уст в уста, а здесь я ничтожнее самой ничтожной букашки. «Но и это еще не худшее из несчастий, — размышлял я, — ибо дикость и жестокость, нередкие среди обычных людей, на этой земле, возможно, пропорциональны росту ее обитателей. Что может меня ожидать, кроме горькой участи быть пойманным и съеденным первым встречным варваром? Несомненно, философы правы, утверждая, что великое и малое — понятия относительные».

Пока я предавался печальным размышлениям, жнецы приблизились и один из них был уже в десяти ярдах от той борозды, где я лежал. Стоило громадине сделать еще шаг или взмахнуть серпом, как я буду раздавлен исполинским башмаком или рассечен надвое сверкающим лезвием. Охваченный ужасом, я отчаянно завопил.

Великан замер, наклонился и долго всматривался, пока не понял, откуда доносятся крики. С минуту он настороженно разглядывал меня, словно незнакомого зверька, и наконец отважился поднять, сжав мою талию между большим и указательным пальцами, и поднести к глазам. Я едва не завизжал от страшной боли, однако мне хватило ума сдержаться, — я не издал ни звука, пока он держал меня в воздухе на высоте шестидесяти футов над землей. Единственное, что я себе позволил, как только моя голова перестала кружиться, — умоляюще сложить руки и внятно пропищать несколько фраз.

Я боялся, что великан брезгливо отшвырнет меня в ячмень — так, как иногда мы стряхиваем с себя неприятное насекомое, но, очевидно, я его заинтересовал. Он продолжал меня изучать, удивляясь, до чего же я похож на настоящего человека, только микроскопических размеров.

Его громадные пальцы причиняли мне такую нестерпимую боль, что я едва сдерживал стоны. Умоляющими жестами я дал жнецу понять, что он вот-вот меня раздавит. Видимо, он догадался, в чем дело, потому что, осторожно завернув меня в полу своей одежды, бросился к своему хозяину. Я вздохнул с облегчением, положившись на волю Господа.

Теперь пришел черед фермера рассматривать меня со всех сторон.

Я смирно стоял на огромной каменной ступени размером с нашу городскую площадь, а хозяин подробно расспрашивал жнеца об обстоятельствах необычной находки. Затем фермер наклонился и соломинкой толщиной с нашу трость приподнял полы моего камзола: очевидно, он решил, что одежда — это нечто вроде оперения или чешуи, которыми одарила меня природа. Затем он взял меня в руку и попытался получше рассмотреть мое лицо, руки и ноги, после чего осторожно опустил меня на землю и поставил на четвереньки. Я тут же вскочил на ноги и принялся расхаживать перед ним, желая показать всем своим видом, что не имею ни малейшего желания бежать.

Фермер и жнецы уселись в тесный кружок, чтобы понаблюдать за моими движениями. Я

остановился, повернулся к ним лицом, с улыбкой снял шляпу и отвесил глубокий поклон. Затем, опустившись на одно колено, вынул из кармана кошелек с золотом и протянул его хозяину фермы. Великан положил кошелек на ладонь, поднес близко к глазам, стараясь рассмотреть, после чего потыкал соломинкой, но так и не понял, что это такое. Тогда я показал ему знаками, чтобы он положил руку на землю, потом я вынул все монеты из кошелька и высыпал фермеру на ладонь. У меня при себе было шесть испанских золотых и двадцать или тридцать мелких монет. Результат тот же — фермер потрогал кончиком мизинца сперва одну монету, потом другую, но так и не понял значения моего подарка и дал мне знак собрать монеты и спрятать их в карман. Я исполнил его требование.

Только после этого великан сделал вывод, что я разумное существо.

Он попытался со мной заговорить, и хотя звук его голоса был подобен грохоту водяной мельницы, отдельные слова звучали достаточно внятно. Я как можно громче отвечал фермеру на разных языках, он напряженно прислушивался, приближая к моему лицу огромное волосатое ухо, но увы — мы не понимали друг друга. Жнецы тем вре-

менем вернулись в поле, а их хозяин, расстелив носовой платок на ладони, присел на корточки и велел мне взобраться на платок. Это было несложно, я подчинился и даже улегся в ладони фермера для большей безопасности. Он закутал меня в платок, словно младенца в пеленку, и в таком виде понес домой.

Придя к себе на ферму, хозяин позвал жену и показал ей меня. Женщина от неожиданности взвизгнула и попятилась — точь-в-точь как английская леди при виде жабы или паука. Однако очень скоро великанша ко мне привыкла и, видя, какой я смирный, приветливый и безопасный, успокоилась и стала относиться ко мне ласково.

Был полдень; слуги подали скромный обед, состоявший из одного мясного блюда. Это был кусок говядины на огромной тарелке около двадцати четырех футов в диаметре. За стол сели фермер, его жена, трое детей и пожилая дама, очевидно бабушка. Хозяин дома поместил меня на столе около себя. От края стола до пола было не меньше тридцати футов, и я отодвинулся подальше, опасаясь свалиться. Фермерша отрезала тонкий ломтик говядины, положила его на самое маленькое блюдце и, накрошив туда же хлеба, поставила передо мной. Отвесив поклон, я вынул

свои вилку и нож и принялся за еду, что доставило всем присутствующим большое удовольствие. Хозяйка велела служанке принести ликерную рюмочку, в которую, на мой взгляд, входило не меньше двух галлонов, и наполнила ее какой-то жидкостью. Я с трудом поднял этот сосуд обеими руками и провозгласил, что пью за здоровье прекрасной леди. Все поняли мой жест и от души расхохотались, едва окончательно не оглушив меня. Напиток напоминал слабый сидр и имел весьма приятный вкус.

Затем фермер знаками предложил мне подойти к его тарелке. Идя по столу, я неосторожно споткнулся о крошку хлеба и упал, но тут же вскочил на ноги. Мое падение явно встревожило всех, кто сидел за столом, и мне пришлось помахать шляпой в знак того, что все обошлось благополучно.

Рядом с фермером сидел его младший сын, десятилетний забияка. Когда я приблизился к тарелке хозяина, мальчишка внезапно схватил меня за ноги и поднял вниз головой так высоко, что у меня дух захватило. К счастью, фермер мигом отнял меня у озорника и влепил ему такую затрещину, что она наверняка выбила бы из седла целый эскадрон европейской кавалерии. Великан до того рассердился, что велел сыну выйти вон из-за сто-

ла. Однако я не хотел, чтобы мальчишка затаил на меня злобу, и поэтому постарался дать понять его отцу, что прошу простить неразумное дитя. В конце концов фермер смягчился и мальчик снова занял свое место.

Когда обед подходил к концу, позади меня неожиданно раздался сильный шум, будто дюжина ткачей разом взялась за работу на своих станках. Обернувшись, я увидел, что на колени к хозяйке вспрыгнула кошка и, свернувшись клубком, сладко замурлыкала. Кошка показалась мне громадной — в три раза больше самого крупного нашего быка. Я, боясь, чтобы она не бросилась на меня, как на мышь, испуганно попятился, хоть и находился на другом конце стола, а фермерша крепко держала свою любимицу и поглаживала. Мои страхи оказались напрасными — животное не обратило на меня ни малейшего внимания. Я настолько осмелел, что приблизился к ее морде, но кошка лишь выгнула спину и прижалась к своей хозяйке. Во время обеда, как это обыкновенно бывает в деревенских домах, в столовую вбежали несколько собак, но я, сам не зная почему, не испытал ни малейшего страха. Одна из них была мастифом величиною с четырех слонов, другая — борзой, породу остальных я затрудня-

юсь назвать.

Все еще сидели за столом, когда в комнату вошла кормилица с годовалым младенцем на руках и присела на скамью прямо напротив того места, где я прохаживался. Увидев меня и, очевидно, приняв за живую игрушку, младенец поднял такой оглушительный рев, что, случись это в Челси, непременно рухнул бы Лондонский мост. Его матушка не придумала ничего лучше, как поставить меня перед ребенком, который тут же умолк, сгреб меня и попытался засунуть в рот. Я так отчаянно завопил, что младенец в испуге снова заревел и разжал пальцы. Если бы фермерша не успела подставить под мое летящее на пол тело свой передник, я непременно сломал бы себе шею. Чтобы успокоить крикуна, кормилица стала забавлять его погремушкой, похожей на бочонок с камнями, однако младенец не унимался, и тогда кормилица присела на табурет, решив прибегнуть к последнему средству — дать ребенку грудь. Зрелище сосущего грудь младенца-великана произвело на меня неизгладимое впечатление.

После обеда фермер отправился в поле и велел жене, чтобы она позаботилась обо мне. Я настолько утомился, что глаза мои слипались. Хозяйка

это заметила, уложила меня на свою кровать и укрыла чистым батистовым носовым платком, который, однако, оказался толще и грубее паруса военного корабля.

Я проспал около двух часов и видел во сне свою семью.

Тем печальнее было проснуться в огромной полутемной комнате, лежа в одиночестве на бескрайней подушке. Фермерша, видно, занялась домашними делами и заперла дверь на ключ. Кровать возвышалась над полом на восемь ярдов, а мне нужно было срочно спуститься, чтобы справить малую нужду. Звать кого-либо на помощь было бесполезно: мой голосишко звучал здесь не громче комариного писка. Пока я размышлял, что же предпринять, на постель успели взобраться две крысы. Принюхиваясь, они засновали по покрывалу, пока одна из них не заметила меня. Я в ужасе вскочил и выхватил нож как раз в ту секунду, когда крысы на меня набросились. Мне удалось распороть брюхо самой крупной, несмотря на то что она была величиной с волкодава, а ее голый хвост достигал в длину двух ярдов. Другая бросилась прочь, но я догнал ее и ранил. После этих подвигов я стал прохаживаться по покрывалу среди кровавых пятен, чтобы перевести дух и

немного прийти в себя после пережитого.

Тут в комнату вошла хозяйка. Увидев, что я весь в крови, она стремглав бросилась к кровати и схватила меня на руки. Я попытался объяснить, что случилось, указывая на мертвую крысу и давая доброй женщине понять, что я цел и невредим. Вытащив нож, я помахал им, — тут-то фермерша все поняла. Она позвала служанку и велела убрать следы учиненного мною побоища. Не без смущения я попытался объяснить хозяйке, что хотел бы наконец-то выбраться по нужде, но лишь с превеликим трудом она сообразила, в чем дело. Женщина взяла меня на руки, отнесла в сад, поставила на землю и отвернулась.

Там я поспешно укрылся между листьями щавеля и наконец-то покончил с этой затянувшейся историей.

Глава 2

В фермерской семье была еще и девятилетняя дочь. Для своего возраста девочка была очень смышленой и обладала чудесным характером. Добрая, спокойная, небольшого роста — всего около сорока футов. Любимым ее занятием было шитье кукольных нарядов, которые она сама придумывала.

Вместе с матерью она смастерила постель в игрушечной колыбельке, которую поместили в небольшой ящик, вынутый из комода. Ящик поставили на полку, подвешенную к потолку, чтобы уберечь меня от крыс. Там я и спал до тех пор, пока жил на ферме. Моя постель с каждым днем становилась все удобнее — по мере того как я осваивал язык великанов и мог объяснить, что мне требовалось. Моя маленькая подружка, увидев однажды, как я управляюсь со своим туалетом, попыталась взять на себя обязанность одевать и раздевать меня. Однако я лишь раз позволил девочке это сделать, поскольку предпочитал сам ухаживать за собой. Она сшила для меня семь сорочек из самого тонкого полотна, какое только можно было раздобыть, собствен-

норучно стирала мои вещи и обожала умывать меня. Этот очаровательный ребенок стал еще и моей учительницей: она терпеливо обучала меня своему языку. Я указывал на тот или иной предмет, девочка называла его и радовалась, когда я запоминал слово и повторял его за ней. Спустя короткое время я уже мог попросить все необходимое. Девочка дала мне имя *Грильдриг,* которое в переводе означает «человечек», «карлик». Так оно и осталось за мной не только в этой семье, но и много позже.

Я называл девочку моей *Глюмдальклич,* то есть нянюшкой. И я всегда буду обязан ей за то, что остался цел и невредим в чужой стране, и никогда не забуду о ее заботе и душевной ко мне привязанности. К сожалению, впоследствии мне суждено было стать невольной причиной ее горя.

Вскоре между соседями фермера поползли слухи о том, что он нашел в поле странное существо величиной почти со *сплекнока* (местного зверька шести футов длины), но очень похожего на человека. Поговаривали, что это создание отлично копирует людей — произносит многие слова, передвигается на двух ногах, понимает приказы и даже пользуется ножом и вилкой, когда ест мясо.

Строение тела у него хрупкое, руки нежные, а лицо белее, чем у ребенка из благородной семьи.

Ближайший сосед и большой приятель моего хозяина однажды явился выяснить, насколько вся эта болтовня соответствует действительности. Меня немедленно вынесли и поставили на стол в кухне, где я по просьбе фермера устроил целое представление. Я прохаживался взад и вперед, размахивал ножиком как шпагой, кланялся гостю, интересуясь его делами и здоровьем, отпускал любезности, — словом, в точности выполнял все, чему учила меня моя нянюшка. Этот пожилой подслеповатый человек даже нацепил на нос очки, стараясь получше меня рассмотреть. К стыду своему, я не смог удержаться от смеха — сквозь стекла очков глаза любопытного гостя были похожи на полную луну, когда она ярко светит сквозь оконные стекла. Домашние, догадавшись о причине моего хохота, тоже рассмеялись, но простак был до того глуп, что затаил обиду, решив, что насмехаются над ним самим.

Этот фермер по натуре своей был известный сквалыга и, на мою беду, дал соседу поистине дьявольский совет. Он предложил показывать меня за деньги, словно диковинку, на ярмарке в ближайшем городе, находившемся всего в двадцати двух милях от фермы. Потом мой хозяин стал шептаться с соседом, и когда гость, мстительно ухмыляясь, взглянул в мою сторону, сердце мое сжалось от недоброго предчувствия.

Наутро моя милая Глюмдальклич выведала все у матери и, чуть не плача от стыда и горя, все мне рассказала. Она отчаянно боялась, что грубые и невежественные крестьяне покалечат меня или ненароком придушат. Зная мою натуру достаточно хорошо, девочка опасалась, что я буду смертельно оскорблен, если меня начнут показывать за деньги, как какого-нибудь уродца, на потеху толпе. «Родители, — горько проговорила моя нянюшка, — обещали отдать мне Грильдрига, но я вижу, что мечта моя никогда не сбудется. В прошлом году в день рождения они подарили мне маленького ягненка, а когда я его вырастила, он пошел под нож мясника…»

Я принял новость совсем не так близко к сердцу, как Глюмдальклич. Вера в то, что в один прекрасный день я верну свою свободу, никогда

не покидала меня. Пока же я был пленником и не мог распоряжаться собственной судьбой. Что же до позорной участи быть игрушкой в чьих-то руках… Я и без того чувствовал себя чужаком в этой стране и смотрел на все философски. Даже король Англии, окажись он на моем месте, вынужден был бы смириться.

Уже на следующий день, следуя совету соседа, фермер повез меня в город, поместив в специальный дорожный ящик. Хорошо еще, что он взял с собой дочь, мою нянюшку. Девочка сидела на лошади позади отца и крепко держала ящик в руках. Он был прямоугольным, закрытым со всех сторон, и лишь сбоку в нем имелась маленькая дверца для входа и пара небольших отверстий вместо окон — для доступа свежего воздуха. Глюмдальклич позаботилась обо мне: она положила на дно ящика стеганое кукольное одеяльце, на которое я мог бы сесть или лечь.

Эта поездка страшно меня утомила, хоть и длилась всего полчаса. Дорога была ухабистой, каждый шаг лошади, бежавшей рысью, равнялся примерно сорока футам. Я чувствовал себя будто в запертой каюте корабля, угодившего в сильнейший шторм, когда волна то возносит судно к небу, то низвергает его в бездну. Весь переезд равнялся

пути между Лондоном и Сент-Олбансом. Фермер сошел с коня у гостиницы, в которой обычно останавливался, наезжая в город, и, посоветовавшись с ее хозяином, решил показывать меня не на ярмарке, а прямо здесь. Он нанял *грультруда*, то есть глашатая, который должен был оповестить горожан, рыночных торговцев и крестьян, что в гостинице за небольшую плату можно будет увидеть совершенно необыкновенное существо, которое очень похоже на человека, но размером со *сплекнока*, умеет произносить слова и проделывать всевозможные забавные штуки.

Посмотреть представление было очень много желающих. Меня поставили на столе в самой большой комнате, моя нянюшка устроилась на табурете рядом, чтобы охранять меня и руководить моим «выступлением». Хозяин заведения во избежание давки пускал в помещение не более тридцати человек за раз, и все они должны были соблюдать полную тишину.

По команде Глюмдальклич я бодро маршировал взад и вперед по столу; девочка задавала мне простые вопросы — я исправно отвечал, стараясь говорить как можно громче. Я обращался к публике с приветствием, снимая шляпу и кланяясь словно болванчик, затем приглашал

всех снова встретиться со мной… И до чего же это было несносно! Я брал наперсток, наполненный вином, и пил за здоровье гостей, выхватывал нож и, делая свирепое лицо, изображал из себя корсара, девочка протягивала мне соломинку — в то же мгновение я становился гвардейцем с пикой наперевес.

В тот день меня показывали зрителям не меньше двенадцати раз, и к концу представления мне все это так надоело, что я взмолился о пощаде. За порогом зрители рассказывали обо мне такие чудеса, что народ брал гостиницу приступом. Фермер, понимая, что наткнулся на золотую жилу, всячески оберегал меня от толпы. Он никому не разрешал приближаться или прикасаться ко мне, кроме своей дочери. Тем не менее какой-то озорной школяр ухитрился запустить в меня орехом величиной с нашу тыкву. К счастью, мальчишка промахнулся, иначе моя голова оказалась бы расплющенной. Я не без удовольствия наблюдал, как возмущенные зрители взашей вытолкали хулигана из гостиницы.

В городе было объявлено, что следующее представление назначено на ближайший базарный день. Как только мы вернулись домой, мой хозяин занялся изготовлением более удобного

походного жилища для меня. Первый переезд и затянувшийся дебют в качестве заморского дива довели меня до полного изнеможения. Я едва держался на ногах, и мне понадобилось целых три дня, чтобы восстановить силы. Но и между «гастролями» я не знал ни минуты покоя. Дворяне со всей округи, прослышав обо мне, постоянно наведывались на ферму, чтобы взглянуть на диковинное существо. Чуть ли не ежедневно прибывало до полусотни господ с женами, детьми и престарелыми родственниками. Фермер и тут имел немалую прибыль — он пускал на представление одно семейство, а плату брал как за полный зрителей зал. В течение нескольких недель у меня не было отдыха, кроме дня, когда мой хозяин решал передохнуть.

Вскоре ему в голову пришла мысль объехать со мной крупные города королевства. Приготовив все необходимое для дальнего путешествия и отдав распоряжения по хозяйству, фермер простился с женой и детьми и семнадцатого августа тысяча семьсот третьего года — то есть примерно через два месяца после моего появления в его доме, — мы отправились в столицу, расположенную в трех тысячах миль от фермы.

Хозяин усадил дочь позади себя, а Глюмдальк-

лич держала на коленях дорожный ящик, пристегнутый к ее поясу цепью. В ящике находилась моя персона, оберегаемая словно драгоценный самородок; девочка обила стены моего домика самой мягкой тканью, а пол устлала войлоком, поставила мне кроватку, снабдила бельем и всем необходимым для дальнего путешествия. Нас сопровождал всего один работник, везший на крепкой лошади багаж.

Фермер устраивал представления во всех городах, которые попадались нам по пути. Он пользовался любой возможностью подзаработать — случалось, мы сворачивали на сотню миль в сторону от дороги в какое-нибудь богатое имение. Поэтому двигались мы медленно, делая в день не больше ста пятидесяти миль. Щадя меня, добрая Глюмдальклич лукавила: она говорила отцу, что очень устает от верховой езды. Девочка часто вынимала меня из ящика, чтобы я мог подышать свежим воздухом и взглянуть на окружающий мир. При этом она не выпускала меня из рук, опасаясь случайностей. Нам довелось переправляться через полдюжины рек, в десятки раз глубже и шире Нила или Ганга, и я не припоминаю в тех краях ручейков наподобие нашей Темзы.

Двадцать шестого октября мы прибыли в столицу королевства великанов, именуемую *Лорбрульгруд*, то есть «Гордость Вселенной». Фермер остановился в гостинице на главной улице неподалеку от королевского дворца. На этот раз были развешены афиши с точным описанием моей особы и моих талантов. Хозяин нанял большой зал и установил в нем стол высотой в три фута, обнесенный решеткой, чтобы уберечь меня от падения. Такой была моя новая сцена, а в остальном все должно было происходить как обычно.

Успех сопутствовал мне и в столице. К всеобщему удовольствию, в день мы давали до десяти представлений. Теперь я уже довольно сносно говорил на великанском языке, и наши с Глюмдальклич беседы становились все более сложными. Кроме того, я освоил азбуку и демонстрировал перед восхищенной публикой умение читать несложные тексты. Всеми этими успехами я был обязан моей нянюшке, которая занималась со мной в пути. Азбуке и чтению Глюмдальклич выучила меня по краткому катехизису для девочек — и теперь я был весьма сведущ в основах религии королевства Бробдингнег.

Глава 3

Чем больший доход получал мой хозяин, тем ненасытнее он становился. Ежедневные изнурительные выступления на протяжении нескольких недель заметно подорвали мое здоровье.

Я стремительно терял аппетит, желудок бунтовал, и вскоре я стал похож на ходячий скелет. Заметив это, фермер пришел к заключению, что конец мой близок, и решил выжать из меня все, прежде чем я испущу последний вздох. Однако из его планов уморить меня ничего не вышло.

К моему хозяину был прислан *слардрал*, или королевский адъютант по особым поручениям, с повелением немедленно доставить меня во дворец для развлечения королевы и придворных дам. Некоторые из этих дам уже видели меня и с восторгом поведали ее величеству о моей красоте, хороших манерах и сообразительности. Фермер тут же исполнил приказ.

После короткого представления королева захотела познакомиться со мной поближе. Я собрал все свои угасающие силы, пал на колени и галантно попросил позволения поцеловать подол платья ее величества. Королева милостиво

протянула мне мизинец, который я, обхватив обеими руками, почтительно поднес к губам, и велела встать и расположиться поудобнее для беседы. Я сел на краю стола, а она приблизила ко мне свою красивую венценосную голову. Ее величество интересовало многое: откуда я родом, где путешествовал, есть ли у меня семья и как я очутился в стране великанов. Я старался отвечать короткими точными фразами.

Неожиданно королева спросила: как я отношусь к тому, чтобы остаться во дворце. Я поднялся и, поклонившись, сдержанно ответил, что я пленник и раб своего хозяина, но если бы я был свободен, то с радостью посвятил бы свою жизнь ее величеству. Королева тотчас спросила фермера, согласен ли он уступить меня за хорошую цену. Мой хозяин невероятно обрадовался случаю избавиться от меня, так как опасался, что я не протяну и месяца. Он запросил тысячу золотых монет, которые ему тут же отсчитали, а когда сделка совершилась, я обратился к ее величеству с просьбой.

«Теперь я ваш покорный слуга, — проговорил я, — и буду служить вам верой и правдой. Однако осмелюсь просить ваше королевское величество о милости. Моя нянюшка Глюмдальклич

все это время заботилась обо мне, учила меня грамоте, была добра и внимательна. Нельзя ли оставить девочку при мне? Она прекрасно изучила мои привычки и стала для меня незаменимой. Примите и ее на службу, чтобы Глюмдальклич по-прежнему ухаживала за мной и оставалась моей наставницей!»

Королева тут же охотно согласилась. Фермер был неописуемо доволен, что его младшая дочь остается при дворе, а бедная девочка от радости даже расплакалась. Она простилась с отцом, и мой бывший повелитель удалился, пожелав мне успехов на новом поприще. В ответ я лишь молча приподнял шляпу.

Королева заметила мою холодность и, когда фермер скрылся за дверью, поинтересовалась ее причиной. Я решил ничего не скрывать.

«Этому вашему подданному, — сказал я, — я обязан лишь тем, что меня, волею случая занесенного на вашу землю, не раздавили, как букашку, в поле. Я отблагодарил своего бывшего хозяина сторицей — он выручил за меня столько, что стал состоятельным человеком. Но если бы не его добрая маленькая дочь, я давно пал бы духом и погиб. Меня принуждали с утра до вечера забавлять зевак, возили с места на место по всему королев-

ству без отдыха и сна. Здоровье мое подорвано, и не будь фермер уверен в том, что я скоро умру, он не продал бы меня ни за какие деньги. Однако надеюсь, что мой бывший хозяин ошибся. Теперь я нахожусь под покровительством великой и милостивой королевы, мне нечего бояться, и я очень скоро поправлюсь. От одного присутствия вашего королевского величества я чувствую себя гораздо бодрее…»

Моя речь вышла нескладной и говорил я запинаясь, однако меня внимательно выслушали. Последней фразе меня научила Глюмдальклич, пока мы с нею шли во дворец.

Королева была удивлена тем, что такое крошечное существо, как я, настолько здраво рассуждает. Она взяла меня и понесла в кабинет короля. Его величество, важный и суровый господин, мельком взглянул на супругу и холодно поинтересовался, с каких это пор ее величество питает пристрастие к сплекнокам. Очевидно, король принял меня за этого зверька, так как я лежал ничком на обтянутой шелковой перчаткой руке его супруги. Будучи женщиной тонкого ума и веселого нрава, королева воскликнула: «Дорогой мой, я приготовила вам сюрприз!» Она осторожно поставила меня на стол возле письменного при-

бора и шепнула, чтобы я поведал королю о своих приключениях. Я отвесил глубокий поклон и в двух словах описал все, что со мной случилось. Глюмдальклич, ожидавшая у дверей кабинета и не спускавшая с меня глаз, получила разрешение приблизиться и дополнить мой рассказ подробностями моего пребывания в доме ее отца.

Король, один из самых ученых мужей в своем государстве, получивший отменное философское и математическое образование, поначалу усомнился в том, что я живой человек. Еще не слыша моего голоса, он принял меня за механическую заводную фигурку, созданную каким-то гениальным изобретателем. Однако моя логика, моя связная и почти правильная речь его поразили. И тем не менее в историю моего появления на побережье он не поверил. Король заподозрил, что все это придумано фермером с целью повыгоднее сбыть меня с рук. Девочку он назвал глупой фантазеркой, и Глюмдальклич обиженно замолчала. Королева помалкивала и лукаво поглядывала на его величество, засыпавшего меня вопросами. Я отвечал как умел: сдержанно и разумно. Единственным моим недостатком было скверное произношение, неловкие обороты речи да простонародные словечки, которых я на-

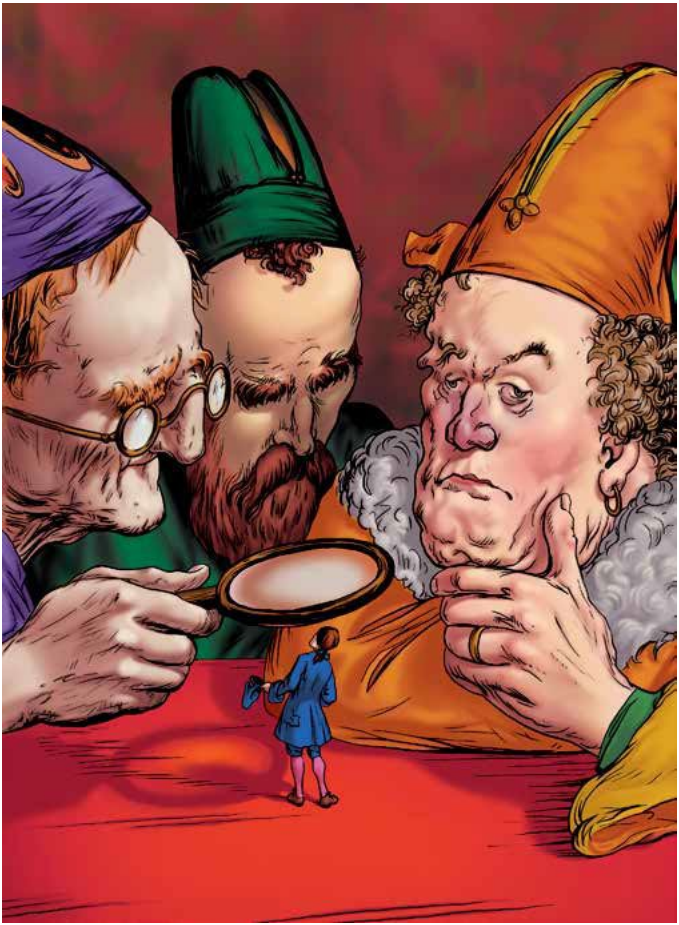
брался в доме моего бывшего хозяина. Но все это были мелочи по сравнению с моими прежними испытаниями.

Наконец король распорядился позвать нескольких профессоров, постоянно находившихся у него под рукой во дворце. Эти ученые господа, придирчиво исследовав мою внешность, пришли к противоречивым выводам. Они согласились только в одном: я не создан по естественным законам природы, потому что не умею быстро бегать на четвереньках, лазить по деревьям или рыть лапами норы в земле. После тщательного исследования моих зубов выяснилось, что я — животное плотоядное. Но поскольку все известные им четвероногие превосходят меня силой, а полевая мышь и некоторые другие млекопитающие отличаются бóльшим проворством, уважаемые джентльмены так и не смогли понять, как же я добываю себе пищу. Вероятно, я ем улиток и различных насекомых, предположил один из них. Этого не может быть, воскликнул другой и добавил, что, на его взгляд, я представляю из себя личинку или детеныша. «Но какого животного?» — вскричали все профессора разом.

И эта гипотеза была отвергнута.

Совершенно очевидно, что все части моего тела

вполне развиты, а возраст мой далеко не детский, на что ясно указывает борода, признаки которой видны в лупу. Но и в карлики я не гожусь — для этого я слишком мал; дворцовый карлик, любимец ее величества, самый маленький человек во всем королевстве, имел тридцать футов росту. После долгих препирательств светочи науки пришли к единодушному заключению: я есть не что иное, как *рельплюм сколькатс,* что в буквальном переводе означает «игра природы».



Только теперь мне позволили сказать несколько слов. Обращаясь преимущественно к королю, я пояснил, что прибыл из страны, населенной миллионами существ, ничем не отличающихся от меня ростом и сложением. Там здания, деревья и животные имеют гораздо меньшие размеры, чем в его королевстве, и пропорциональны между собой. Поэтому на родине я был способен прокормить себя, защитить и жить частной жизнью, подобно любому подданному его величества. Досточтимые господа ученые ошибаются на мой счет. Презрительно усмехаясь, один из джентльменов проворчал, что этих сказок я наверняка набрался на ферме. Король задумался, затем попросил профессоров удалиться и велел доставить во дворец моего бывшего хозяина.

Фермер все еще находился в столице и был немедленно разыскан и доставлен. С ним побеседовали наедине, затем в присутствии дочери, подтвердившей все сказанное отцом, и отпустили. Король как человек умный пришел к выводу, что мои слова соответствуют истине. Он поручил королеве заботу обо мне и позволил Глюмдальклич остаться во дворце, чтобы ухаживать за мной. От его взгляда не ускользнула наша дружба.

Нам отвели чудесную просторную комнату;

к девочке приставили воспитательницу для обучения этикету, горничную и двух служанок; мной же должна была заниматься только Глюмдальклич.

Королева распорядилась, чтобы дворцовый столяр смастерил ящик, который мог бы служить мне спальней. В три недели он сделал, согласно моим указаниям, деревянную комнату с дверью, окнами с раздвижными рамами, парочкой стульев, столом и шкафами для одежды. Потолок открывался и закрывался, что давало возможность Глюмдальклич ежедневно проветривать и убирать мое жилище, а также менять постельное белье на моей кровати.

Вся мебель, изготовленная из материала, напоминавшего слоновую кость, выглядела как подлинное произведение искусства. Стены спальни, потолок и пол были обиты войлоком, чтобы ослабить тряску во время поездок и предотвратить несчастные случаи при переноске. Я попросил сделать на двери задвижку, чтобы уберечься от визитов крыс и мышей. Это была непростая задача, но дворцовым мастерам все-таки удалось изготовить крошечный замочек, ключ от которого я всегда носил с собой, опасаясь, что Глюмдальклич потеряет его. Мне сшили

костюм из самой тонкой шелковой ткани, какую только можно было найти; она оказалась толще английского одеяла и доставляла мне массу неудобств, пока я не привык. Скроен мой наряд был по местной моде; он напоминал китайскую и отчасти персидскую одежду, и я имел в нем весьма важный вид.

Королева так полюбила мое общество, что редко обедала без меня. На стол, за которым она сидела, ставили мой столик и стул, а Глюмдальклич располагалась рядом и ухаживала за мной. Мой столовый прибор был сделан из серебра; по сравнению с посудой ее величества он казался кукольным сервизом — вроде того, который я купил когда-то в подарок своей маленькой дочери. Моя нянюшка носила его в особом ящичке, а за обедом ставила на стол.

Помимо ее величества за столом присутствовали лишь принцессы; старшей было шестнадцать лет, а младшей — тринадцать. Королеве нравилось собственноручно класть мне на блюдо кусок говядины, который я резал ножом. Наблюдать за моими движениями, за моими крошечными порциями и тем, как я ем, доставляло ей истинное удовольствие. Сама же она подносила ко рту кусок такой величины, что он насытил бы десяток

дюжих англичан.

Надо признаться, первое время я испытывал смешанное чувство, глядя, как королева поглощает еду, — за один прием она, к примеру, съедала с костями крылышко жаворонка, по величине равное десяти нашим индейкам, и откусывала кусочек булки размером в два наших хлеба. Блюда она запивала вином из золотого кубка вместимостью с бочку. Ее столовые ножи были в несколько раз больше нашей косы, а о ложках и вилках я даже не говорю. Однажды Глюмдальклич ради любопытства заглянула вместе со мной в столовую, где лежала приготовленная для чистки дюжина вилок и ножей, — более жуткого зрелища мне не доводилось видеть.

Однако вскоре я привык к несоразмерности окружавших меня предметов.

Каждую среду — этот день считался в королевстве выходным — венценосная семья обедала в покоях короля в полном составе. Во время этих обедов мой стул ставили по правую руку от короля, и он с удовольствием беседовал со мной, расспрашивая о европейских нравах, религии, просвещении, законах и государственном устройстве. Я, как мог, отвечал на все вопросы. Будучи рассудительным правителем, он высказывал

тонкие и глубокие замечания по поводу услышанного.

Но однажды мы с ним слегка повздорили. Я как раз увлеченно рассказывал о моей обожаемой Англии, когда его величество жестом остановил меня и насмешливо спросил: кто я — виг или тори? Я смутился, а он заметил, обращаясь к сидящим за столом: «Как же сильна человеческая гордыня, если даже у таких крохотных насекомых существуют титулы, ордена и партии, а свои грязные гнезда и норки они называют городами и деревнями. Эти существа щеголяют нарядами и экипажами, воюют друг с другом, спорят, хитрят и воруют...» Кровь бросилась мне в лицо, я задохнулся от гнева и крикнул его величеству, что недостойно королю иметь предрассудки простолюдина. На это король лукаво прищурился и ласково потрепал меня по плечу. На этом наш диспут закончился, а у меня зародилось сомнение — стоило ли мне обижаться?

И в самом деле, за несколько месяцев жизни в этой стране я привык ко всему громадному и перестал испытывать страх перед ним. Иногда мне казалось, что я просто нахожусь в обществе нарядной знати — английских лордов и леди, слышу знакомую высокомерную и пустую

болтовню. И у меня не раз возникало желание посмеяться над придворными — так же, как они насмешничали за моей спиной. В то же время я не мог удержаться от улыбки над самим собой, когда королева подносила меня на руке к зеркалу, где мы с нею были видны во весь рост. Я был словно пестрый африканский таракан, стоящий на задних лапках на ее ладони.

Больше всего мне доставалось от дворцового карлика. Когда мне случалось с кем-то беседовать, а он пробегал мимо, злобный коротышка никогда не упускал случая отпустить остроту по поводу моего роста и наружности. В отместку я называл карлика братишкой и интересовался, давно ли он перестал расти.

Как-то раз за обедом он так рассердился на меня за какую-то колкость, что, недолго думая, вскарабкался на стол, схватил меня и бросил в кувшин со сливками. Я бы немедленно утонул, если бы не умел плавать: моей нянюшки рядом не оказалось, а королева так растерялась, что лишь громко вскрикнула от испуга. Глюмдальклич мигом прибежала и выловила меня, однако я уже успел наглотаться сливок. Меня переодели и уложили в постель, но все обошлось испорченным костюмом, который пришлось выбросить. С тех

пор карлик навсегда потерял благосклонность королевы, а спустя неделю она его кому-то подарила; к моему великому удовольствию, больше я этого злобного уродца не встречал.

В самом начале моей жизни во дворце он грубо подшутил надо мной. Когда во время одного из обедов подали мозговую кость и королева опустошила ее, карлик тут же вскочил на табурет, схватил меня за талию и сунул внутрь образовавшейся жирной полости. Хорошо, что кость успела остыть. Мне показалось унизительным звать на помощь, и мои ноги торчали из отверстия минуту-другую, пока нянюшка не вытащила меня оттуда. До меня донесся смешок ее величества, но едва королева увидела, как я расстроен, она немедленно разгневалась. И если бы не мое заступничество, карлик был бы удален еще раньше.

Королева, надо сказать, частенько посмеивалась над моими страхами, спрашивая, все ли мои соотечественники такие же трусы, как я. Одним из поводов для насмешек послужило следующее. Летом здесь полно мух; эти проклятые насекомые величиной с нашего жаворонка не давали мне ни минуты покоя. Они то садились на мою тарелку во время обеда и потирали грязные лохматые

конечности, то атаковали мое лицо, оставляя на нем липкую гадость. От них исходил омерзительный запах. Никто из великанов мух, казалось, не замечал, а для меня они превращались в истинное мучение. Единственным спасением служил нож, которым я размахивал, отбиваясь от этих тварей и вызывая всеобщий смех.

Припоминаю один из случаев, когда Глюмдальклич утром в ясную погоду поставила мой ящик на подоконник открытого окна, чтобы я мог подышать свежим воздухом. Мне не хотелось, чтобы мой ящик подвешивали так, как в Англии вешают на окнах клетки с птицами. Я открыл окошко и уселся за стол, собираясь позавтракать куском сдобного пирога. Моя нянюшка удалилась, чтобы сварить свежий кофе. Неожиданно в окно влетело несколько ос, привлеченных запахом сладкой начинки. Комната наполнилась жужжанием, словно враз загнусавили две дюжины волынок. Осы завладели моим завтраком и растерзали его на мелкие куски, а потом закружились над моей бедной головой, повергнув меня в ужас, — я воочию видел смертоносные жала. И все-таки у меня хватило храбрости напасть на них, орудуя ножом. Четырех я убил, остальных с трудом прогнал, размахивая шляпой, и сразу же

захлопнул окно.

Осы были величиной с куропатку. Я вытащил их жала, которые достигали полутора дюймов в длину и были острыми, как швейная игла. Все четыре экземпляра я сохранил и позже показывал в Европе вместе с другими редкими трофеями. По возвращении в Англию три из них я отдал в музей природы Грешем-колледжа, а одно оставил на память.

Глава 4

Довольно часто мне приходилось сопровождать королеву в ее поездках. Обычно она отправлялась в окрестности Лорбрульгруда. Иногда королева сопровождала его величество, но от столицы далеко не удалялась и поджидала возвращения короля.

Страна великанов простирается на шесть тысяч миль в глубину полуострова, на северо-востоке отделенного от материка горным хребтом высотой в тридцать миль. Эти горы совершенно непроходимы, так как многие их вершины — действующие вулканы. Никто не мог мне сказать, обитаема ли земля по ту сторону горного хребта. С трех остальных сторон королевство окружал океан, однако в стране не было ни одного удобного морского порта, потому что побережье и многочисленные бухты сплошь усеяны остроконечными скалами, между которыми бушуют свирепые волны прибоя. Поэтому прибрежная полоса доступна лишь для самых маленьких суденышек.

Между тем реки королевства судоходны и изобилуют превосходной рыбой. Великаны редко

занимаются ловлей морской рыбы — она для них слишком мелкая. Иногда штормом к берегу прибивает китов; простой народ с удовольствием употребляет их в пищу. Киты бывают внушительных размеров; изредка их доставляют в корзинах в столицу. Как-то я видел на королевском столе китовое мясо, приготовленное под диковинным соусом, однако их величествам это блюдо пришлось не по вкусу.

Королевство густо населено, в нем насчитывается пятьдесят один город, огромное количество деревень и около ста крепостей. Лорбрульгруд раскинулся по обеим берегам живописной реки. В городе более восьмидесяти тысяч домов, в нем проживают шестьсот тысяч жителей. Столица тянется на три *глюнглюнга* (что составляет более пятидесяти четырех английских миль), а в ширину занимает два с половиной глюнглюнга. Я установил это по карте, вычерченной по велению короля. Когда ее развернули для меня на земле, то она заняла сто квадратных футов; сняв башмаки, я шагами измерил диаметр и окружность столицы, после чего установил ее истинные размеры согласно масштабу.

Королевский дворец представляет собой огромную группу построек, занимающих семь миль в

окружности. Нам с Глюмдальклич была выделена карета с кучером, и мы время от времени катались по городу или наведывались за покупками в лавки. Обычно в этих поездках я находился в своем ящике, однако иногда добрая спутница доставала меня оттуда и брала на руки, чтобы я мог рассмотреть здания и прохожих. Мне казалось, что наша карета ничуть не меньше Вестминстер-Холла, хотя и не такая высокая. Как-то раз девочка приказала кучеру остановиться возле одной из лавок. Пользуясь случаем, карету обступили нищие. Я врач, и для меня это было ужасающее зрелище. Перед моими глазами предстали рак, смертельно поразивший грудь одной женщины, гноящиеся раны на лице другой, вздутый зоб на шее старика, костыли калек… Отвратительнее всего были вши, которыми кишела одежда несчастных. Впервые я наблюдал этих паразитов многократно увеличенными, и хоть они вызвали у меня тошноту, я был бы не прочь анатомировать одного из них. Однако мои хирургические инструменты остались на корабле.

Королева заказала еще один ящик, специально для путешествий, так как главный, в котором меня носили, был слишком велик для ее кареты. Второй ящик изготовил тот же мастер по моим

указаниям. Мой дорожный кабинет имел форму правильного куба. Посередине трех его сторон имелись зарешеченные окна, к четвертой же были прикреплены две кованые скобы, сквозь которые продевался кожаный ремень, — им всадник-носильщик пристегивал меня к своему поясу. Сверху была прочная крышка.

Обычно меня носил верный и опытный слуга, на которого можно было положиться. Поездки случались довольно часто, кроме того, меня выносили для прогулок в королевском саду или для визитов к придворным дамам, министрам и гостям ее величества.

Если во время путешествия меня утомляло пребывание в карете, то слуга, ехавший верхом, пристегивал мой ящик к поясу и ставил на подушку перед собой. Так я мог из окон осматривать окрестности. В ящике у меня имелась походная постель — гамак, подвешенный к потолку, два стула и стол, привинченные к полу. Дорожная тряска не причиняла особенного беспокойства человеку, привыкшему к морской качке.

Каждый раз, когда у меня возникало желание прогуляться по городу, я забирался в свой дорожный сундучок, Глюмдальклич садилась в открытые носилки и ставила его себе на колени.

Четверо носильщиков и два камер-лакея сопровождали нас. Горожане, наслышанные обо мне, тут же высыпали на улицы. Иногда моя нянюшка приказывала носильщикам остановиться, отодвигала занавеску, сажала меня на руку и показывала толпе.

Мне давно хотелось посетить главный городской храм и особенно — примыкавшую к нему башню, которая считалась самой высокой в королевстве. И вот однажды Глюмдальклич поднялась со мной туда, однако, сознаюсь, я был разочарован. От основания до вершины башни было не больше трех тысяч футов. Принимая же во внимание разницу в росте европейца и здешнего жителя, такая высота не показалась мне поразительной. Я не собираюсь умалять достоинства и таланты людей, которым многим обязан, и рад подтвердить, что относительно небольшая высота башни вполне компенсируется ее прочностью и исключительной красотой. Стены ее, толщиной почти в сто футов, сложены из тесаного камня; каждый из камней в объеме равен сорока кубическим футам. Стены в нишах украшены высеченными из мрамора статуями богов и королей. Я нашел в куче мусора отбитый мраморный мизинец неизвестного мне боже-

ства и измерил его. Длина находки составила четыре фута и один дюйм. Я подарил мизинец Глюмдальклич, которая, как всякий ребенок ее возраста, любила забавляться безделушками.

Здание королевской кухни восхитило меня как снаружи, так и изнутри. Главная печь была чуть меньше купола собора Святого Павла, который я специально измерил после возвращения в Англию. Я не подсчитывал размеры вертелов, чудовищных горшков и котлов, жаровень, кастрюль, ножей и прочей кухонной утвари, чтобы меня, как любого путешественника, не обвинили в преувеличении.

Его величество редко держал в своих конюшнях более шестисот лошадей, каждая была ростом от пятидесяти четырех до шестидесяти футов. Во время торжественных выездов короля сопровождала гвардия числом около пятисот всадников. Это, конечно, впечатляющее и блистательное зрелище. Однако так мне казалось только до тех пор, пока я не увидел всю королевскую армию, выстроенную в боевом порядке.

Глава 5

Мою жизнь во дворце можно было бы считать вполне счастливой, если бы мой рост не становился причиной многих смешных и досадных приключений. Как я уже говорил, Глюмдальклич часто выносила меня в дворцовый сад в дорожном ящике. Иногда девочка держала меня на руках, но чаще всего опускала на землю, чтобы я мог немного пройтись. Помню, как однажды, когда карлик еще вертелся при дворе, он увязался за нами. Девочка поставила меня на землю близ того места, где росли карликовые яблони. Я не смог удержаться, чтобы не пошутить по поводу сходства между карликом и этими деревьями. Он злобно усмехнулся и, дождавшись момента, когда я очутился под одной из яблонь, начал трясти дерево. Яблоки — каждое с бристольскую бочку — рухнули вниз с оглушительным грохотом, а одно из них ударило меня в спину, сбив с ног. Я едва остался цел, но все-таки попросил королеву простить коротышку, тем более что сам подтолкнул его к неблаговидному поступку.

В другой раз Глюмдальклич ненадолго оставила меня одного на садовой лужайке — ее как раз

отвлекла воспитательница. Внезапно набежала туча, пошел град, и сильный ветер опрокинул меня на землю. Градины величиною с теннисный мяч обрушились на меня с такой силой, что, пытаясь спастись, я пополз на четвереньках и спрятался на грядке с тмином. Я был так избит, что провел в постели дней десять.

В том же саду со мной случилось другое, гораздо более опасное приключение. Однажды Глюмдальклич, поддавшись на мои уговоры, оставила меня в одиночестве, вынув из ящика, и ненадолго ушла. Оба мы полагали, что я нахожусь в безопасном месте. Но как только я присел на траву, чтобы предаться меланхолическим воспоминаниям, как ко мне внезапно бросилась лохматая болонка дворцового садовника, схватила за шиворот и понесла к хозяину. Глюмдальклич была далеко и не могла слышать моих криков. Наконец пес, очень гордый собой, положил меня перед садовником. Бедный старик от испуга лишился дара речи, но затем трясущимися руками поднял меня, допытываясь, все ли со мной в порядке. Я ответил, что цел и невредим, а его пес так хорошо воспитан, что не поранил меня и даже не измял моего платья. Глюмдальклич была ужасно огорчена и напугана этим происшествием. Мы

решили держать все в тайне, однако с тех пор моя нянюшка не спускала с меня глаз.

Это меня не устраивало — иногда мне отчаянно хотелось побыть в одиночестве. Поэтому я начал хитрить. Однажды я сказал Глюмдальклич, что хотел бы взглянуть на редкий цветок, и свернул с дорожки. Над садом парил коршун, и мое движение тут же его привлекло. Он ринулся на меня и наверняка унес бы в когтях, если бы я не отбился от птицы толстой палкой. В другой раз меня угораздило провалиться по шею в кротовую нору. Я едва выбрался оттуда, и мне пришлось сочинить какую-то нелепую историю, чтобы объяснить, почему мой костюм так перепачкан. Случались и по-настоящему досадные происшествия: однажды, прогуливаясь вместе с девочкой, я так задумался, что споткнулся о раковину улитки, упал и вывихнул ногу.

Трудно сказать, чего было больше в моих одиноких прогулках по саду — удовольствия или унижений. Даже крошечные птенцы не испытывали страха при моем появлении, а взрослые птицы просто не обращали на меня внимания. Никогда не забуду, как один наглый дрозд вырвал у меня из рук кусок пирога. Когда я пытался поймать какую-нибудь пташку, она оборачивалась,

норовила клюнуть меня в голову, а затем как ни в чем не бывало продолжала заниматься своими делами. Стыдно вспоминать один случай, но тут уж ничего не попишешь. Обозлившись на то, что даже птицам я кажусь никчемной козявкой, однажды я бесшумно подкрался к коноплянке и запустил в нее толстой дубинкой. Удар был метким, и птица свалилась замертво. Я схватил ее за шею и потащил за собой, чтобы похвастаться добычей перед Глюмдальклич. Однако мой триумф длился недолго. Оглушенная птица пришла в себя и начала отчаянно биться у меня в руках. Она наносила удары крыльями и клювом с такой силой, что мне пришлось бы выпустить ее, если бы не подоспевший слуга. В тот день по распоряжению королевы к обеду мне подали зажаренную коноплянку. Она оказалась крупнее нашего лебедя, но совершенно несъедобной.

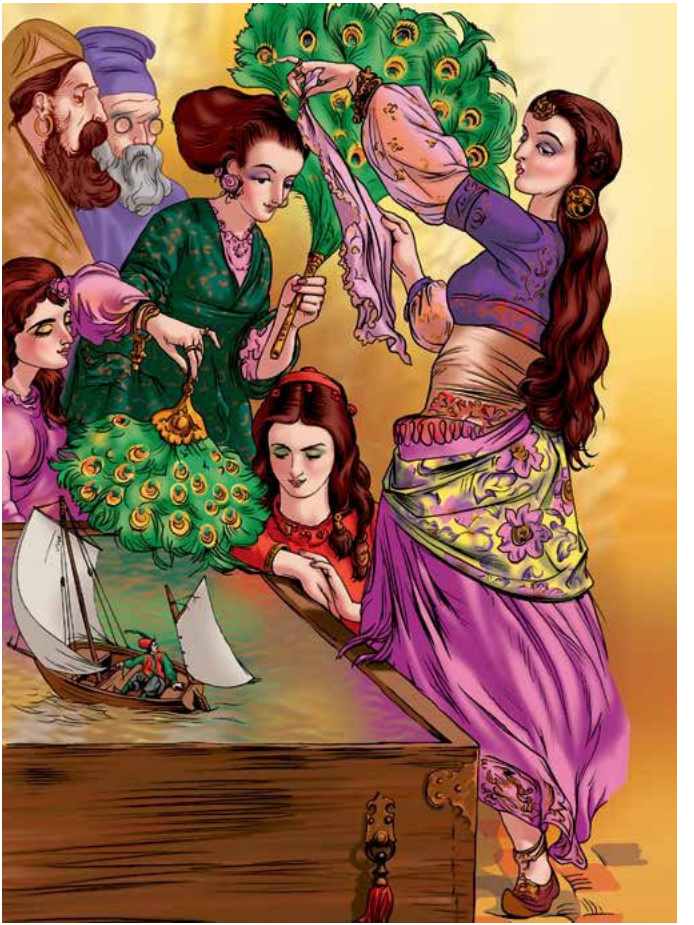
Я не любил бывать в гостях у придворных дам, предпочитая общество ее величества. Фрейлины обходились со мной бесцеремонно, как с куклой: ощупывали, раздевали и одевали, целовали. От запаха их духов я едва не падал в обморок, а от фривольных замечаний меня коробило. В конце концов я упросил Глюмдальклич больше не носить меня в покои этих леди.

Королева же всегда была приветлива со мной и очень заботлива. Она постоянно спрашивала, не тоскую ли я по родине, и старалась, пользуясь любым удобным случаем, развлечь меня. Однажды, заметив, что я грустен, она спросила, умею ли я управлять парусом, хорошо ли гребу веслами и будут ли подобные упражнения полезны для моего здоровья. Я отвечал, что хоть и служил корабельным врачом, в трудные минуты мне не раз приходилось исполнять обязанности простого матроса. После чего поинтересовался: зачем ее величеству понадобилось это знать, если даже самая маленькая лодчонка в здешних краях не меньше английского военного корабля. Королева предложила дворцовому столяру смастерить по моим чертежам крохотную шлюпку. Дней через десять лодка была готова и оснащена всем необходимым. Суденышко вышло очень красивым, и королева пришла в такой восторг, что тут же побежала показать игрушку королю.

В огромную лохань напустили воды, а меня усадили в шлюпку, чтобы я продемонстрировал свои таланты. Увы, из этого ничего не вышло, так как в тесной посудине негде было развернуться. Тогда королева распорядилась выточить из прочного дерева корыто в триста футов длиной,

пятьдесят шириной и восемь глубиной. Чтобы не было течи, корыто хорошенько просмолили, затем поставили у стены в одном из покоев дворца и наполнили доверху чистой водой.

В этом водоеме я частенько занимался греблей. Затея ее величества пришлась мне по душе, а уж какое удовольствие мои упражнения доставляли придворным, и говорить не приходится! Иногда я ставил парус, а фрейлины своими веерами поднимали ветер. После этих забав Глюмдальклич уносила лодку и вешала ее на гвоздь для просушки.



В моей вполне сносной жизни происходили разные события — иногда забавные, а подчас и опасные. Одно из них едва не стоило мне жизни. Как-то раз паж спустил мою лодку на воду, а одна из горничных услужливо подняла меня, чтобы посадить на суденышко. Я проскользнул у нее между пальцами и непременно бы расшибся, упав с высоты сорока футов, если бы не зацепился штанами за булавку в корсаже перепугавшейся насмерть женщины. Так я и висел вниз головой, пока на ее крик не прибежала Глюмдальклич.

В другой раз слуга, в обязанности которого входило каждые три дня наполнять корыто свежей водой, не заметил, как туда угодила громадная лягушка. Что тут началось! Вынырнув, эта тварь прыгнула в мою лодку и едва не потопила ее. Затем лягушка начала метаться как безумная, обдавая меня потоками воды и смердящей слизью, будто задалась целью окончательно меня извести. Более отвратительного, безобразного существа я не встречал. Тем не менее я с ней справился — парочки точных ударов веслом хватило, чтобы изгнать лягушку из корыта. Но и плаванью моему пришел конец. Я промок до нитки и был чрезвычайно расстроен.

Однако самая серьезная опасность исходила от

жуткой обезьяны, принадлежавшей помощнику повара. Глюмдальклич иногда оставляла меня одного в наших покоях, вынув из ящика. Мне надоедало все время сидеть в своем кукольном доме, и я с удовольствием отправлялся бродить по громадным комнатам. Как-то солнечным утром девочка ненадолго вышла по делам и позабыла прикрыть окно. Я только-только устроился поваляться на вышитой салфетке на столе, как вдруг услышал невероятный шум — по нашей комнате прыгала и верещала косматая обезьяна, очевидно проникшая сюда через окошко. Встревожившись, я попятился, тихонько юркнул в свой ящик и прикрыл за собой дверь. Но ключа на месте не оказалось — его унесла Глюмдальклич в кармашке своего фартука. Обезьяна с дьявольским визгом вспрыгнула на стол, и тут ее внимание привлек мой ящик.

Я забился в самый дальний угол своих апартаментов. Мне даже не пришло в голову спрятаться под кровать — до того я растерялся. Обезьяна радостно оскалила пасть и щелкнула зубами. Видя, что я не двигаюсь, она фыркнула, распахнула дверцу и протянула свою длинную лапу ко мне. В два прыжка я оказался у противоположной стены. Но совершенно напрасно я пытался

ускользнуть от чудовища — обезьяна в конце концов ловко поймала меня за полу сюртука и вытащила наружу, больно оцарапав. А затем прижала меня, словно детеныша, к своей груди, ласково урча.

Я попробовал было сопротивляться, но животное стиснуло меня так крепко, что мне ничего не оставалось, как покориться. Обезьяна стала укачивать меня, бормоча что-то себе под нос, любовно поглаживая и перебирая волосы у меня на голове, но стук открываемой двери внезапно прервал эти нежности. Глюмдальклич испуганно вскрикнула, а моя новоявленная «мамаша» молнией метнулась к окну. По водосточному желобу, скача на трех лапах и сжимая меня в четвертой, обезьяна мигом перебралась на крышу соседней постройки.

Бедная девочка пришла в ужас; весь дворец был поднят на ноги. Слуги помчались за лестницами, а толпа придворных и челяди сбежалась поглазеть на обезьяну, которая устроилась на крыше. Животное прижимало меня к груди, как младенца, одновременно набивая мой рот отвратительными «лакомствами», которые извлекало изо рта, и угощая тумаками, если я отказывался есть. Люди, собравшиеся внизу, покатывались

от смеха, глядя на эту картину, и я не берусь их осуждать. Зрелище, бесспорно, было забавным для всех, кроме меня.

Кое-кто начал бросать камни, рассчитывая согнать проказницу вниз, но их остановили, опасаясь причинить мне вред. К крыше приставили длинные лестницы, несколько человек бросились по ним к обезьяне. Заметив это, она отшвырнула меня в сторону и бросилась наутек. Хорошо еще, что мне удалось зацепиться за черепицу; я находился на высоте пятиста ярдов от земли и каждую секунду ждал, что меня сдует порывом ветра. К счастью, слуга Глюмдальклич проворно подполз ко мне, сунул в карман и благополучно спустился вниз.

Рот мой был набит какой-то гадостью, я задыхался, все тело ныло от тумаков. После этого приключения я провалялся в постели больше двух недель с горячкой. Во время болезни меня постоянно навещали знатные особы, а куда подевалась обезьянка, я так и не узнал.

Окончательно окрепнув, я отправился к королю, чтобы поблагодарить его за оказанные мне милости. Его величество был настроен на шутливый лад и тут же спросил меня, о чем я размышлял в объятьях обезьяны, понравилось ли

мне ее угощение и как повлиял на мой аппетит свежий воздух на крыше. И, не дожидаясь ответа, поинтересовался, как бы я поступил, случись подобное у меня на родине.

Я сердито пробормотал, что в Европе обезьяны не водятся, а потом добавил, что те, которых привозят к нам как диковинку, вполне милы, забавны, а главное — соразмерны европейскому человеку. «Что касается здешнего чудовища, — хмуро добавил я, — то я бы мог, пожалуй, справиться с ним, если бы не внезапность его вторжения…»

Король на это только многозначительно хмыкнул.

Каждый божий день я становился поводом для насмешек придворных и слуг. Даже моя добрая Глюмдальклич, несмотря на нежную привязанность ко мне, была так простодушна, что не упускала случая поведать королеве о моих промахах. Однажды воспитательница девочки вздумала отправиться с нею за город, чтобы немного подышать лесным воздухом. Выйдя из кареты у тропы, ведущей к сосняку, девочка поставила мой ящик на землю, выпустила меня, и я зашагал впереди моих спутниц. На повороте лежала лепешка свежего коровьего навоза; мне же

вдруг вздумалось показать дамам свою ловкость и преодолеть препятствие одним прыжком. Я разбежался, оттолкнулся — и тут же по колени погрузился в навоз. С трудом выбравшись из ловушки, я убедился, что утопил в ней свою шляпу. Слуга, как сумел, обтер мое перепачканное платье своим носовым платком, а Глюмдальклич вернула меня, чрезвычайно расстроенного, обратно в ящик. Королева и король тут же узнали об этом досадном происшествии — и в течение нескольких дней за моей спиной то и дело слышался смех.

Глава 6

Пару раз в неделю я присутствовал при утреннем туалете короля и наблюдал, как цирюльник бреет его. Сначала я даже боялся смотреть на гигантскую бритву, но со временем привык и однажды попросил брадобрея вытащить из мыльной пены с полсотни волосков его величества и отдать мне. Раздобыв у столяра гладкую щепку, я придал дереву с помощью ножа форму спинки гребешка. Затем, просверлив самой тонкой иголкой, какую только смогла отыскать Глюмдальклич, ряд отверстий, я вставил в них волоски из королевской бороды и получил довольно-таки сносный гребень. Это было очень кстати, потому что мой старый гребешок сломался, а в этой стране не нашлось бы мастера для такой тонкой работы.

Это подтолкнуло меня еще к одной идее. Я попросил камеристку королевы сохранять те волосы, что остаются на гребне ее величества при укладывании прически. Вскоре их набралось немало, после чего я обратился к дворцовому столяру и попросил сделать два стула наподобие тех, которые он смастерил для меня когда-то.

Когда стулья без спинок и сидений были готовы, я просверлил в необходимых местах дырочки и переплел волосами ее величества спинку и сиденье — наподобие того, как делается плетеная мебель из лозы. Эти кукольные стулья я преподнес в подарок королеве; ее величество, растрогавшись, поставила их в своем будуаре на самое видное место. Из королевских волос я сплел также небольшой кошелек длиною около пяти футов и подарил его Глюмдальклич. Честно говоря, эта вещица не могла выдержать тяжести местных монет, поэтому служила девочке для хранения мелких безделушек.

Король был большим любителем и знатоком симфонической музыки. В музыкальном зале во дворце часто давали концерты, и тогда мой ящик ставили там на одно из кресел. Однако оркестр ревел до того оглушительно, что я с трудом мог различить мелодию. Даже если бы все барабанщики и горнисты английской королевской армии заиграли вместе, то и тогда они не сумели бы произвести такого шума и грохота. Во время концерта я просил ставить меня как можно дальше от музыкантов, запирал в ящике окна, двери, задергивал занавеси и только тогда мог получить хоть какое-то удовольствие от музыки.

В молодости я учился играть на спинете — старинном подобии клавесина. Такой же инструмент стоял и в комнате Глюмдальклич. Три раза в неделю учитель музыки давал ей уроки, и однажды мне пришла в голову фантазия попотчевать короля и королеву одной английской матросской мелодией. Однако это оказалось невероятно сложным делом, ибо клавиатура инструмента имела в длину около шестидесяти футов, а каждая клавиша была шириною в фут. Вытянув руки в стороны, я мог охватить не больше пяти клавиш, а звуки извлекал лишь сильным ударом кулака. Понятное дело, кроме страшной усталости, я не достиг никаких результатов. Однако я придумал вот что: приготовил две дубинки с утолщенными концами и обтянул их мышиной кожей, чтобы не испортить клавиши и заглушить звук удара. Перед музыкальным инструментом поставили скамью, которая была примерно на четыре фута ниже клавиатуры. Я носился взад-вперед по этой скамье и колотил дубинками по клавишам — таким образом мне удалось исполнить жигу к большому удовольствию короля, королевы и в особенности Глюмдальклич.

Король, как я уже говорил, был весьма просвещенным монархом. Иногда мой ящик приносили

к нему в кабинет, и нас оставляли с глазу на глаз. Я ставил стул на королевский письменный стол на расстоянии трех ярдов от лица монарха, и мы подолгу беседовали.

«Ваше величество, — однажды осмелился заметить я, — не кажется ли вам, что духовные способности далеко не всегда пропорциональны размерам тела? Наоборот: в нашей стране самые сильные и рослые люди часто уступают в своем умственном развитии тем, кто поменьше и послабее. Наукой доказано, что пчелы и муравьи гораздо изобретательнее, чем более крупные и сильные насекомые. И каким бы ничтожным я ни казался вашему величеству, мне бы хотелось, чтобы вы поверили, что я способен оказать важные услуги лично вам и всему королевству…»

Король внимательно выслушал меня, с сомнением покачивая головой, однако с тех пор стал относиться ко мне не столь высокомерно. Он даже пожелал узнать более подробно, на основании каких законов управляется Англия, сославшись на то, что в каждой, даже самой захудалой стране может найтись что-либо достойное подражания.

Мне не хватало красноречия, чтобы достойно прославить мое дорогое отечество, по которому я так тосковал!

Начал я с географического положения и поведал, что наше государство, в состав которого входят три могущественных королевства, управляемых одним монархом, лежит на двух островах, но кроме того имеет множество колоний по всему миру. Климат у нас умеренный, почва плодородна, о красоте пейзажей и говорить не приходится.

Затем я подробно изложил основы государственного устройства Англии. Итак, страной правят король или королева, однако существует еще и парламент, состоящий из двух палат. В палате пэров заседают лица знатного происхождения, владеющие обширными землями и титулами, полученными по наследству. Пэры — советники и преданные слуги короля, законодатели и верховные судьи, чьи решения не подлежат обжалованию, это люди, способные защищать свое отечество храбро и мудро. Они опора королевства, его украшение и достойны славы своих знаменитых предков.

В состав верхней палаты входит также несколько духовных лиц, облеченных епископским саном, известных своей святостью и глубокой ученостью. Их обязанностью является охрана веры и надзор за теми, кто несет христианские

истины народу.

Что касается палаты общин, то ее члены свободно избираются самим народом и являются его представителями в парламенте. Как правило, это люди уважаемые и зажиточные, известные в стране своим патриотизмом и способностями. Таким образом, палата пэров и палата общин являются самым представительным собранием в Европе, издающим в согласии с королем законы для страны.

Законы толкуют опытные судьи; на них возложено разрешение тяжб по вопросам личных прав и собственности, определение наказания за уголовные преступления и оправдание невиновных. Судебная система в Англии опирается исключительно на букву закона.

Я также рассказал королю о бережливом расходовании финансов, о воспитании подрастающего поколения, о медицине, о подвигах нашей армии на суше и на море. Не забыл указать общее количество населения, уточнив, сколько людей относится к той или иной религиозной конфессии. Я упомянул о спорте и развлечениях и не упустил ни одной подробности, которая могла бы, как мне казалось, способствовать славе моего отечества. Закончил я кратким изложением ис-

тории Англии за последнее столетие.

Мой доклад занял не менее пяти королевских аудиенций. Король слушал меня очень внимательно, изредка делая пометки. Когда мы встретились в шестой раз, его величество, вздохнув, проговорил: «Давайте-ка, мой друг, кое-что уточним».

Его интересовало буквально следующее.

Что делается для физического и духовного развития молодых знатных джентльменов в школьные годы?

Как пополняется палата лордов в случае смерти последнего представителя древнего рода, не имеющего наследников?

Кому и за какие именно заслуги присваивается титул пэра и не было ли случаев, когда главную роль в этом играли прихоть монарха, взятка, протекция или интересы борющихся партий?

Действительно ли в парламенте все его члены так хорошо знают законы своей страны, что способны решать важнейшие государственные дела? И на самом ли деле парламентарии независимы, беспристрастны, чужды корысти и способны избежать соблазнов?

Все ли епископы безгрешны? Неужели ни один из них, будучи простым священником, не уго-

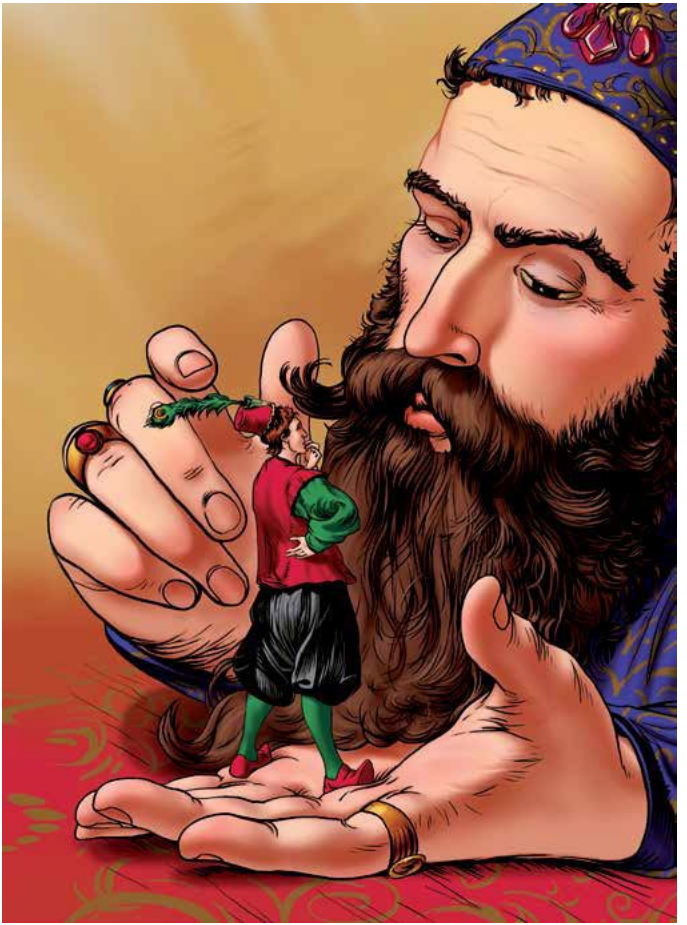
ждал интересам богатых и знатных мирян?

Затем король поинтересовался, как происходят выборы тех, кого я назвал членами палаты общин. Не может ли человек с туго набитым кошельком, но равнодушный к интересам народа, склонить избирателей в свою пользу? И почему, наконец, парламент так неудержимо притягивает к себе депутатов, если эта служба требует столько сил, времени, здоровья и огромных финансовых издержек?

Внимание короля привлекла и деятельность наших судебных палат. Мне было о чем рассказать — ведь я сам в свое время немало страдал от затянувшегося процесса в верховном суде и едва не разорился, несмотря на то что выиграл дело, а судебные издержки оплатил ответчик.

Вопросы его величества посыпались градом. Сколько времени требуется суду для выяснения истины? Могут ли адвокаты и стряпчие выступать ходатаями по несправедливым и противозаконным делам? Оказывает ли влияние на приговор принадлежность обвиняемого к той или иной конфессии или политической партии? Обязаны ли адвокаты иметь юридическое образование? Принимают ли судьи участие в составлении свода законов? Каково денежное

вознаграждение судей, адвокатов и прокуроров? Могут ли все эти люди избираться в парламент?



Я терпеливо отвечал, не упуская ни одной детали.

Наконец королю вздумалось обратиться к нашим финансам — его величеству показалось, что в этой области он сможет извлечь для себя некоторую пользу. Для начала, сверившись со своими записями, он заметил, что я, вероятно, ошибся, приводя цифры нашего бюджета. Не может быть такого, чтобы расходы государства вдвое или втрое превышали доходы. Я сказал, что ошибки нет и записанные его величеством цифры верны. Король удивился: откуда же тогда берутся средства для уплаты государственных долгов? «И зачем вам такие дорогостоящие военные кампании? — не без ехидства поинтересовался у меня его величество и добавил: — Ваши генералы, наверное, богаче королей, а вы сами — народ вздорный и драчливый. Причем и соседи ваши ничуть не лучше».

Он спросил, какие интересы могут быть у нас за пределами наших двух островов, кроме торговли и защиты границ? И особенно поразило короля то, что нашему народу даже в мирное время необходима регулярная наемная армия. «Ведь при таком государственном устройстве вам нечего бояться и не с кем воевать, — недоумевал

он. — Разве хозяин дома не защитит его от злодеев лучше, чем полдюжины случайных людей, нанятых на улице?»

Короля поразило также то, что среди развлечений нашего дворянства и знати я назвал азартные игры. Он захотел знать о возрасте, с которого допускается это занятие, поинтересовался, теряют ли игроки свои состояния, влияет ли эта пагубная страсть на окружающих и существуют ли мошенники, сделавшие игру профессией?

Но мой краткий очерк истории Англии окончательно возмутил его величество. «Ваша столетняя история, — воскликнул он, — не что иное, как бесконечная цепь заговоров, смут, убийств, революций, казней и ссылок! И порождено это жадностью, лицемерием, вероломством, жестокостью, ненавистью, завистью, развратом и честолюбием. Только и всего».

Затем король взял меня на руки и, с состраданием глядя мне в глаза, ласково проговорил: «Мой маленький друг Грильдриг! Вы, безусловно, были искренни, произнося похвалу своему отечеству. Однако она безмерно удивила меня. Вы только что абсолютно ясно доказали, что невежество, лень и пороки являются неотъемлемой частью вашей законодательной системы. Что законы

толкуются и применяются на практике теми, кто заинтересован в их нарушении. Кое-что можно было бы признать разумным и целесообразным, но оно буквально тонет в море лжи. Я прихожу к выводу, что высокое положение в вашем обществе не требует никаких особых талантов, достоинств и нравственных качеств. Никто не стремится к совершенствованию. Священники не отличаются благочестием, военные — храбростью и благородством, судьи — уважением к истине и закону, а государственные мужи — мудростью и любовью к отчизне. Что касается вас, — продолжал король, — то вам повезло. Вы провели бóльшую часть своей жизни в трудах и путешествиях. И лишь поэтому вам удалось избежать влияния всего дурного, что происходит на вашей родине. Однако факты убеждают меня в том, что подавляющее большинство ваших соплеменников принадлежит, как это ни прискорбно, к породе самых несовершенных и зловредных тварей, какие когда-либо существовали на этой земле».

Глава 7

Негодовать и возмущаться было совершенно бесполезно.

Я почему-то чувствовал себя огорченным и подавленным, хотя, признаться, далеко не все рассказал его величеству, так как очень хотел представить Англию в наиболее выгодном свете. Я обходил каверзные вопросы, был не всегда искренним; кроме того, издалека многое виделось мне в розовом свете. Но из этого невинного обмана ничего не вышло.

Впрочем, что можно было ожидать от правителя страны, совершенно отрезанной от остального цивилизованного мира? От человека, ничего не знающего о нравах и обычаях других народов? Неведение всегда порождает предрассудки и некоторую узость мировоззрения, которые нам, англичанам, как и другим просвещенным европейцам, совершенно чужды.

Вот характерный пример. Однажды мы с его величеством заговорили о научных открытиях в Европе. Эта тема очень его интересовала, и, чтобы удовлетворить любопытство монарха, я поведал ему об изобретении некоего порошка,

случившемся несколько столетий назад. «Этот порошок, — пояснил я, — обладает способностью мгновенно воспламеняться от малейшей искры. Он взрывается, производя страшное сотрясение и грохот, подобный грому. Если взять небольшое количество этого порошка и набить им медный или железный цилиндр, то, в зависимости от размеров, можно метать на большие расстояния чугунные ядра или свинцовые пули. Разрушительная сила такого оружия настолько велика, что с его помощью можно сокрушать целые армии, разрушать крепости и топить корабли. Пушка и ружье — вот как это называется. Первая может разносить вдребезги стены осажденных городов и обращать в бегство их защитников; второе убивает человека на месте». Я также добавил, что состав пороха мне хорошо известен и я вполне могу изготовить его прямо здесь, а затем обучить местных мастеров всему остальному. Полусотни подобных орудий вполне достаточно, чтобы разрушить город размером со столицу королевства. «Мне совсем нетрудно оказать его величеству эту услугу в благодарность за внимание к моей персоне», — заключил я.

Выслушав мое предложение, король пришел в ужас.

Особенно его поразило то, что такое ничтожное существо, как я, может не только иметь столь бесчеловечные мысли, но и предлагать это губительное изобретение врага рода человеческого правителю великого народа. Если я дорожу своей никчемной жизнью, то он не советует мне никогда даже намеками посвящать его в подобные секреты.

Вот вам результат ограниченного образования, узких взглядов и нелепых принципов! Этот правитель обладал многими достоинствами и пользовался любовью и уважением подданных, но вследствие какой-то странной и совершенно не понятной нам, европейцам, щепетильности не желал сделаться абсолютным властелином над своими подданными и ближайшими соседями!

Однажды в разговоре с королем я сообщил, что в Англии написано множество книг об искусстве управления государством, а политика возведена в ранг полноправной науки. Это невинное замечание произвело на него удивительное впечатление: его величество нахмурился и буркнул, что мы, должно быть, умственно отсталый народ. Ему были недоступны тонкости политической жизни, не говоря уже о всякого рода государственных тайнах и международных интригах.

Для управления собственным королевством его величеству хватало здравого смысла, справедливости, милосердия и исполнения закона всеми подданными, включая и королевскую семью. По его мнению, всякий, кто вместо одного колоса сумел вырастить на своем поле два, оказал людям бóльшую услугу, чем все политики, вместе взятые.

Из этого я снова сделал печальный вывод: знания и интересы великанов крайне ограничены. В школах здесь изучают лишь историю, математику, поэзию и этику. В этих областях достигнуты большие успехи, однако математика играет чисто практическую роль, да и все остальное имеет прикладной характер. Математики в этом королевстве нужны, чтобы заниматься вопросами размежевания полей и различными отраслями техники. Что касается отвлеченных идей и философии, то все это казалось великанам совершенно чуждым.

Каждый закон этой страны содержал количество слов, не превышающее числа букв в алфавите, — а их там насчитывалось всего двадцать две. Но лишь немногие законы излагались так подробно. Здешние люди, не отличаясь особой живостью ума, стремятся к краткости и точности

и не допускают иных толкований закона, кроме одного, о каких бы преступлениях ни шла речь. В области гражданских и уголовных процессов их юриспруденция так слаба, что просто не о чем говорить.

Книгопечатание в Бробдингнеге, как и у китайцев, существует с незапамятных времен, но их книгохранилища не отличаются большим количеством названий и авторов. Даже королевская библиотека, которой я свободно мог пользоваться, содержит не более тысячи томов, которые помещаются в галерее длиной в двести футов. Столяр королевы устроил в комнате Глюмдальклич нечто вроде пологой деревянной лестницы в двадцать пять футов высотой и в пятьдесят футов шириной. Книга, которую я выбирал, устанавливалась у стены; я поднимался на самую верхнюю ступень и начинал чтение с верха страницы, двигаясь вдоль строк справа налево. Затем постепенно спускался по ступеням, пока не добирался до конца страницы. Книжные листы я переворачивал обеими руками, что было не так уж трудно — даже в книгах самого большого формата они были не толще нашего картона и имели в высоту около двадцати футов.

Стиль и язык книг, которые мне довелось про-

честь, отличались простотой и ясностью, без длиннот и пустого красноречия, — великаны не любят лишних слов. Я одолел также немало фолиантов исторического содержания. Попадались любопытные книжки на темы морали. Так, в одном сочинении речь шла о несовершенстве рода человеческого. Автор, подобно европейским моралистам, без конца сетовал на слабость и ничтожность человеческой природы. Люди беспомощны и неспособны защитить себя от сурового климата, болезней и диких зверей, которые превосходят человека силой, ловкостью, а порой и умом. И если в древние времена землю населяли настоящие великаны, то теперь мир начал вырождаться и на свет появляются слабые и недоразвитые существа. Это подтверждается историей и народными преданиями. А разве громадные кости и черепа, обнаруженные естествоиспытателями, не свидетельствуют о том, как измельчал человек?

Одолев трактат, я не мог не задуматься над общим для всех народов вопросом: что именно ученые авторы пытаются высмотреть в прошлом и в чем упрекают настоящее? Почему для них вчера всегда лучше, чем сегодня?

Великаны гордятся своей армией. Королевское

войско насчитывает сто семьдесят шесть тысяч пехотинцев и тридцать две тысячи кавалеристов. Хотя не знаю, можно ли назвать регулярной армией ополчение, которое в городах состоит из купцов, а в деревнях — из фермеров. Командуют пехотой и кавалерией вельможи и мелкие дворяне. Никакого жалованья солдатам не полагается. Командиры избираются общим тайным голосованием из числа самых опытных и уважаемых граждан. Однако, как ни странно, эта армия прекрасно обучена и дисциплинирована. Мне случилось наблюдать маневры столичного ополчения, которые проходили на просторном плацу за городом. На поле одновременно присутствовало не более двадцати пяти тысяч пехотинцев и шести тысяч кавалеристов, но у меня сложилось впечатление, что королевская армия занимает чуть ли не полмира. Ведь каждый кавалерист на лошади был что твоя колонна вышиною в сто футов. А когда воины разом обнажили сабли — никакое воображение не может представить себе более грандиозной и поразительной картины! Казалось, будто десять тысяч молний блеснули одновременно со всех сторон небесного свода.

Вместе с тем меня продолжал донимать один вопрос, который казался мне важным. С какой

стати королю великанов, чьи владения нигде не граничили с другими государствами, пришла в голову мысль создать мощную армию и обучить свой народ военной дисциплине? Ответ я нашел в исторических книгах и в беседах с его величеством.

В течение долгих лет Бробдингнег страдал болезнью, которая рано или поздно поражает любое государство. Богатая знать стремилась захватить власть, народ отстаивал свою свободу, а короли добивались абсолютного господства. В результате постоянно вспыхивали гражданские войны. Последняя кровавая распря благополучно утихла только при деде нынешнего короля, и то лишь благодаря взаимным уступкам. Вот тогда-то в каждом городе и деревне было создано ополчение, которое с тех пор стоит на страже государственного порядка.

Глава 8

У меня всегда было предчувствие, что рано или поздно я верну себе свободу, хотя, конечно, я не мог знать, как и когда это произойдет. Английский корабль, на котором я прибыл сюда, был первым и единственным у этих берегов, и король отдал строгий приказ в случае появления еще одного такого же судна захватить его и доставить со всем экипажем в Лорбрульгруд.

А тем временем его величество задался целью подыскать мне подходящую жену. Ему пришлась по душе мысль вырастить потомство особей моего роста. Я же отнесся к этой идее с возмущением: если она осуществится, то моих детей, подобно нашим канарейкам, будут содержать в клетках и продавать на потеху знатным дамам. Все во дворце относились ко мне ласково, я был любимцем королевской семьи, однако мое человеческое достоинство было оскорблено таким пренебрежительным отношением. Я хорошо помнил, что меня купили как забавную игрушку. Тоска по семье, по родине, желание пройтись по улице или саду без боязни быть раздавленным или изувеченным не покидали меня.

Мое освобождение пришло неожиданно и намного быстрее, чем я предполагал.

Прошло уже два года с тех пор, как я очутился в Бробдингнеге. Однажды король и королева пригласили меня вместе с Глюмдальклич в путешествие на южное побережье королевства. Я, по обыкновению, должен был ехать в своем дорожном ящике, где висел гамак и имелись прочие удобства. Там я мог отдыхать в пути, мой домик отлично проветривался через сделанный столяром люк в крышке, причем я сам по желанию открывал и закрывал его.

Король намеревался провести несколько дней в своем замке, находившемся близ Фленфласника, города, расположенного в восемнадцати милях от морского побережья. Дорога настолько утомила нас с Глюмдальклич, что бедная девочка буквально падала с ног. Я же слегка простудился, однако желание увидеть океан было сильнее, чем усталость и недомогание.

И я решил пойти на хитрость. Сказав, что при насморке мне будет полезнее подышать свежим морским воздухом, чем валяться в постели, я упросил мою нянюшку отпустить меня на берег с пажом. Никогда не забуду, как долго Глюмдальклич не соглашалась (ведь она не могла

сопровождать меня), как подробно наставляла пажа, хотя тот уже не раз гулял со мной. Она будто предчувствовала беду, и ее глаза были полны страха и слез.

Паж взял ящик, где я лежал в гамаке, вышел из замка и спустя полчаса добрался до береговых скал. Одно из окон в моем домике было открыто, и я с тоской вслушивался в близкий шум морского прибоя. Я попросил пажа поставить мой домик на плоский камень и сказал, что хочу немного вздремнуть. У меня слегка кружилась голова, ломило виски и щемило сердце. Паж плотно прикрыл окошко, я снова забрался в гамак и неожиданно крепко уснул.

Что произошло дальше, я не знаю. Возможно, паж, убедившись, что я сплю, решил прогуляться по берегу; никакой опасности вокруг не было. Как бы то ни было, но проснулся я от резкого толчка — словно кто-то с огромной силой дернул за кольцо, прикрепленное к крышке моего ящика для удобства при переноске. И сейчас же я почувствовал, что моя комната со страшной скоростью уносится вверх. Первый толчок едва не вышвырнул меня из гамака, но вскоре движение ящика стало более плавным. Не понимая, что происходит, я отчаянно закричал, но толку

от этого не было никакого. В окне, к которому я бросился, мелькали лишь небо и облака. Сверху доносились размеренные звуки, похожие на шум птичьих крыльев, и лишь тогда я окончательно осознал весь ужас своего положения. Огромная птица — морской орел, схвативший клювом кольцо на крышке, — нес меня высоко над водой. Сейчас он швырнет ящик о скалы и вытащит из обломков мое несчастное тело, чтобы сожрать. Именно так эта птица поступает с черепахами, чтобы полакомиться их нежным мясом.

Я забился в угол и спустя некоторое время услышал, что взмахи крыльев стали чаще, а шум усилился. Мой ящик раскачивался, словно вывеска на столбе в ветреную погоду, потом раздались злобный клекот, глухие удары, — и вдруг я понял, что падаю вниз со страшной скоростью. У меня перехватило дыхание. Удар, всплеск, который в моих ушах прозвучал громче рева Ниагарского водопада, а затем на некоторое время стало темно и я приготовился к смерти. Однако ящик, неторопливо раскачиваясь, начал всплывать. Я открыл глаза как раз тогда, когда в окнах моего походного домика забрезжил свет.

Тут я понял, что нахожусь в море. Надо полагать, на моего похитителя, когда он парил над

водой, напал соперник, и во время схватки птица выпустила кольцо из клюва. Железные пластины на дне ящика помогли ему сохранить равновесие и не дали разбиться о поверхность воды. Окна, дверца и люк на крыше были плотно закрыты, и внутри мой домик остался сухим. Я с трудом выбрался из гамака и попытался приподнять крышку люка, чтобы выбраться наверх или хотя бы впустить немного свежего воздуха, но у меня ничего не вышло.

О, как бы мне хотелось, чтобы моя милая нянюшка оказалась рядом! Не прошло и часа, а мы с Глюмдальклич оказались разлученными навеки. Я похолодел при мысли о том, как бедная девочка опечалится, о гневе королевы и крушении надежд моей маленькой подружки на лучшее будущее. Увы, теперь мне приходилось самому заботиться о себе и преодолевать всевозможные опасности.

Не многим путешественникам доводилось попадать в такое трудное и отчаянное положение: каждую минуту с моим ящиком могло случиться все, что угодно. Он мог опрокинуться или разбиться о скалы; стоило треснуть хоть одному оконному стеклу, защищенному тонкой решеткой, и мне грозила неминуемая гибель.

Я заметил, что в мелкие щели начала просачиваться вода, и поспешил их хоть чем-нибудь законопатить. Затем снова попытался приоткрыть люк — наверху я мог хотя бы спастись от духоты. В течение следующих четырех часов я в отчаянии метался по своей клетке, размышляя лишь о том, как выбраться из этой передряги. Даже если ящик сохранит плавучесть, еще несколько дней — и меня ждет смерть от голода, жажды и ледяной сырости.

Я помнил, что к тыльной стороне моего дорожного ящика прикреплены две кованые скобы, в которые при поездках продевался кожаный ремень. И вдруг мне почудилось, будто о скобы что-то царапнуло, затем ящик потащили, будто баржу на буксире. Началась тряска, вода плескалась о стенки, временами в моей комнатке становилось совсем темно. У меня зародилась смутная надежда на спасение. Я мигом отвинтил один из моих стульев от пола, водрузил его на стол и взобрался под самый люк. Мне удалось сдвинуть его не больше чем на ладонь, но я набрал полные легкие воздуха и отчаянно закричал. Затем, спрыгнув вниз, привязал к палке белый носовой платок, просунул его в щель и замахал импровизированным флажком.

Однако эти сигналы не привели ни к каким результатам, хоть моя комната — и я это ясно чувствовал — упорно двигалась по воде. Так прошло около часа. Неожиданно ящик остановился, с грохотом ударившись о что-то твердое. Затем послышался звон протягиваемой через кольцо цепи. Я снова взобрался поближе к люку, стал махать платком и вопить до тех пор, пока не охрип. Ящик перестал раскачиваться, и тут же раздался шум, топот ног по крыше и отдаленные голоса. Меня охватил восторг, когда я услышал, как сверху спросили по-английски: «Эй, есть кто-нибудь внутри? Отзовитесь!» В ответ я закричал что есть мочи, что я англичанин и заклинаю вызволить меня из этой темницы. Мне ответили, что ящик пришвартован к судну и мне следует дождаться, пока корабельный плотник сделает отверстие в крыше, чтобы я мог выбраться оттуда. Тогда я сказал моим спасителям, что это напрасная трата времени и пусть лучше кто-нибудь из матросов вытащит ящик за кольцо из воды и отнесет в каюту капитана. Раздался хохот, мне прокричали, чтобы я не болтал вздор, — и тут я догадался, что оказался среди людей однакового со мной роста. Прибежал плотник и мигом пропилил дыру в крыше. Сверху спустили лестницу, по которой я

и вылез наверх. От слабости у меня подкосились ноги, и матросы отнесли меня на корабль и уложили на палубе, закутав одеялом.

Меня засыпали удивленными вопросами, однако мне трудно было отвечать на них. И не только потому, что меня знобило, мучила жажда и от боли раскалывалась голова. Я совершенно растерялся при виде такого количества пигмеев. Я так долго жил среди великанов, что мои соплеменники казались мне жалкими карликами.

Капитан, мистер Томас Уилкокс, заметив, в каком я состоянии, распорядился доставить меня к себе в каюту. Этот достойный человек дал мне успокаивающих капель и уложил в постель, советуя хорошенько отдохнуть. И в самом деле, мне это было необходимо. Прежде чем впасть в забытье, я убедительно попросил капитана принести в его каюту мой домик. Там находятся ценные вещи — мебель из редкостного материала, гамак, шелковые и шерстяные ткани, которыми обит ящик. Я открою его и покажу мистеру Томасу все мои богатства. Капитан решил, что я брежу, и, чтобы успокоить меня, согласился исполнить мою просьбу. Затем он вышел на палубу и велел матросам перенести на корабль содержимое ящика, причем сделано это было крайне небрежно.

Забрав из ящика все, что показалось им ценным и интересным, матросы обрубили швартовы и пустили мой домик плыть по воле волн. Ящик вскоре наполнился водой и затонул. Впоследствии я радовался, что не присутствовал при этом — такое зрелище меня бы очень расстроило, напомнив все пережитое за последние годы.

Проспав тревожным сном несколько часов, я очнулся и почувствовал себя немного лучше. Было около восьми вечера. Капитан велел подать мне ужин и удовлетворенно заметил, что я, как ему кажется, стал гораздо спокойнее и теперь наверняка поведаю, как оказался в диковинном ящике.

Пока я поглощал блюдо за блюдом, Томас Уилкокс рассказал, что сегодня около полудня заметил в подзорную трубу далеко в море какой-то предмет. Вначале он принял его за небольшое судно под парусами и решил направиться к нему, чтобы, если удастся, пополнить запасы муки и сухарей. Однако, приблизившись, капитан понял, что ошибся, и отправил шлюпку выяснить, что же это такое. Матросы быстро вернулись и стали клясться, что видели в море плавучий дом с плоской крышей. Капитан не поверил и сам отправился на разведку.

Море было спокойным, и он дважды обогнул на шлюпке огромный ящик, наполовину погруженный в воду. На одной из стенок капитан заметил две скобы и тут же распорядился пропустить в одну из них цепь и взять диковинное сооружение на буксир. Когда шлюпка приблизилась к судну, матросы с помощью талей[3] попытались поднять ящик на палубу, но из этого ничего не вышло. Однако еще до того, заметив в щели люка трепещущий платок, команда поняла, что в ящике находится какой-то несчастный узник. Вот тогда-то и решено было оставить плавучую тюрьму в покое и вызвать корабельного плотника.

Я поинтересовался у мистера Уилкокса, не заметил ли кто-нибудь в том месте, где был обнаружен мой походный дом, каких-нибудь особенно громадных птиц. Капитан утвердительно кивнул, однако добавил, что три орла, паривших высоко под облаками, показались ему ничуть не крупнее обычных. Затем я спросил, на каком расстоянии от ближайшей земли мы находимся, и он ответил, что по самым точным вычислениям до берега от его корабля около ста миль. На это я заметил, что он ошибается, так как я покинул

---

[3] Сноски: 3
Тали — система блоков для подъема тяжестей.

страну, в которой жил, всего за два часа до того, как упал в море.

Мистер Уилкокс задумчиво нахмурился и посоветовал мне еще немного отдохнуть, полагая, что от перенесенных потрясений у меня серьезно помутился рассудок. Однако я уверил капитана, что в отдыхе не нуждаюсь и нахожусь в здравом уме.

«Тогда, сэр, я буду говорить с вами откровенно, — произнес капитан. — Ответьте мне, не вызвано ли ваше психическое состояние тем, что у вас на совести тяжкое преступление, за которое вас засадили в этот здоровенный сундук и бросили в море? Такие вещи порой случаются. Нет, разумеется, я не жалею, что подобрал вас, и готов доставить целым и невредимым в любой ближайший порт…»

Я попросил мистера Уилкокса запастись терпением, а затем добросовестно изложил все свои приключения начиная с отплытия из Англии и заканчивая той минутой, когда орел похитил мой дорожный ящик. Слушал капитан очень внимательно и вдумчиво. В качестве последнего доказательства я попросил доставить в каюту комод из моего жилища, открыл его своим ключом и показал капитану небольшую коллекцию редких вещей, полученных в подарок от великанов.

Гребень, сделанный из волосков королевской бороды, иголки и булавки длиной от фута до полуярда, прядь волос ее величества, золотое кольцо, которое подарила мне королева, сняв со своего мизинца. Наконец я предъявил капитану свою одежду и предложил пощупать ткань и оценить ее толщину. Мне стоило большого труда уговорить его принять от меня в подарок зуб одного из лакеев, прислуживавших мне и Глюмдальклич. Зуб этот, диаметром в четыре дюйма и длиною около фута, был вырван королевским лекарем по ошибке и оказался совершенно здоровым; я вычистил его и спрятал в комод.

Капитан был поражен моим рассказом и выразил надежду, что по возвращении на родину я обязательно напишу книгу и опубликую ее в назидание соотечественникам. Я скромно возразил, что моя история вряд ли заслуживает такого внимания. Нынче читателя нелегко удивить, потому что современные авторы не столько заботятся об истине, сколько стремятся переплюнуть друг друга в выдумках.

Мистера Уилкокса заинтересовало, почему я так кричу во время беседы, ведь королева и король великанов, судя по всему, глухотой не страдали. Я ответил, что это следствие пребывания в Бробдингнеге, ведь говорить с его жителями все равно что обращаться к человеку, стоящему на колокольне. «В свою очередь, — признался я, — мне никак не удается отделаться от ощущения, что вы едва слышно шепчете. И кстати, — добавил я, — когда меня окружили ваши матросы, они показались мне сущими карликами. Что поделаешь, если глаза вашего покорного слуги привыкли к людям и предметам исполинских размеров».

Капитан кивнул, заметив, что во время ужина я со странным выражением оглядывал столовые приборы и по моим губам блуждала усмешка. Та-

кое поведение он поначалу приписал нервному расстройству. Я ответил, что понимаю его, однако как я мог сдержать улыбку при виде блюда, показавшегося мне микроскопическим, и чашки не больше ореховой скорлупки?

Расстались мы дружески; на прощание мистер Уилкокс шутливо заметил, что отдал бы сотню фунтов, лишь бы взглянуть на то, как гигантский орел несет мой ящик над океаном.

Его корабль после плавания в Тонкинский залив возвращался в Англию. Пару дней спустя мы попали в полосу пассатов и беспрепятственно понеслись на юг. Миновав Новую Голландию, судно взяло курс на юго-запад, а затем обогнуло мыс Доброй Надежды. Несколько раз капитан заходил в порты, чтобы запастись провизией и свежей водой; наше плаванье проходило вполне благополучно. Но до самого прибытия в Англию у меня ни разу не возникло желания покинуть корабль и сойти на берег.

Через девять месяцев после моего освобождения, третьего июня тысяча семьсот шестого года, наше судно благополучно прибыло в Даунс. Я предложил капитану в уплату за мое пребывание на корабле все имевшиеся у меня деньги, но он не взял ни пенни. Мы распрощались как добрые дру-

зья, и я заставил мистера Уилкокса пообещать в любое время быть гостем в моем доме в Редрифе.

В порту я нанял лошадь и сопровождающего. По пути, разглядывая деревья и дома, встречных прохожих и животных, я никак не мог отделаться от чувства, что нахожусь в Лилипутии. Я все время страшился кого-нибудь нечаянно раздавить, порой громко окликал прохожих и несколько раз едва не поплатился за свою грубость. С трудом я узнавал родные места и едва нашел дорогу к собственному дому.

Двери мне отворил старый слуга. Я низко опустил голову, переступая порог, а когда жена со слезами радости выбежала навстречу, чтобы меня обнять, — присел на корточки, решив, что ей до меня не дотянуться. Дочь опустилась на колени, ожидая моего благословения, однако я даже не заметил ее, потому что привык высоко запрокидывать голову, общаясь с великанами. Вместо приветствия я стал выговаривать жене за то, что она слишком экономила в мое отсутствие, потому что обе они превратились в сущих заморышей… Одним словом, я вел себя так странно, что у моих близких возникло подозрение — не спятил ли я окончательно в своих странствиях. Вот какова сила привычки!

Очень скоро все недоразумения были улажены, а отношения с семьей и друзьями вновь стали самыми теплыми. Так и закончилась вторая часть моих путешествий.

Улучив момент, жена торжественно заявила, что моря мне больше не видать как своих ушей, однако капризная судьба распорядилась иначе, и даже мать моих детей и преданная супруга не смогла уберечь меня от новых, еще более невероятных приключений.

Часть третья
Лапута, Бальнибарби, Лаггнегг, Глаббдобдриб и Япония

Глава 1

Не пробыл я дома и десяти дней, как ко мне в гости зашел капитан Уильям Робинсон из Корнуэлса, командир корабля «Добрая надежда». Когда-то я служил хирургом на другом судне под его началом и ходил с ним в Левант. Робинсон всегда обращался со мною скорее как с братом, а не как с подчиненным, и я убежден, что, узнав о моем возвращении, он решил навестить меня по-дружески, чтобы выразить свою радость по поводу того, что я вернулся из дальних странствий живым и здоровым. Мы долго беседовали, и под конец нашей встречи капитан Робинсон заметил, что через два месяца отправляется в Ост-Индию, а затем прямо предложил мне место хирурга на своем корабле. В моем распоряжении, заверил он, будут двое помощников и еще один хирург, а жалованья мне положат вдвое больше обычного, потому что я знаю морское дело не хуже капитана и смогу помогать ему советами.

Робинсон наговорил столько любезностей, что я уже никак не мог отказаться от его предложения. Несмотря на пережитые невзгоды, жажда увидеть мир томила меня с прежней силой. Оста-

валось единственное препятствие — уговорить жену, но и она в конце концов дала согласие, очень уж много выгод сулило это плавание.

Мы снялись с якоря пятого августа 1706 года и прибыли в форт Сен-Жорж 11 апреля 1707 года. Там мы простояли три недели, пополняя экипаж судна, а затем отправились в Тонкин, где капитан решил подождать некоторое время, потому что товары, которые были им заказаны, могли быть готовы к отправке только через несколько месяцев. Желая хотя бы отчасти окупить расходы от долгой стоянки, Робинсон приобрел небольшой шлюп, нагрузил его теми товарами, которыми тонкинцы обычно торгуют с соседними островами, и отправил меня с командой из четырнадцати человек в короткое плавание.

Не прошло и трех дней, как поднялась сильная буря. В течение пяти дней ураганный ветер гнал нас на северо-восток; после этого погода улучшилась, хотя сильный западный ветер не унимался. На десятый день за нами погнались два пиратских судна и вскоре настигли наш перегруженный шлюп.

Пираты бросились на абордаж и ворвались к нам на палубу одновременно с двух сторон, после чего связали команду и принялись обыскивать

судно.

Среди этих негодяев я заметил одного голландца, который пользовался у своих сообщников авторитетом. Проведав, что мы англичане, он поклялся, что непременно бросит нас в море. Я стал объяснять, что мы христиане, жители страны, которая находится в дружественных отношениях с его отечеством, и просил его ходатайствовать за нас перед предводителями пиратов. Эти слова привели голландца в ярость. Он повторил свою угрозу и, повернувшись к товарищам, возбужденно заговорил на неизвестном мне языке, часто повторяя слово «христианос».

Самое крупное судно пиратов находилось под началом капитана-японца, который с трудом изъяснялся по-голландски. Он приблизился ко мне, задал несколько вопросов, на которые я отвечал вежливо и с достоинством, и объявил, что нас пощадят. Я поклонился капитану и сказал, обратившись к голландцу, что мне горько видеть в язычнике больше милосердия, чем в христианине. Однако вскоре мне пришлось пожалеть об этих словах. Злодей голландец, хоть и не смог убедить обоих пиратских капитанов бросить меня в море, все же добился от них согласия подвергнуть меня испытанию худшему, чем скорая смерть.

Моих матросов разделили и развели по пиратским судам, а меня посадили в челн, снабдив веслами, парусом и запасом провизии на четыре дня, и отправили на волю волн и ветров. Когда я спускался в утлое суденышко, голландец, стоя на палубе шлюпа, осыпал меня проклятиями и ругательствами.

Незадолго до встречи с пиратами я определил положение нашего судна — мы находились в 46° северной широты и 183° восточной долготы. Отойдя на значительное расстояние от пиратских кораблей, я извлек из кармана утаенную мною подзорную трубу и увидел на юго-востоке множество островов. Ветер был попутный, я поднял парус и три часа спустя причалил к берегу. К несчастью, оказалось, что это не остров, а голая скала, окруженная морем. Тем не менее я собрал здесь много птичьих яиц и, добыв огонь, развел костер из сухих водорослей и испек яйца. Это блюдо послужило мне ужином, так как я решил беречь свои запасы. Я провел ночь под защитой скалы на охапке вереска и спал очень хорошо.

На следующий день я направился к другому острову, оттуда перебрался на третий, потом на четвертый, идя то под парусом, то на веслах. На пятый день я взял курс к последнему из открытых

мною островов, который лежал к юго-востоку от первого.

Он оказался гораздо дальше, чем я предполагал, и лишь через пять часов я достиг его берегов. Мне пришлось обойти его почти целиком, прежде чем удалось найти удобное место для стоянки — это была небольшая бухточка всего втрое шире моего челнока. Остров оказался каменистым, местами виднелись поляны, покрытые цветущими растениями. Немного подкрепившись, я спрятал остатки провизии в одном из гротов в скалах на берегу. Ночь я провел в том же гроте, но на этот раз спал неважно — тяжелые мысли взяли верх над усталостью. Утро я встретил в таком подавленном состоянии, что у меня едва хватило сил выползти из грота. Чтобы немного развеяться, я отправился прогуляться среди скал. Небо было совершенно чистое, а солнце так припекало, что я вынужден был прикрывать голову.

Внезапно небо потемнело. Я поднял голову и увидел вверху огромное непрозрачное тело, которое двигалось по направлению к острову. Оно находилось на высоте примерно двух миль и закрыло солнце на шесть или семь минут. По мере приближения тело стало казаться мне твердым; у него было плоское, словно отшлифованное

основание, которое ярко сверкало, отражая блеск моря. Я стоял на возвышенности на высоте двухсот ярдов над морем и видел, как эта гигантская масса отвесно опускается на расстоянии примерно мили от меня. Пораженный, я вынул подзорную трубу и увидел наверху этого тела множество людей, которые двигались, поднимались и опускались по его отлогой поверхности.

Как бы странно это ни выглядело, я испытывал радость. У меня появилась надежда, и что-то подсказывало мне, что это приключение поможет мне выйти из совершенно безнадежного положения. С другой стороны, можете представить себе мое удивление при виде парящего в воздухе острова, которым, как я понял, его обитатели могли управлять по собственному желанию. Однако в ту минуту мне было не до размышлений — я пристально следил, в какую сторону двинется остров, ненадолго застывший неподвижно.

Впрочем, спустя некоторое время остров еще немного приблизился, и я смог рассмотреть, что он со всех сторон окружен галереями, расположенными одна над другой и соединенными между собой лестницами. На самой нижней галерее я увидел группу людей — одни ловили рыбу длинными удочками, а другие наблюдали за рыбаками. Я принялся махать платком и кричать изо всех сил, и постепенно на обращенной ко мне стороне острова начала собираться толпа. Люди указывали на меня пальцами и оживленно жестикулировали, но на мои призывы никто не отвечал, и лишь через некоторое время от толпы отделились несколько человек и стали подниматься с галереи на галерею. Я решил, что они

отправились за указаниями к какой-то важной персоне.

Скопление народа на острове росло. Полчаса спустя он пришел в движение и поднялся над морем так, что самая нижняя галерея теперь находилась на одном уровне со мной и на расстоянии каких-нибудь ста ярдов. Я принял умоляющую позу и обратился к островитянам со всем возможным смирением. Наконец один из них что-то прокричал, после чего мне сделали знак спуститься со скалы и идти к берегу. Летающий остров повис прямо надо мной, затем с нижней галереи была спущена цепь с прикрепленным к ней сиденьем. Я уселся на него и тотчас был поднят наверх.

Глава 2

Едва я ступил на остров, как меня окружила толпа. Эти люди рассматривали меня с величайшим удивлением, но, признаться, я не уступал им в этом — мне никогда прежде не приходилось видеть человеческие существа с такими странными фигурами, облаченными в столь причудливые костюмы. Головы у всех были наклонены вправо или влево, один глаз обращен внутрь, а другой устремлен к зениту. На их одежде были вышиты солнце, луна и звезды, а также скрипки, флейты, арфы, трубы, гитары, клавесины и прочие музыкальные инструменты. Поодаль я заметил множество людей в одежде слуг — они имели при себе короткие палки с привязанными к ним надутыми бычьими пузырями. Впоследствии я узнал, что в каждом пузыре находится сушеный горох или несколько камешков. Время от времени они хлопали этими пузырями по губам или ушам тех, кто стоял поблизости, но смысла этих действий я не понимал. Должно быть, эти джентльмены были так глубоко погружены в собственные размышления, что не могли ни говорить, ни слушать собеседников, пока внешнее

воздействие не выведет их из задумчивости. В этом и состояли обязанности хлопальщиков, или *клайменолей*, как их здесь называют. Клайменоли сопровождают своих хозяев повсюду, ибо без них джентльмен, погруженный в размышления, рискует свалиться в канаву или натолкнуться на столб.

Я сообщаю читателям все эти подробности, так как без них невозможно понять странности и ужимки, с которыми меня сопроводили в королевский дворец. Во время подъема по галереям мои спутники то и дело забывали, куда и зачем направляются, и несколько раз оставляли меня одного, пока хлопальщики не выводили хозяев из забытья. Наконец мы достигли дворца и вступили в зал для аудиенций, где я увидел короля, восседающего на троне. Перед троном стоял стол, заваленный глобусами и различными астрономическими инструментами. Его величество не обратил на нас ни малейшего внимания, так как был погружен в решение важной математической задачи. Нам пришлось ожидать около часа, пока ему удалось найти решение. По обе стороны трона стояли два пажа с пузырями наготове. Заметив, что король освободился, один из них слегка ударил его по губам, а другой — по правому

уху. Монарх вздрогнул и обратил свой взор на меня. Он произнес несколько слов, и молодой человек, вооруженный пузырем, тотчас направился ко мне и хлопнул по правому уху. Я знаками дал понять, что не нуждаюсь в его услугах, и это, как я узнал позже, заставило короля и двор усомниться в моих умственных способностях.

Догадываясь, что король задает мне вопросы, я отвечал на всех известных языках, однако нам так и не удалось понять друг друга. После этого меня отвели в один из дворцовых покоев и приставили ко мне двух слуг. Подали обед, и четыре знатные особы из свиты короля разделили его со мной. Обед состоял из двух перемен. Для начала мне подали баранью лопатку, вырезанную в форме равностороннего треугольника, кусок говядины в виде ромбоида и пудинг в форме циклоиды. Затем принесли двух уток, которым придали форму скрипок, сосиски и колбасу в виде флейты и гобоя и телячью грудинку, отбитую наподобие арфы. Слуги резали хлеб на куски, имевшие форму конусов, цилиндров, параллелограммов и прочих геометрических фигур.

Во время обеда я осмелился спросить названия различных предметов на местном языке. Благородные джентльмены не без помощи

хлопальщиков отвечали, и вскоре я уже мог попросить хлеба, воды и соли.

После обеда мои сотрапезники удалились, а вместо них появилось новое лицо в сопровождении хлопальщика. Этот джентльмен принес с собой перо, чернила, бумагу и несколько книг. Он пояснил мне знаками, что прислан обучать меня местному языку. Мы занимались четыре часа, и за это время я записал немало слов с переводом и выучил несколько коротких фраз. Как только он ушел, я расположил все слова с переводами в алфавитном порядке и благодаря своей хорошей памяти через несколько дней начал кое-что понимать на языке жителей Лапуты — это название я перевожу словами «летучий остров».

На следующий день в моем покое появился придворный портной, чтобы снять с меня мерку — моя одежда совсем изорвалась. При этом мастер употреблял совершенно иные приемы, чем его собратья в Европе. Определив при помощи квадранта мой рост, он, пользуясь только линейкой и циркулем, нанес на бумагу размеры и контуры моего тела. Спустя шесть дней мне доставили готовое платье — оно было скверно сшито и совершенно не подходило мне, что объяснялось ошибкой, вкравшейся в вычисления.

Оставалось утешаться тем, что подобные вещи случаются и с нашими портными.

Пока у меня не было костюма, я провел несколько дней в покоях, совершенствуясь в лапутском языке, и вскоре уже мог связно отвечать королю на многие вопросы. Его величество тем временем велел направить свой летучий остров на северо-восток, к Лагадо — столице королевства, расположенной на земле. Наше путешествие продолжалось четыре с половиной дня, причем движение острова совершенно не ощущалось.

Во время полета к Лагадо его величество время от времени останавливал остров над некоторыми городами и деревнями для приема прошений от подданных. С этой целью спускали тонкие веревочки с грузиком на конце. Народ нанизывал на них прошения, и они поднимались прямо во дворец. Иногда таким же образом мы получали снизу вино и съестные припасы.

Не имей я основательных познаний в математике, мне бы никогда не удалось понять лапутян. Дело в том, что все их мысли непрестанно вращаются вокруг линий и фигур. Чтобы описать красоту женщины, они непременно воспользуются ромбами, окружностями, параллелограммами, эллипсами и другими геометрическими или

музыкальными понятиями. Даже в королевской кухне развешаны по стенам всевозможные астрономические, математические и музыкальные инструменты, по образцу которых нарезают жаркое для стола его величества.

Дома лапутян построены скверно: стены кривые, в комнатах нет ни одного прямого угла. Это объясняется их презрением к прикладной геометрии, которую они считают уделом ремесленников. Планы и проекты здешних архитекторов так сложны, что недоступны пониманию простых каменщиков и плотников и служат причиной бесчисленных ошибок и недоразумений. Лапутяне искусно владеют линейкой, карандашом и циркулем, но в других отношениях нет более беспомощных и неуклюжих людей. Они плохо рассуждают, то и дело впадая в противоречия; воображение, фантазия и изобретательность совершенно им не свойственны; все их мысли вертятся только вокруг музыки и математики.

Но особенно меня удивило их пристрастие к политике. Лапутяне без конца обсуждают государственные дела, следят за новостями и ожесточенно спорят из-за партийных разногласий, хотя между политикой и математикой нет ничего общего. Они пребывают в вечной тревоге и ни

минуты не наслаждаются душевным покоем. Их страхи порождены боязнью, чтобы в небесных сферах не произошло каких-либо изменений к худшему. Так, они опасаются, что Земля будет со временем поглощена и уничтожена Солнцем, а само светило, постоянно расходующее свои лучи, в конце концов иссякнет и исчезнет. И это не говоря уже о кометах, которые, согласно их вычислениям, вскоре должны с большой вероятностью обратить Землю в пепел.

Вследствие таких страхов лапутяне не могут ни спокойно спать, ни радоваться обычной человеческой жизни. Знакомые, встретившись поутру, первым делом спрашивают друг у друга: как поживает Солнце, как оно выглядело на восходе и закате и есть ли надежда избежать ожидаемого столкновения с кометой?

Женщины Лапуты отличаются живым темпераментом; они презирают своих мужей и питают склонность к иностранцам, которых всегда немало на острове. В свою очередь, мужчины-островитяне относятся к чужеземцам с пренебрежением, считая, что те лишены способности к созерцанию. Но именно среди иностранцев местные дамы выбирают себе поклонников.

Жены и дочери лапутян жалуются на скуку

на острове. Живут они в довольстве и достатке, делают все, что им нравится, но все равно стремятся повидать свет и насладиться столичными развлечениями. Вот и еще одно подтверждение того, что женские капризы не зависят ни от климата, ни от национальности и порой бывают так необычны, что трудно вообразить.

Спустя месяц я сделал такие успехи в языке лапутян, что был удостоен аудиенции у короля. К моему удивлению, его величество не проявил ни малейшего интереса к законам, образу правления, истории, религии, нравам и обычаям моей страны. Его занимало только состояние математической науки в Англии, причем мои ответы он выслушал с величайшим пренебрежением и равнодушием.

Глава 3

Я попросил у его величества позволения осмотреть достопримечательности острова, на что он дал любезное согласие и приказал моему учителю повсюду меня сопровождать. Прежде всего мне хотелось выяснить, благодаря чему летучий остров может не только парить в воздухе, но и перемещаться на огромные расстояния. И вот что я узнал.

Лапута имеет форму правильного круга диаметром около четырех с половиной миль. Площадь острова достигает десяти тысяч акров, а его толщина — трехсот ярдов. Вся его нижняя поверхность представляет собой цельную гладко отшлифованную алмазную плиту, поверх которой располагаются слои различных минералов, покрытые плодородной почвой. Роса и дожди, выпадающие на остров, не стекают с него, а устремляются к центру благодаря естественному наклону внешней поверхности. Там все ручьи и речушки впадают в четыре больших бассейна, каждый из которых имеет в окружности до полумили.

В центре острова находится шахта около пяти-

десяти ярдов в диаметре, на дне которой имеется особое углубление в виде опрокинутой чаши, называемое Астрономической пещерой. Расположена она в толще алмаза, там всегда горят двадцать ламп, освещая каждый уголок, а все свободное место заставлено приборами. Но главной достопримечательностью Лапуты является огромный магнит шесть ярдов в длину и не менее трех ярдов в толщину, имеющий форму ткацкого челнока. Магнит укреплен на алмазной оси, которая проходит через его середину, и так легко вращается на ней, что малейшее прикосновение может изменить его положение. Вся эта конструкция находится внутри полого алмазного цилиндра, укрепленного на восьми алмазных опорах высотой в шесть ярдов каждая. Вместе с опорами цилиндр составляет единое целое с основанием острова.

С помощью магнита остров может подниматься, опускаться и перемещаться с места на место. Весь секрет в том, что по отношению к той части суши, которая подвластна правителю Лапуты, один из полюсов магнита обладает притягивающей, а другой — отталкивающей силой. Когда магнит устанавливают вертикально притягивающим полюсом вниз, остров опускается, если

же внизу оказывается отталкивающий полюс — устремляется вверх. При наклонном положении магнита остров движется под тем же углом, ибо его силы действуют параллельно главной оси.

Остров Лапута не может двигаться за пределами границ своего государства и не способен подниматься на высоту более четырех миль. Силы магнита действуют только на таком расстоянии и только в присутствии особых минералов, которые встречаются исключительно на территории владений его величества, включая прибрежные воды на двадцать пять миль окрест.

Если установить магнит в положение, параллельное плоскости горизонта, то остров останется неподвижным — как бы повиснет в воздухе.

Все описанные удивительные устройства находятся в ведении придворных астрономов, которые управляют ими согласно указаниям монарха. Кроме того, они ведут наблюдение за небесными телами с помощью телескопов, которые значительно превосходят наши, хотя и не длиннее трех футов. Лапутяне далеко опередили Европу в своих исследованиях — их каталоги насчитывают десять тысяч неподвижных звезд, они открыли два спутника, обращающихся вокруг Марса, и ведут постоянные наблюдения за

девяносто тремя различными кометами.

Властелин Лапуты располагает самыми действенными средствами для приведения своих подданных на континенте к повиновению. Если какой-нибудь город поднимет мятеж против центральной власти или откажется платить установленные налоги, король использует первое, самое мягкое средство. Оно заключается в том, что остров останавливают над городом и окружающими его землями, лишая жителей лучей солнца и дождевой влаги. Спустя некоторое время там начинаются голод и болезни. Если же преступление ослушников особенно велико, на них сбрасывают сверху огромные камни, разрушающие дома до основания. Когда мятежники упорствуют и дело доходит до всеобщего восстания, остров опускается прямо на их головы, сея гибель и опустошение.

Существует, впрочем, веская причина, по которой короли Лапутии используют это ужасное наказание лишь в случае крайней необходимости. Если город, обреченный на разрушение, находится среди высоких скал или в нем много колоколен и триумфальных колонн, стремительное снижение острова может оказаться опасным для его нижней поверхности, которая,

как я уже говорил, состоит из алмаза толщиной в двести ярдов. Алмаз, как известно, при резком толчке может треснуть и расколоться. Поэтому сам монарх, несмотря на крайнее ожесточение и твердую решимость стереть мятежный город в пыль, часто приказывает опускать остров как можно осторожнее.

Основной закон государства запрещает правителю и двум его старшим сыновьям покидать остров. Этот запрет относится и к королеве, пока она не достигнет возраста, когда больше не сможет производить на свет наследников.

Глава 4

Не могу пожаловаться на прием, оказанный мне на летучем острове, однако я не пользовался там всеобщим вниманием, а порой сталкивался даже с презрением лапутян. И это понятно: ведь ни сам король, ни двор, ни рядовые островитяне не интересовались ничем, кроме математики и музыки, а в этом отношении я стоял куда ниже их.

Впрочем, осмотрев все достопримечательности, я и сам был не прочь покинуть Лапуту, так как мне смертельно надоели ее обитатели. И хотя я питаю глубокое уважение к музыке и математике, тем не менее лапутяне настолько рассеянны и погружены в свои рассуждения и вычисления, что нигде не найти более нудных собеседников. В течение моего пребывания на острове мне приходилось вступать в живые беседы только с женщинами, купцами, хлопальщиками и пажами, вследствие чего знать стала относиться ко мне с еще бóльшим пренебрежением. А между тем это были единственные люди, от которых можно было добиться вразумительных ответов на самые простые вопросы.

Среди придворных также был один знатный вельможа, близкий родственник короля. Только по этой причине к нему относились с почтением, в остальном считая его человеком недалеким и малообразованным. На деле же он оказал немало услуг государству, обладал недюжинными природными способностями, опытом, а также отличался прямотой и честностью. К несчастью, у него был скверный слух и самые умудренные наставники едва сумели вдолбить ему несколько простейших теорем и доказательств. Этот вельможа оказывал мне дружеское расположение и часто навещал, интересуясь жизнью, законами, нравами и обычаями других стран и народов. Он слушал меня с большим вниманием и порой делал весьма глубокомысленные замечания. При нем состояли два хлопальщика, но он никогда не пользовался их услугами — едва мы оставались наедине, как вельможа сразу же их выпроваживал.

Вот к этой-то особе я и обратился с просьбой ходатайствовать за меня перед королем, чтобы тот разрешил мне покинуть остров. Вельможа исполнил мою просьбу. Шестнадцатого февраля я распрощался с его величеством и придворными, получив от моего покровителя подарки и реко-

мендательное письмо к одному из его друзей в Лагадо. Поскольку в это время остров парил над горой на расстоянии около двух миль от столицы, меня спустили с нижней галереи тем же способом, каким когда-то подняли.

Часть континента, находящаяся под властью монарха летучего острова, носит название Бальнибарби. Одетый в местный костюм и владея языком страны, я без затруднений достиг столицы и вскоре отыскал господина, к которому у меня имелось рекомендательное письмо от вельможи с Лапуты. Вручив его, я был очень любезно принят. Этот сановник по имени Мьюноди тотчас велел приготовить для меня комнату, и во время моего пребывания в столице я пользовался его гостеприимством.

На следующий день после моего прибытия мы с Мьюноди отправились осматривать город, который равен чуть ли не половине Лондона. Однако здания там выглядят очень странно, и многие из них наполовину разрушены. Прохожие на улицах беспорядочно суетились, глаза у них блуждали, а сами они были одеты большей частью в лохмотья. Мы миновали городские ворота и проехали еще около трех миль. Там я увидел множество крестьян, трудившихся на земле, но

никак не мог понять, что, собственно, они делают, так как нигде не было ни малейших признаков травы, злаков или овощей. Сгорая от любопытства, я попросил моего спутника объяснить, что означают эти бессмысленно двигающиеся руки, эти блуждающие глаза, это полное отсутствие каких-либо результатов труда. Никогда еще мне не приходилось видеть столь скверно обработанной земли, таких дурно построенных домов и такого убогого народа, чья внешность и платье свидетельствуют о нищете и голоде.

Господин Мьюноди был чиновником самого высокого ранга. Несколько лет подряд он занимал должность губернатора Лагадо, но из-за интриг королевских министров был признан неспособным к делам и отстранен. Однако король относился к нему благосклонно, считая человеком добрым, хоть и недалеким.

Вместо ответа бывший губернатор ограничился замечанием, что я провел в Лагадо еще слишком мало времени, чтобы составить верное представление о стране и ее жителях. Но как только мы вернулись в его дворец, он спросил, какой я нахожу эту постройку, есть ли в ней недостатки и не появились ли у меня замечания по поводу внешности и одежды его слуг. Что я мог ответить, если

все вокруг блистало роскошью и великолепием, чистотой и порядком? Тогда Мьюноди сказал, что если я пожелаю отправиться с ним в его деревенское имение, расположенное в двадцати милях от города, там у нас будет больше досуга, чтобы вести беседы.

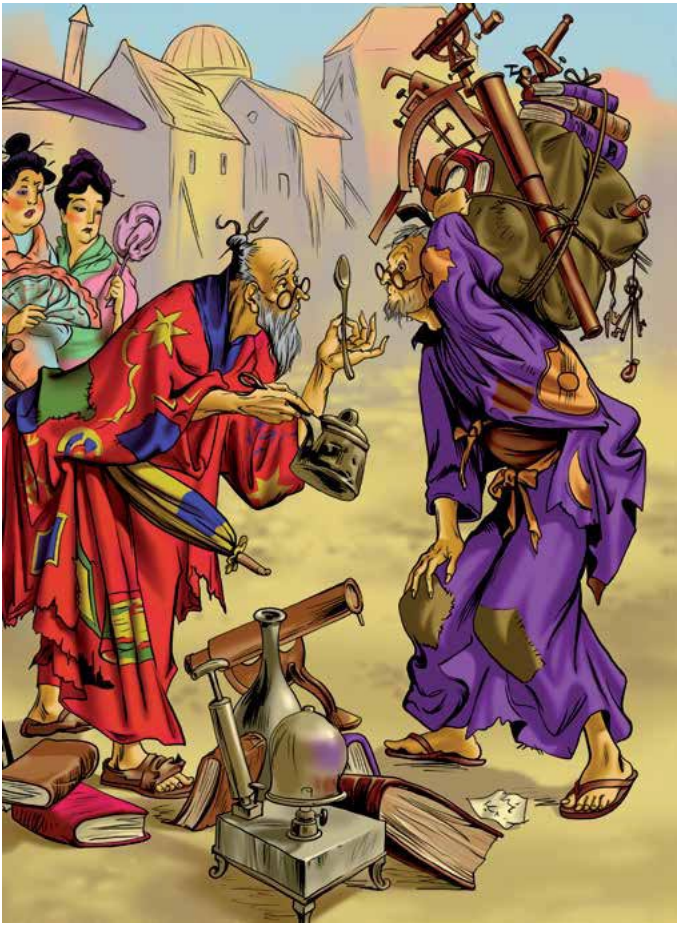
На следующий день утром мы отправились в путь. По дороге Мьюноди обратил мое внимание на различные методы, применяемые фермерами при обработке земли; они показались мне странными. За редким исключением, в полях не было ни единого хлебного колоса, ни былинки. Но после трехчасового пути картина изменилась. Перед нами открылась прекрасная местность: чистые и нарядные фермерские дома стояли на небольшом расстоянии друг от друга, вокруг виднелись огороженные поля, виноградники, сады и луга. Я давно не видел столь приятного зрелища. Мьюноди заметил мой восторг и, вздохнув, сообщил, что здесь начинаются его владения. Именно из-за этого его соотечественники насмехаются над ним и презирают за то, что он плохо ведет свое хозяйство и подает дурной пример.

Наконец мы подъехали к дому. Это было великолепное здание. Фонтаны, сады, аллеи, рощи — все было расположено со знанием дела и

безупречным вкусом. Я хотел было похвалить увиденное, но Мьюноди не обратил на мои слова никакого внимания. Лишь по окончании ужина, когда мы остались вдвоем, он с меланхолическим видом заметил, что порой подумывает разрушить до основания свои дома и хозяйственные постройки и начать все сызнова в полном согласии с современными требованиями. Иначе он рискует навлечь на себя обвинения в оригинальничанье, кривлянье, невежестве, самодурстве и, чего доброго, вызвать гнев его величества. Затем он добавил, что мое восхищение пойдет на убыль, как только я узнаю о вещах, о которых вряд ли слышал на летучем острове.

И вот что я узнал. Около сорока лет назад некоторые жители столицы отправились на Лапуту — одни по делам, другие ради удовольствия. После пятимесячного пребывания на острове они возвратились с самыми поверхностными математическими познаниями и с летучими мыслями, приобретенными в воздушных сферах. На земле эти люди почувствовали отвращение ко всем прежним начинаниям и взялись за преобразование науки, искусства, законов, техники и даже языка на новый лад. С этой целью они получили от короля привилегию на создание

Академии прожектеров в Лагадо. Теперь во всем королевстве не найти ни одного города, где бы не было подобной академии. Тамошние профессора и академики изобретают новые методы земледелия и архитектуры, новые инструменты и орудия для всяких ремесел, с помощью которых, как они считают, один человек в состоянии выполнять работу десятерых, а за неделю можно возвести дворец, который простоит вечно, не требуя ремонта. Все злаки и плоды будут созревать круглый год, а по размерам они стократно превзойдут те, которые существуют теперь. Жаль только, что ни один из этих проектов до сих пор не удалось осуществить, а страна тем временем приходит в полное запустение. Однако это не останавливает прожектеров. Что касается самого Мьюноди, то он продолжает жить так, как жили его предки, избегая всяких нововведений. Но его взгляды разделяют лишь немногие потомки старинных родов, к которым теперь относятся с презрением и ненавистью, как к врагам науки и невеждам.



В заключение его превосходительство заметил, что не станет посвящать меня во все подробности, так как не желает лишить меня удовольствия от посещения Академии прожектеров, которую он покажет мне в ближайшее время.

Глава 5

Несколько дней спустя мы возвратились в город.

Мьюноди познакомил меня с одним из своих друзей, которому предназначалась роль сопровождающего во время моего визита в Академию прожектеров. Сам Мьюноди воздержался от этой поездки, помня о своей дурной славе среди академиков.

Заведение это занимало несколько заброшенных зданий, расположенных на окраине города. Я был благосклонно принят президентом академии и посещал ее ежедневно в течение недели. Всего здесь насчитывалось до пятисот кабинетов и лабораторий, и в каждом помещении работали по нескольку изобретателей и авторов необычных проектов.

Первый же ученый, которого я посетил, был тощ, его лицо и руки были покрыты копотью, волосы всклокочены и местами обожжены. Уже восемь лет он трудился над проектом перегонки огурцов с целью извлечения из них солнечных лучей. Добытые таким образом лучи предполагалось помещать в герметически закупоренные

склянки, чтобы затем использовать, если лето окажется слишком холодным и дождливым. Ученый пожаловался, что средств на исследования не хватает, а в этом году огурцы невероятно дороги, и попросил пожертвовать хоть что-нибудь ради поощрения прожектерского духа. Я вручил ему несколько монет из тех, которыми мой хозяин, хорошо знавший привычки ученых господ, снабдил меня заранее.

Войдя в следующее помещение, я едва не выскочил вон — такое ужасное зловоние там стояло. Однако мой проводник удержал меня и все-таки заставил войти, шепча, что таким поведением я могу оскорбить выдающегося ученого. Находившийся в этой келье прожектер был старейшим членом академии. Лицо и борода у него были бледно-желтого цвета, а рукава и полы камзола насквозь пропитаны нечистотами. С самого основания Академии прожектеров этот ученый муж занимался проблемой превращения человеческих экскрементов в те питательные вещества, из которых они образовались. Для этого использовались различные средства: очищение щелочью, кипячение, выпаривание и даже перегонка.

Затем я посетил еще одного ученого, который занимался превращением льда в артиллерий-

ский порох с помощью огня, и остроумного архитектора, придумавшего новый способ постройки зданий, начиная с крыши и заканчивая фундаментом. Описывая свой метод, он ссылался на то, что таким же образом действуют мудрейшие из насекомых — пчелы и пауки.

Довелось мне там повидать и одного слепого от рождения профессора, при котором состояло несколько таких же слепых ассистентов. Их специальностью было смешивание красок для живописцев. Краски следовало распознавать исключительно с помощью обоняния и осязания. Правда, получалось у них не слишком удачно, так как сам профессор то и дело ошибался в определении цветов.

В следующем помещении мне доставил огромное удовольствие один прожектер, который открыл новый способ пахать землю без расходов на плуги, тягловых лошадей и работников. Этот способ состоит в следующем: на поле через каждые шесть дюймов на глубине восьми дюймов закапывают некоторое количество желудей, фиников, каштанов и прочих плодов или овощей; затем туда загоняют шестьсот или больше свиней, и эти животные, отыскивая пищу, всего за несколько дней перепахивают рылом всю землю,

заодно удобряя почву своим навозом.

Перейдя в другую лабораторию, я обнаружил, что стены и потолок в ней покрыты паутиной, за исключением узкого прохода, оставленного для изобретателя. Едва я переступил порог, как изобретатель неистово закричал, предупреждая, чтобы я был осторожнее и не спутал и не порвал паучьи нити, после чего принялся жаловаться на тупость и косность человечества, которое до сих пор пользуется трудом шелковичных червей. Пауки, заявил он, не только отменные прядильщики, но и ткачи, а если их правильно использовать, можно избавиться даже от расходов на окраску тканей. Ученый показал мне множество окрашенных мух, которыми он кормил своих пауков в надежде, что такой же цвет примет сотканная ими ткань. Оставалось только найти рецепт подходящей пищи для самих мух, которая придавала бы паутине бóльшую упругость и прочность.

Я посетил еще множество кабинетов и лабораторий, но, стремясь быть кратким, не стану утомлять читателя описанием диковинных изобретений и прожектов, с которыми мне довелось познакомиться. Одни ученые сгущали воздух, извлекая из него селитру, другие размягчали

мрамор, чтобы использовать его для набивки подушек, третьи пытались перевести в окаменелое состояние копыта лошадей, чтобы те не изнашивались, четвертые искали способ засевания полей мякиной, а пятые занимались выведением породы голых овец.

До сих пор мы побывали лишь в одном из отделений академии, а теперь нам предстояло увидеть ту ее часть, которая была отдана в полное распоряжение представителям теоретической науки.

Мы пересекли улицу, вошли в другое здание и вступили в просторный зал, где трудился знаменитый мудрец в окружении четырех десятков учеников и помощников. Мы обменялись приветствиями, и ученый, заметив, что я рассматриваю механизм, занимавший бóльшую часть зала, пояснил, что он разработал способ развивать теоретические знания с помощью простейших механических операций. Благодаря его изобретению даже самый невежественный человек при незначительных усилиях теперь сможет написать труд по философии, математике, праву, политике или теологии, не нуждаясь ни в образовании, ни в каком-либо таланте.

Мы приблизились к механизму, вокруг которо-

го собрались ученики изобретателя. Механизм имел вид рамы, на которой были закреплены деревянные дощечки — одни побольше, другие поменьше. Все они соединялись между собой гибкой проволокой. Сверху на них были написаны слова на местном языке во всех падежах, временах и наклонениях, но в самом произвольном порядке. По команде профессора каждый ученик взялся за железную рукоять — всего их было около сорока, — и сделал полный оборот. При этом порядок слов на дощечках полностью изменился. Тогда ученый приказал тридцати шести помощникам медленно читать образовавшиеся строки, и если какие-нибудь три или четыре слова случайно составляли связную фразу, ее тут же диктовали четырем ученикам, исполнявшим роль писцов. Так повторилось три или четыре раза, причем после каждого оборота рукоятей дощечки перемещались с места на место и переворачивались.

Затем ученый показал мне груду томов со всевозможными обрывочными фразами. Теперь он намеревался связать их между собой и составить на основании этого материала полный свод всех наук и искусств.

Я поблагодарил достойного мужа и попросил

позволения срисовать устройство его машины, заверив, что в Европе она вызовет огромный интерес в ученом мире.

Затем мы отправились в школу языкознания, где заседали три профессора, обсуждавшие вопрос о том, как усовершенствовать родной язык. Первый проект предлагал сократить и упростить разговорную речь, отбросив все многосложные слова, а также глаголы и причастия, потому что вещи, доступные человеческому суждению, суть только имена. Второй проект требовал полного уничтожения всех слов вообще, что несомненно сэкономит массу времени и принесет пользу здоровью. А поскольку слова есть не что иное, как названия вещей, следует просто носить с собой те вещи, которые необходимы для выражения мыслей, чувств и желаний. Многие ученые и философы в Лагадо и на Лапуте уже сегодня пользуются этим новым способом. Единственное неудобство: если беседа затрагивает широкий круг вопросов, собеседникам приходится таскать на плечах огромные узлы и тюки с вещами, а иногда нанимать для этого двух-трех дюжих парней.

Я посетил также математическую школу, где эта наука преподается с помощью таких средств, которые даже представить невозможно у нас в

Европе. Всякую теорему и ее доказательство разборчиво переписывают на тонкой пшеничной лепешке, причем вместо чернил употребляется микстура от головной боли. Ученик съедает лепешку, и в течение следующих трех дней не принимает ни пищи, ни воды. По мере того как лепешка переваривается, микстура поднимается в голову ученика, принося с собой и теорему. Однако этому методу еще далеко до совершенства — возможно, все дело в определении дозы или составе микстуры. Влияет на результат и озорство мальчишек, которым научные лепешки до того противны, что они, отойдя в сторону, тут же стараются их выплюнуть.

Глава 6

В школе политических прожектеров я не обнаружил ничего особенно занятного. Тамошние ученые показались мне людьми совершенно невменяемыми, а такое зрелище на кого угодно может навести тоску. Эти несчастные предлагали различные способы, чтобы убедить правителей выбирать себе приближенных из числа людей умных, способных и добродетельных. Они надеялись приучить министров стремиться к общему благу, награждать самых достойных, талантливых и заслуженных. Кое-кто из ученых пытался убедить монархов в том, что государственные должности должны предоставляться людям, обладающим необходимыми качествами для того, чтобы их занимать. То есть речь шла о том, что никогда не придет в голову людям здравомыслящим.

Ради справедливости следует заметить, что не все члены этого отделения академии были наивными мечтателями. Так, мне довелось познакомиться с одним очень способным доктором, который в совершенстве изучил природу государственного управления. Все свои силы эта

знаменитость направляла на поиски действенных лекарств от болезней различных ветвей власти. Многие писатели и философы в один голос утверждают, что между физическим телом человека и политическим телом государства существует удивительное сходство. Следовательно, для поддержания здоровья и лечения болезней обоих тел могут применяться одни и те же лекарства. Сенаты и верхние палаты парламентов часто страдают многословием и вспыльчивостью, различными болезнями головы и сердца, сильными конвульсиями, разлитием желчи, вздутием живота, головокружением, бредом, волчьим аппетитом, несварением желудка и массой других заболеваний, которые здесь неуместно перечислять. Вот почему знаменитый доктор предлагал, чтобы после созыва сената или палаты на первых трех заседаниях присутствовали самые известные в стране медики. По окончании прений они должны сосчитать пульс у каждого сенатора, а затем, после консилиума и постановки диагноза, приступить к лечению необходимыми медикаментами. Прежде чем сенаторы начнут очередное заседание, они получат лекарство, а на следующем заседании врачи должны либо продолжить лечение, либо отме-

нить его вовсе.

Осуществление этого проекта не требует больших средств и может принести немало пользы.

Часто также можно услышать жалобы на то, что придворные фавориты обладают короткой и слабой памятью. Поэтому тот же доктор предлагает, чтобы каждый человек, побывавший на приеме у первого министра, не только ясно и точно изложил суть дела, с которым явился, но также имел бы право на прощание дернуть вельможу за нос, дать ему пинка в живот или наступить на мозоль — чтобы таким образом заставить помнить о своих обязанностях. Эту операцию следует повторять до тех пор, пока просьба не будет исполнена или не последует окончательный отказ.

Если вражда и раздоры между партиями становятся особенно ожесточенными, доктор рекомендует отличное средство для примирения оппонентов. Оно заключается в следующем: вы берете первую сотню лидеров каждой партии и разбиваете их на пары так, чтобы в каждую пару входили люди с головами примерно одинакового размера. Затем два искусных хирурга одновременно отпиливают политикам затылки и разделяют их мозги на две равные части.

Части меняют местами. Эта сложная операция требует большой аккуратности и осторожности, но ученый заверил нас, что, если все сделано по правилам, выздоровление обеспечено. Дело в том, что две различные половинки головного мозга, вынужденные сосуществовать в тесном пространстве одного и того же черепа, рано или поздно придут к согласию и примирению и создадут равновесие в мыслях, которое необходимо для людей, воображающих, что они способны править миром.

Я присутствовал при пылком споре двух ученых о самых удобных и действенных путях взимания податей, которые не отягощали бы народ и не вели бы к его обнищанию. Один утверждал, что было бы справедливо обложить налогами и сборами все человеческие пороки и безрассудства; при этом сумму обложения в каждом отдельном случае должна устанавливать особая комиссия, составленная из соседей. Другой придерживался противоположного мнения: налогами следует облагать те свойства души и тела, за которые люди ценят себя выше всего.

Женщин, по его проекту, следует облагать налогами на красоту и умение одеваться, но с женского постоянства, целомудрия, здравого

смысла и доброго нрава не имеет смысла брать подати, так как доходы от этих статей не покроют даже расходов на содержание сборщиков.

Еще один профессор показал мне большую рукопись, содержавшую инструкции по раскрытию политических заговоров. В ней я обнаружил немало любопытных и полезных для государственных людей советов, хотя они показались мне недостаточно полными. Я отважился указать на это профессору и предложил внести некоторые дополнения.

В королевстве Трибниа, где мне довелось побывать во время одного из своих путешествий, раскрытие заговоров, как правило, является делом рук людей, желающих создать себе репутацию тонких политиков, погасить общественное недовольство, а заодно наполнить свои сундуки конфискованным у заговорщиков имуществом. Прежде всего эти люди собираются и решают в узком кругу, кого наиболее выгодно обвинить в государственной измене, затем против такого лица начинаются преследования. У него проводится обыск, сам он отправляется в тюрьму, а все написанное его рукой передается в руки особых специалистов, умеющих раскрывать тайное значение каждого слова, слога и даже буквы в

личной переписке.

Если же ничего подходящего для обвинения не находится, используется метод перестановки букв в подозрительных письмах, с помощью которого можно узнать самые сокровенные замыслы и намерения заговорщиков. Так, если я в письме к другу пишу по-английски: «Мой брат Том страдает геморроем», искусный знаток шифровальной грамоты увидит в этих словах нечто иное. Из тех же самых букв можно составить фразы о том, что сопротивляться бесполезно, заговор раскрыт и надо бежать. Это и есть самый действенный метод.

Профессор горячо поблагодарил меня за эти бесценные факты и обещал не только поместить их в свой трактат, но и упомянуть мое имя.

Больше ничто не удерживало меня в этой стране, и я начал подумывать о том, чтобы вернуться в Англию.

Глава 7

Владения летучего острова Лапута занимают часть континента, который простирается на восток до неисследованных областей Америки. Лагадо находится примерно в ста пятьдесяти милях от побережья Тихого океана, где расположен главный порт страны, ведущий торговлю с большим островом Лаггнегг. Сам же Лаггнегг находится примерно в пятистах милях от Японии. Японский император и король Лаггнегга поддерживают дружественные отношения, и между этими островами постоянно курсируют торговые суда. Вот почему я избрал этот остров первой целью на пути в Европу.

Тепло простившись с моим гостеприимным хозяином, я нанял проводника и двух мулов для перевозки багажа и вскоре без всяких происшествий оказался в главном порту королевства — он назывался Мальдонада.

Однако в то время в гавани не оказалось ни одного корабля, отправлявшегося в Лаггнегг, да и в ближайшее время таких судов не предвиделось. В Мальдонаде я быстро обзавелся знакомствами и повсюду был принят с большим радушием. Один

местный джентльмен как-то предложил мне развлечься небольшой экскурсией на островок Глаббдобдриб, лежащий в двадцати трех милях к юго-западу от побережья. Он как раз собирался туда вместе с приятелем на баркасе, и я мог бы составить им компанию.

Слово «*Глаббдобдриб*», насколько я понял его смысл, означает «остров чародеев и магов». Территория его невелика, а проживает там небольшой народец, сплошь состоящий из волшебников всех мастей. Правит островом старейший из живущих на острове магов. У него имеется великолепный дворец с огромным парком в три тысячи акров, окруженный каменной стеной в двадцать футов вышиной.

Слуги правителя Глаббдобдриба выглядят несколько необычно. С помощью своего волшебства он умеет на время возвращать к жизни умерших и заставляет их служить себе, однако чары эти длятся не дольше двадцати четырех часов.

Когда мы прибыли на остров, было около одиннадцати часов утра; один из моих спутников отправился к правителю, чтобы просить об аудиенции для иностранца, который явился с материка. Правитель немедленно дал согласие, и

мы втроем ступили под своды дворцовых ворот, миновав стражу, облаченную в древние доспехи. В лицах у стражников было нечто такое, что я почувствовал самый настоящий ужас. Мы миновали несколько покоев, где нас встречали такие же слуги, и наконец достигли зала для аудиенций. Правитель задал несколько общих вопросов, после чего нам разрешено было присесть на табуреты, стоявшие у нижней ступени трона его высочества.

Правитель неплохо понимал язык Бальнибарби, хотя тот и отличается от местного наречия. Он попросил меня рассказать о моих путешествиях и, желая показать, что намерен беседовать без лишних церемоний, дал свите знак удалиться. К моему величайшему изумлению, все придворные и челядь не покинули зал, а мгновенно исчезли, как исчезает сновидение при вашем внезапном пробуждении. Некоторое время я не мог прийти в себя, но правитель Глаббдобдриба заверил меня, что я в безопасности. Оба моих спутника сохраняли невозмутимое спокойствие. Я собрался с духом, взял себя в руки и коротко описал его высочеству мои приключения.

Затем нам была оказана честь отобедать вместе с правителем, и новый отряд оживших мертвецов

подавал блюда, наливал вино и прислуживал нам за столом. Однако теперь это меня уже не пугало так, как утром. Как только зашло солнце, правитель предложил нам остаться во дворце на ночь, но мы вежливо отклонили это предложение. Вместе с друзьями я переночевал в гостинице, а на другой день снова отправился во дворец.

Мы пробыли на острове десять дней, и вскоре я до такой степени свыкся с обществом теней и духов, что они уже не производили на меня ни малейшего впечатления. Во всяком случае, их присутствие больше не заставляло меня дрожать от страха, а любопытство мое становилось все более острым. Заметив это, его высочество предложил мне назвать имена всех умерших исторических лиц, которые меня интересуют, и пообещал предоставить возможность задать им любые вопросы. Затем он добавил, что я могу быть уверен в том, что услышу чистую правду, ведь ложь совершенно бесполезна на том свете.

Я выразил глубокую признательность за такую возможность. В это время мы находились в покоях, откуда открывался прекрасный вид на парк, и поскольку мне хотелось увидеть сперва кого-нибудь грозного и величественного, я попросил для начала показать мне полководца

Александра Великого во главе его армии в тот миг, когда завершилось сражение под Арбелой. И вот, по мановению руки правителя, величайший полководец всех времен появился на широком поле прямо под окнами покоев, в которых мы находились. Прославленного македонца пригласили войти, и я спросил, действительно ли причиной его смерти стал яд. Александр тут же поклялся, что не был отравлен, а умер от лихорадки, вызванной чрезмерным пьянством.

Я был несколько разочарован и попросил показать мне Ганнибала. Затем я видел Юлия Цезаря и Гнея Помпея во главе их войск, готовых начать сражение. Попросив показать мне в одной большой комнате римский сенат, а в другой — какой-нибудь современный парламент, я убедился, что первый кажется собранием героев и полубогов, а второй — сборищем мелких торговцев, карманных воришек, разбойников и дебоширов.

Не стану перечислять здесь всех знаменитостей, вызванных из небытия ради утоления моего ненасытного желания увидеть прошлое. Но признаюсь: наибольшее удовольствие мне доставило созерцание людей, истреблявших тиранов и возрождавших свободу и права угнетенных народов.

Глава 8

Целый день я посвятил мужам древности, прославившимся благодаря уму и познаниям. Меня посетила лукавая мысль — вызвать одновременно Гомера, Аристотеля и всех тех, кто толковал и комментировал их труды. Однако комментаторов оказалось так много, что нескольким сотням из них пришлось дожидаться своей очереди во дворе и в пустующих покоях дворца.

Затем я попросил правителя острова вызвать тени Декарта[4] и Гассенди[5] и предложил им изложить Аристотелю свои философские системы. И надо отдать справедливость ученому греку — он честно признал ошибки в своем учении о природе, сославшись на то, что часто был вынужден строить рассуждения не на опыте и исследовании, а на догадках. Вместе с тем он высказал предположение, что и Гассенди, и Декарт будут отвергнуты потомками, которые пойдут в

---

[4] Сноски: 4

Рене Декарт (1596–1650) — французский философ, математик, физик и физиолог.

[5] Сноски: 5

Пьер Гассенди (1592–1655) — французский философ-материалист, математик и астроном.

исследовании природы гораздо дальше и глубже. Впрочем, заметил Аристотель, новые учения в этой области меняются очень быстро, и даже те, кто пытается обосновать свои теории с помощью математики, выходят из моды.

В продолжении пяти дней я вел беседы со многими другими учеными Древнего мира. Я повидал нескольких римских владык и даже упросил правителя вызвать тени знаменитых поваров императора Гелиогобала[6], чтобы заказать им для нас обед. Но из-за недостаточного разнообразия имевшейся у нас провизии они так и не сумели показать свое искусство во всем блеске. Зато один из рабов спартанца Агесилая[7] приготовил нам настоящую спартанскую похлебку, правда, я, отведав ложку этого мерзкого варева, так и не смог проглотить вторую.

Сопровождавшие меня жители Мальдонады вынуждены были на несколько дней вернуться домой; это время я использовал для свиданий с великими людьми, умершими в течение последних трех столетий в моем отечестве и других

---

[6] Сноски: 6

Гелиогобал (205–222) — римский император. Согласно легендам, славился обжорством.

[7] Сноски: 7

Агесилай (449–560 до н. э.) — царь и военачальник Спарты.

европейских странах. Я всегда с глубоким почтением относился к древним родам, овеянным славой, поэтому упросил его высочество вызвать для меня дюжину или две королей вместе с их предками. Но какое горькое разочарование меня ожидало! Вместо величественной галереи венценосных особ я увидел в одной из династий двух скрипачей, трех пройдох-царедворцев и одного итальянского прелата; в другой — брадобрея, аббата и пару кардиналов. Так как я питаю глубокое уважение к коронованным особам, не стану больше задерживаться на этой теме. Что касается графов, маркизов, герцогов и прочей знати, то с ними я не был так щепетилен. Совсем несложно оказалось выяснить, откуда у всех членов одного рода необычайно длинный подбородок, почему в другом в нескольких поколениях полным-полно мошенников, почему в третьем столько глупцов и сумасшедших, а в четвертом — негодяев. Жестокость, лживость и трусость стали такими же характерными признаками некоторых благородных семейств, как их фамильные гербы.

Но особенно сильное отвращение испытал я к новой истории. Узнав подноготную людей, которые в течение минувшего столетия были окружены громкой славой и вершили судьбы

целых народов, я понял, что продажные писаки и подкупленные историки держат мир в величайшем заблуждении. Они приписывают воинские подвиги трусам, мудрые советы — дуракам, искренность — льстецам, доблесть — предателям отечества, набожность — безбожникам, а правдивость — клеветникам. Мне открылось, сколько подлецов занимали высокие должности, пользовались доверием, почетом, властью и всяческими благами.

Скажу по чести: не лучшее у меня сложилось мнение о человеческой мудрости и дальновидности, когда я узнал о тайных пружинах власти, великих событий, войн и революций, а также о тех ничтожных случайностях, от которых зависел их успех!

Глава 9

Наконец наступил день нашего отъезда. Я простился с правителем Глаббдобдриба и вместе со своими спутниками вернулся в Мальдонаду, где спустя две недели наконец-то ступил на палубу корабля, отплывающего в Лаггнегг. Мои приятели великодушно снабдили меня провизией на дорогу и сопровождали в гавань.

Новое путешествие продолжалось в течение месяца. Наш корабль потрепала сильная буря, но двадцать первого апреля 1708 года мы вошли в устье реки Клюмегниг на юго-восточной оконечности Лаггнегга, бросили якорь в четырех милях от города и особым сигналом потребовали, чтобы нам прислали лоцмана. Через полчаса к борту корабля причалила шлюпка. Лоцман поднялся на мостик и провел нас между подводными камнями и скалами по узкому извилистому проходу, за которым открылась обширная бухта с якорной стоянкой всего в кабельтове[8] от городских стен.

Матросы нашего корабля рассказали лоцману,

---

[8] Сноски: 8

Кабельтов — единица длины, применяемая в мореходной практике. Равен 0,1 морской мили, или 185,2 м.

что на борту находится иностранец, знаменитый путешественник. Лоцман доложил об этом таможенному чиновнику, и тот подверг меня тщательному досмотру сразу же после того, как я сошел на берег. Он обращался ко мне на языке бальнибарби, который благодаря торговым связям хорошо известен в этом городе. Я вкратце поведал о себе, стараясь придать рассказу связность и правдоподобие, однако счел за благо скрыть свою национальность и назвался голландцем, поскольку собирался отправиться в Японию, а эту империю, как известно, из всех европейцев разрешается посещать только подданным Голландии. Я сообщил таможенному чиновнику, что пережил кораблекрушение у берегов Бальнибарби, был выброшен на скалистый островок, затем поднят на Лапуту (об этом летучем острове чиновнику приходилось слышать), а теперь пытаюсь добраться до Японии, где может подвернуться случай попасть на родину.

Чиновник тут же заявил, что обязан меня арестовать и держать взаперти до тех пор, пока не поступят распоряжения от королевского двора. Он отправит сообщение о моем прибытии немедленно и надеется, что ответ будет получен в течение двух недель. Мне отвели сносное поме-

щение, к которому был приставлен часовой. При этом я мог свободно прогуливаться по большому саду, обращались со мной вполне вежливо и весьма недурно кормили за счет казны.

Вскоре повсюду разнесся слух о прибытии иностранца из таких отдаленных краев, о которых никто ничего не слышал, и меня начало посещать множество любопытных горожан. Я пригласил в переводчики одного молодого человека, прибывшего вместе со мной на корабле; он был уроженцем Лаггнегга, но прожил несколько лет в Мальдонаде и в совершенстве владел обоими языками. С его помощью я мог беседовать с посетителями.

К назначенному сроку пришло письмо из дворца, в котором содержалось повеление доставить меня под конвоем в Трильдрогдриб — резиденцию короля. Вся моя свита состояла из юноши-переводчика, которого я уговорил поступить ко мне на службу. Нас посадили на мулов, а вперед был послан гонец с просьбой, чтобы его величество назначил день и час, когда я и мой спутник сможем удостоиться чести «лизать пыль у подножия его трона».

Таков был этикет при здешнем дворе, и вскоре я убедился, что это не просто вежливая фраза. В

самом деле, через два дня после нашего прибытия мне приказали не только ползать на брюхе, но и в самом деле лизать пол по пути к трону. Впрочем, из уважения к иностранному подданному пол был так чисто вымыт, что пыли на нем оставалось совсем немного. Это была особая милость, которую оказывают только высоким сановникам и послам других держав. Иногда пол специально посыпают пылью, в особенности если лицо, удостоившееся чести лицезреть короля, имеет врагов при дворе. Как-то раз я видел важного вельможу, у которого рот был до того набит пылью, что он не сумел вымолвить ни единого слова. Ничего не поделаешь, ведь отплевываться в присутствии его величества здесь считается государственным преступлением.

При этом дворе существует еще один обычай, который я никак не могу одобрить. Когда его величество желает самым гуманным и мягким способом предать казни одного из своих приближенных, он велит посыпать пол неким ядовитым коричневым порошком, лизнув который приговоренный умирает в течение нескольких часов. Впрочем, нужно отдать должное безграничному милосердию этого монарха и его заботе о благе подданных (чему следовало бы поучиться и

европейским правителям): после каждой такой казни король отдает строгий приказ самым тщательным образом вымыть пол в зале для аудиенций, чтобы удалить ядовитые частицы. В случае небрежного исполнения приказа на слуг обрушивается гнев его величества.

Но вернемся к тому, что происходило со мной. Я остановился на расстоянии четырех ярдов от трона, встал на колени, отвесил семь земных поклонов и произнес слова, которые выучил накануне: «*Икплингглоффзсроб сквутсеромм блиоп мляшнальт звинн тнодбокеф слиофед гардлеб ашт!*»

Это приветствие установлено законами страны для всех удостоенных королевской аудиенции. Перевести его можно примерно так: «Пусть ваше небесное величество переживет Солнце на одиннадцать с половиной лун!»

Рассеянно выслушав, король обратился ко мне с вопросом, сути которого я не понял, но снова отвечал заученной фразой: «*Флофт дрин клерик дуольдам прастред мирпуш*», что буквально означает: «Язык мой в устах моего друга». Этими словами я дал понять, что могу говорить, только пользуясь услугами переводчика. Тотчас ввели молодого человека, и с его помощью я ответил на

все вопросы, которые его величество изволил мне задать в течение часа. Я говорил по-бальнибарбийски, а переводчик передавал все сказанное по-лаггнеггски.

Мне показалось, что королю я понравился, так как он приказал своему *блиффмарклубу*, то есть министру двора, подыскать для меня и моего переводчика покои во дворце, назначил нам довольствие и вручил кошелек с деньгами на мелкие расходы.

Я провел в этой стране целых три месяца, так как его величество не желал меня отпускать, осыпал милостями и делал очень лестные предложения. И все-таки я счел за лучшее провести остаток своих дней с женой и детьми.

Глава 10

Лаггнегцы народ обходительный и великодушный. И хотя местные жители не лишены некоторого высокомерия, свойственного всем восточным народам, с иностранцами они очень любезны, в особенности с теми, кто пользуется покровительством королевского двора. Я обзавелся множеством знакомых в высшем обществе и с помощью переводчика часто вел приятные беседы.

Один знатный господин как-то спросил меня: приходилось ли мне когда-нибудь видеть *струльдбругов,* или бессмертных? Я отвечал отрицательно и попросил этого джентльмена пояснить мне, что может означать слово «бессмертный» по отношению к людям, которые являются смертными созданиями. Тогда мой собеседник рассказал, что время от времени здесь, в Лаггнегге, рождаются дети с красным пятнышком на лбу, которое находится над левой бровью. Пятнышко служит верным признаком того, что такой ребенок никогда не умрет. Поначалу оно имеет размер серебряной монеты в три пенса, но с возрастом увеличивается и меняет цвет,

становясь к сорока пяти годам черным как уголь. Дети с пятнышком рождаются так редко, что во всем королевстве не наберется и тысячи струльдбругов мужского и женского пола. Струльдбруги появляются на свет как в благородных семьях, так и в семьях простолюдинов, тут все зависит от чистой случайности, а их потомки являются такими же смертными, как и остальные.

Должен признаться: этот рассказ привел меня в неописуемый восторг. Мне едва удалось сдержать охватившие меня чувства, и поскольку мой собеседник неплохо понимал язык бальнибарби, а я свободно изъяснялся на нем, то я обратился к нему, вскричав: «Счастлив тот народ, где каждый ребенок имеет надежду стать бессмертным! Счастлива нация, среди которой живут примеры добродетели ее предков и наставники, способные научить мудрости множества поколений! Но в сотню раз счастливее сами струльдбруги, существующие вне цепи смертей и рождений, гордые и свободные духом, избавленные от страха смерти! Теперь-то я наверняка приму милостивое предложение его величества поселиться в Лаггнегге и проведу остаток своих дней в беседах со струльдбругами — этими высшими существами!»

Джентльмен внимательно выслушал меня, и на его губах появилась снисходительная улыбка, за которой обычно скрывается жалость к простаку. Он сказал, что будет рад любому предлогу, который задержит меня в Лаггнегге, после чего попросил разрешения перевести все сказанное мною. Закончив перевод, он некоторое время беседовал с присутствующими на лаггнеггском. Наконец, после непродолжительной паузы, мой собеседник снова обратился ко мне и заявил, что все восхищены моими замечаниями по поводу преимуществ бессмертия. А теперь ему хотелось бы знать, какой образ жизни я избрал для себя, если бы сам родился струльдбругом.

Я отвечал, что это нетрудно, тем более что мне уже доводилось забавляться фантазиями о том, как бы я устроил свою жизнь, если бы стал могущественным королем, полководцем или знатным вельможей. Итак, если бы мне суждено было родиться струльдбругом, я, едва поняв, какое мне выпало счастье, первым делом постарался бы обеспечить себе богатство. Имея впереди неограниченное время, при некоторой экономии и бережливости, за каких-нибудь двести лет я стал бы первым богачом в королевстве. При этом с самой ранней молодости я начал бы

заниматься науками и искусствами и с течением времени превзошел бы известных ученых, поэтов и художников. Я вел бы подробную летопись всех общественных событий и беспристрастно изображал характеры и деятельность сменяющих друг друга правителей, дополняя эти описания собственными наблюдениями и выводами. Я бы заносил в свою летопись изменения в обычаях, нравах, языке, одежде, пище и развлечениях. Благодаря накопленным знаниям и опыту я стал бы главным источником мудрости в своей стране и смог бы предсказывать будущее.

После шестидесяти лет я перестал бы заглядываться на женщин, но оставался бы гостеприимным. Я занялся бы образованием молодых людей, подающих надежды, воспитывая их на основе собственного опыта. Но лучшими моими собеседниками и единомышленниками стали бы собратья по бессмертью. Среди них я выбрал бы дюжину друзей — от своих сверстников до глубоких старцев, и поселил бы в своем поместье. Мы ежедневно собирались бы за трапезой, куда приглашали бы и нескольких самых достойных смертных, чтобы обменяться впечатлениями и наблюдениями. Наши наставления, пророчества и предостережения помогли бы спасти

человечество от вырождения и многих ужасных несчастий. Мы стали бы свидетелями выдающихся исторических событий, огромных изменений в обществе и в умах. А какие чудесные открытия и изобретения мы бы застали: вечный двигатель, универсальное лекарство от всех болезней, способность человека летать и многое, многое другое!..

Когда я закончил и содержание моей речи было переведено на лаггнеггский, присутствующие оживились, время от времени насмешливо поглядывая на меня. Наконец джентльмен, заменявший мне переводчика, обратился ко мне со словами о том, что все присутствующие убедительно просят его развеять мои заблуждения.

То, что я описал, представляя, как жил бы, получив бессмертие, — продолжал он, — нелепо и безрассудно, потому что предполагает не вечную жизнь, а вечное здоровье, молодость и избыток сил.

После такого предисловия этот джентльмен подробно рассказал, что представляют собой струльдбруги и каков образ их жизни. До тридцати лет они ничем не отличаются от остальных людей, но затем постепенно становятся все более мрачными и угрюмыми. Состояние их духа

ухудшается до тех пор, пока им не исполнится восемьдесят. Достигнув восьмидесятилетнего возраста, который здесь считается пределом обычной человеческой жизни, струльдбруги страдают не только от всех недугов и немощей, свойственных глубоким старикам, но и от перспективы влачить столь жалкое существование во веки веков. Они становятся упрямыми, сварливыми, ворчливыми, жадными, угрюмыми, тщеславными и болтливыми. Кроме того, бессмертные неспособны к дружбе и полностью лишены добрых чувств к своему потомству. Зависть и бессильные желания постоянно гложут их, но в особенности они завидуют безумствам молодых и смерти стариков. Их память устроена по-особому — в ней хранится лишь то, что они видели, пережили или прочитали в юности и зрелом возрасте. Самыми счастливыми из них являются те, кто полностью потерял память и впал в детство: они внушают к себе больше жалости, потому что лишены тех дурных качеств, которыми отличаются прочие бессмертные.

Как только струльдбруг достигает восьмидесятилетия, он официально признается умершим и его наследники получают права на все его движимое и недвижимое имущество. Несчастному

выделяют лишь небольшое содержание — такое, чтобы он не умер с голоду. С этого времени струльдбругов считают неспособными занимать должности, связанные с доверием и получением доходов, они не могут ни покупать, ни брать в аренду землю, им запрещается выступать свидетелями в суде.

К девяноста годам бессмертные теряют зубы и волосы; в этом возрасте они перестают чувствовать вкус пищи, но едят и пьют все, что попадется под руку, не зная насыщения. Болезни, которыми они страдают, продолжаются, не усиливаясь и не ослабевая. Струльдбруги не помнят названий самых обычных вещей и даже имен своих родных и близких. Не могут они и читать, так как забывают начало фразы, еще не дочитав ее до конца. Это лишает их последнего доступного развлечения.

Так я получил полное представление о бессмертных и надеюсь, что передал его совершенно точно. В Лаггнегге струльдбругов все ненавидят и презирают. Рождение бессмертного в семье считается дурным предзнаменованием. Я встречался с некоторыми из них — никогда еще мне не приходилось видеть ничего более отвратительного и жалкого, причем женщины выглядели еще более отталкивающими, чем мужчины, и походили

на жутких привидений, чей облик не поддается описанию.

С тех пор мое пылкое и необдуманное стремление к бессмертию поостыло. Я искренне стыдился своих беспочвенных фантазий и заманчивых картин, которые рисовало мое разгоряченное воображение.

Король весело расхохотался, узнав о моем разговоре с друзьями, и в шутку предложил мне прихватить с собой на родину парочку струльдбругов, чтобы излечить своих соотечественников от страха смерти. Я бы так и сделал и даже взял бы на себя расходы по их перевозке и содержанию, если бы основной закон Лаггнегга не запрещал бессмертным покидать пределы острова.

Глава 11

Думаю, что рассказ о таких необычных существах, как струльдбруги, никому не покажется скучным или чересчур нравоучительным. По крайней мере, в книгах о путешествиях я не встречал ничего подобного. Если же я ошибаюсь, то пусть мне послужит оправданием то, что путешественники, описывая одну и ту же страну, часто невольно обращаются к одним и тем же достопримечательностям.

Его величество всячески склонял меня занять при его дворе какую-нибудь солидную должность, но, видя мое непреклонное стремление вернуться на родину, в конце концов согласился отпустить меня и даже соизволил собственноручно написать рекомендательное письмо японскому императору. Он подарил мне четыреста сорок четыре золотые монеты — здесь любят четные числа, а цифру четыре считают счастливой, — а также красный алмаз, который я продал в Англии за тысячу сто фунтов.

Шестого мая 1709 года я торжественно расстался с его величеством и со всеми моими друзьями. Король был настолько любезен, что отдал пове-

ление отряду дворцовой гвардии сопровождать меня до Глангвенстальда, королевского порта, расположенного на юго-западной стороне острова.

Шесть дней спустя я нашел там корабль, готовый отправиться в Японию. На исходе пятнадцатого дня плаванья мы бросили якорь в небольшом порту Ксамоши, расположенном в юго-восточной части Японии. Город этот построен на далеко выступающем в море мысе. За мысом узкий проход ведет в залив, на противоположном берегу которого находится столица империи Иедо[9].

Высадившись на берег, я первым делом предъявил таможенным чиновникам письмо к его императорскому величеству, написанное королем Лаггнегга. В таможне сразу же узнали королевскую печать — она была величиной с ладонь и изображала самого короля, помогающего хромому нищему подняться с земли. Городские власти, прослышав об этом письме, приняли меня как посла дружественной державы. Они снабдили меня экипажем, лошадьми, дюжиной слуг и взяли на себя все расходы по моей поездке

---

[9] Сноски: 9
Иедо — современный город Токио.

в столицу.

По прибытии я немедленно получил аудиенцию и вручил письмо. Оно было вскрыто с особыми японскими церемониями и прочитано императору через переводчика. Ознакомившись с содержанием, император повелел объявить мне, что из уважения к его царственному брату, королю Лаггнегга, любая моя просьба будет немедленно исполнена. Дворцовый переводчик, в чьи обязанности входили переговоры с голландскими мореплавателями и купцами, сразу же догадался по моей внешности, что я европеец, и передал мне слова его величества на голландском языке, которым владел в совершенстве. Я ответил ему так, как решил заранее, дескать, я голландский купец, потерпевший кораблекрушение в одной далекой стране. Оттуда морем и сушей я добрался до Лаггнегга, а потом прибыл на корабле в Японию, с которой мои соотечественники, как всем известно, ведут торговлю. Я надеюсь, что рано или поздно представится случай вернуться с каким-нибудь кораблем на родину, поэтому и прошу его величество позволить мне под охраной направиться в главный торговый порт Нагасаки.

Еще одна просьба, с которой я обратился к императору, несказанно удивила его: я покорнейше просил избавить меня от совершения обряда,

который в Японии обязаны исполнить все европейцы. Он состоит в попирании ногами Распятия и восходит к тем временам, когда сюда проникли католические миссионеры, разгневавшие чем-то правителя империи.

Когда переводчик передал императору мои слова, его величество заметил с изумлением, что я первый из моих соотечественников, кто так щепетильно относится к этому обряду, и у него даже возникло сомнение — на самом ли деле я голландец. По крайней мере, из моих речей ясно только то, что я действительно христианин. Тем не менее, желая оказать любезность королю Лаггнегга, он готов выполнить мою странную прихоть.

С помощью переводчика я выразил глубокую благодарность за такую исключительную милость. Как раз в это время в Нагасаки направлялся отряд императорских воинов, и его начальнику было поручено охранять меня на протяжении всего пути.

Несмотря на то что переход был весьма утомительным, девятого июня 1709 года я прибыл в этот большой портовый город. Там я вскоре познакомился с голландскими моряками с торгового судна «Амбоина». Я долго прожил в Голландии,

учился медицине в Лейдене и говорил по-голландски как уроженец Амстердама. Узнав, откуда я попал в Японию, матросы начали с любопытством расспрашивать меня о моих путешествиях. Я сочинил короткую, но очень правдоподобную историю, утаив самое главное. Особенно выручило меня то, что в нескольких голландских городах у меня были знакомые, а фамилию родителей я попросту выдумал, сказав, что они были поселянами из провинции Гельдерланд.

За то, чтобы отправиться на «Амбоине» в Голландию, я предложил капитану Теодору Вангрульту взять с меня какую ему будет угодно сумму. Но он, узнав, что я немало лет прослужил корабельным хирургом и могу исполнять обязанности врача, назначил мне половину обычной платы.

Во время плавания не случилось ничего заслуживающего упоминания. До мыса Доброй Надежды ветер был попутный. Мы сделали остановку всего на несколько дней, чтобы запастись пресной водой. В пути мы потеряли четырех человек из экипажа — трое умерли от запущенных болезней, а один у берегов Гвинеи упал с бизань-мачты в воду, кишащую акулами.

Десятого апреля 1710 года «Амбоина» благо-

получно прибыла в Амстердам. Оттуда я вскоре отправился в Англию на небольшом каботажном судне.

Шестнадцатого апреля мы бросили якорь в порту Даунс и я впервые за пять с половиной лет ступил на землю своей родины. Из Даунса я, не мешкая, направился в Редриф и прибыл туда в два часа пополудни, застав жену и детей в добром здравии.

Часть четвертая
В стране гуигнгнмов

Глава 1

Пусть меня справедливо осудят за мои бродяжнические наклонности, но должен сознаться — испытанные в прошлом опасности не погасили во мне страсти к приключениям. Я провел дома с женой и детьми около пяти месяцев и мог бы назвать такую жизнь счастливой, но в глубине души видел счастье совсем в ином.

Оставив дома бедную беременную жену, я принял выгодное предложение — взять под свое командование торговое судно «Эдвенчерер». Мореходное дело я знал достаточно хорошо, а хлопотная должность корабельного хирурга мне наскучила. Поэтому в качестве врача для экипажа я пригласил молодого доктора Роберта Пьюрефой. Мы отплыли из Портсмута седьмого сентября 1710 года. Ровно через неделю у острова Тенерифе нам повстречался корабль капитана Пококка из Бристоля, который направлялся в бухту Кампече в Мексике за сандаловым деревом и впоследствии погиб во время урагана.

На «Эдвенчерере» во время плавания от тропической лихорадки умерло несколько матросов, и я был вынужден искать на Барбадосе и других

Антильских островах, куда заходил по договоренности с хозяевами моего судна, новых людей на их место. Однако вскоре мне пришлось пожалеть об этом. Бóльшая часть нанятых мною моряков имели темное прошлое и впоследствии оказались пиратами. На корабле теперь находилось пятьдесят человек команды, а целью нашего плаванья была торговля с индейцами, населяющими острова Южного океана, и исследование малоизученных земель в этих широтах.

Разбойники, которых я неосмотрительно нанял, ухитрились очень скоро склонить на свою сторону остальных матросов, и они решили схватить меня и завладеть судном. Однажды поутру ко мне в каюту ворвалась толпа негодяев, связала по рукам и ногам и пригрозила выбросить за борт, если я вздумаю сопротивляться. Мне пришлось покориться и признать себя пленником; тогда пираты развязали меня, приковали цепью к ножке кровати и поставили у дверей моей каюты часового.

Их целью было захватить испанские торговые суда, однако для этого пираты были слишком плохо вооружены и малочисленны. Тогда они приняли решение быстро распродать все товары, находившиеся на корабле, и отправиться на Ма-

дагаскар, чтобы принять на борт большее число разбойников. В течение нескольких недель, пока шла торговля с индейцами, я был заперт в каюте, как крот в норе, но мне приносили пищу и питье и не причиняли вреда, лишь осыпали проклятиями и угрозами.

Девятого мая 1711 года в мою тюрьму спустился некий Джеймс Уэлч и объявил, что предводитель пиратов намерен высадить меня на берег. Разбойники позволили мне надеть лучшую одежду и прихватить с собой узелок белья; из оружия мне разрешено было взять только кортик. Они так торопились, что не осмотрели карманов моего сюртука, где находилось немало денег и кое-какие необходимые мелочи. Затем меня посадили в шлюпку и она направилась в сторону незнакомого берега, видневшегося примерно в миле от корабля. Высадив меня прямо на отмели, пираты повернули обратно. При этом они даже не сообщили, где мы, что это за суша и какая страна на ней находится. Вскоре они уже были далеко, а мне пришлось поспешить на берег, так как начинался прилив.

Я добрался до берега, нашел сухое местечко на холме и стал обдумывать свое положение. Запасов провизии меня лишили, я был безору-

жен, одинок и не знал, что может случиться в следующую минуту. Вокруг было пустынно. Единственное, что мне оставалось, — продвигаться вглубь этого материка или острова, пока я не встречу каких-нибудь дикарей. В карманах у меня было несколько связок пестрых бус, колец и браслетов, и я надеялся с их помощью приобрести расположение туземцев, если они не окажутся людоедами. Приняв такое решение, я со вздохом поднялся на ноги и побрел прочь от берега.

Передо мной расстилалась обширная равнина, разделенная на участки неправильной формы длинными полосами деревьев и кустарников. Я присмотрелся — деревья были дикорастущими, а между ними виднелись зеленеющие луга и поля, засеянные овсом. Я продвигался с осторожностью, опасаясь, чтобы кто-нибудь не набросился на меня неожиданно, и наконец вышел на дорогу, истоптанную множеством лошадиных и коровьих копыт. Попадались там и следы босых человеческих ног.

В поле резвились какие-то животные; некоторые из них восседали на сучьях ближайших деревьев. Вид у них был довольно странный, и на всякий случай я залег за кустом, чтобы понаблюдать за их поведением. Это было нетрудно

— животные, вереща, как мартышки, сновали по всему полю. Я никогда еще не встречал столь отвратительных существ. Голова и грудь у них были сплошь покрыты густыми, у одних вьющимися, а у других гладкими волосами, а все остальное тело оставалось голым, обтянутым темно-коричневой грязной кожей. Вдоль спины и наружной стороны лап тянулись полосы жесткой щетины; хвоста не было. Я заметил также бороды наподобие козлиных. Шерсть у животных была самых различных оттенков — от черного до огненно-рыжего, а когти на всех четырех лапах острые, словно бритва. Самки показались мне меньше ростом, чем самцы, у них были более чистые лица, покрытые легким пушком. Двигались животные на четвереньках и на задних лапах необычайно проворно и с ловкостью взбирались на самые большие деревья.

Насмотревшись на них, я снова вернулся на дорогу, надеясь, что она приведет меня к жилищам туземцев. Но не успел я и шагу ступить, как столкнулся нос к носу с одним из этих обезьяноподобных существ — оно мчалось прямо на меня на задних лапах. Животное резко остановилось и изумленно уставилось на меня. Я замер, а когда оно — то ли из любопытства, то ли с угрозой

— протянуло ко мне лапу, я от неожиданности выхватил кортик и рукоятью ударил его. Животное заверещало так пронзительно, что у меня заложило уши, и со скоростью вихря пустилось наутек. И тут же целое стадо его сородичей выскочило на дорогу и окружило меня, злобно рыча.

Положение мое было незавидным. Мне ничего не оставалось, как стремглав броситься к ближайшему дереву, однако несколько тварей меня опередили и взобрались на него, чтобы напасть сверху. Приготовившись дорого продать свою жизнь, я прижался спиной к стволу и начал размахивать кортиком, не позволяя этим тварям приблизиться ко мне.

Внезапно среди нападавших возникла непонятная паника; испуганно вереща, они поспешно разбежались. Выждав немного, я в недоумении решил было вернуться на дорогу, но неожиданно заметил в поле спокойно направляющегося ко мне коня. Я подумал, что, очевидно, именно он и был причиной бегства странных животных. Не знаю почему, но я остался стоять в ожидании, пока конь приблизится. Наконец он оказался совсем рядом и, вздрогнув, остановился как вкопанный. Некоторое время он удивленно меня рассматривал, затем дважды обошел вокруг и

вновь уставился на мое лицо, задумчиво пожевывая губами. Я хотел было отправиться дальше, но конь преградил мне дорогу, продолжая кротко смотреть на меня и не выражая ни малейшего желания причинить мне вред. Так минут пять мы пристально разглядывали друг друга.

Наконец я набрался смелости и протянул руку, чтобы погладить шею животного. Однако конь отнесся к моей попытке как бы с презрением, вздернул морду и правым передним копытом отстранил мою руку. Затем заржал так выразительно, что у меня в голове мелькнула дикая мысль — а не хочет ли он мне что-то сказать на своем лошадином языке? При этом конь по-прежнему не давал мне и шагу ступить.

Дальнейшие события меня просто поразили.

Откуда-то появилась еще одна лошадь, и животные обменялись церемонными приветствиями. Выглядело это так. Каждый из коней поднял правое переднее копыто, затем они коснулись ими друг друга и вежливо заржали, причем не на одном дыхании, как это бывает у лошадей, а меняя тональность так, что звук их ржания показался мне почти членораздельной речью. Затем они отошли в сторону и стали неспешно прогуливаться, беседуя между собой, подобно

двум чиновникам, обсуждающим важное государственное дело. При этом кони не переставали коситься на меня, словно опасаясь моего бегства. Я подумал, наблюдая за их поведением: если домашние животные здесь так разумны, то каковы же их владельцы? Должно быть, это самый мудрый народ на земле. Такие мысли вернули мне оптимизм, и я решил было идти своей дорогой, однако пройти мне удалось совсем немного.

Конь, которого я увидел первым, — серый в яблоках, так выразительно заржал мне вслед, что я невольно оглянулся. Он в упор смотрел на меня, покачивая головой. Я тотчас же повернул назад и приблизился к нему вплотную, искренне сам себе удивляясь и как бы ожидая его дальнейших указаний. Должен признаться, я немного волновался и уже начал побаиваться этого странного приключения. Обе лошади подошли ко мне и вновь принялись внимательно меня разглядывать. Мне пришлось снять шляпу и, придав ей прежнюю форму, снова надеть, так как серый конь внезапно стал ощупывать и мять ее правым копытом. Мой жест очень удивил обоих животных. Другой конь — гнедой масти — заинтересовался моим сюртуком. Он погладил копытом ткань моей одежды, а затем прикоснулся к руке. Я был без

перчаток, и гнедой так сильно сжал мою кисть между копытом и бабкой, что я вскрикнул от боли. Конь тотчас же выпустил мою руку, обе лошади издали виноватое ржание и больше меня не трогали. Они начали внимательно рассматривать мои чулки и башмаки, долго ощупывали их и, похоже, были крайне изумлены. Следует признать: поведение животных было настолько разумным и необычным, что у меня возникла нелепая мысль: может, здешние жители кем-то заколдованы и превращены в лошадей? Или тут вообще нет людей и эти любопытные и рассудительные животные впервые встретили человека, а теперь, словно заправские философы, обсуждают необычайное природное явление?

Не находя ответа, я решился обратиться к лошадям со следующей речью:

«Уважаемые джентльмены! Если вы действительно заколдованы и в этой стране орудуют какие-то чародеи, вы должны понимать все языки на свете. Я бедный англичанин, волею судьбы заброшенный на этот берег. И я прошу разрешения оседлать одного из вас и верхом добраться до любого селения, где я мог бы найти приют. В благодарность за эту услугу я подарю вам что-нибудь из моих вещей…»

Тут я вынул из кармана сюртука браслет и перочинный ножик.

Пока я говорил, оба коня стояли молча и, казалось, с большим вниманием слушали. Но едва я закончил, как они стали как бы совещаться ржанием; при этом я ясно слышал отдельные осмысленные звуки, и мне стало ясно, что их лошадиный язык состоит из слов и предложений.

Я отчетливо услышал слово *йеху*, которое оба коня повторили несколько раз. Не понимая его значения, я все же, как только наступила пауза, дважды прокричал «йеху!», подражая лошадиному ржанию. Кони удивленно переглянулись, а серый конь еще раз повторил это слово, как бы поправляя мое произношение. Затем гнедой попытался научить меня гораздо более сложной вещи: произносить слово *гуигнгнм*. После тяжелейших усилий мне наконец-то удалось проржать его достаточно отчетливо, и кони удовлетворенно закивали своими благородными мордами.

Они немного потоптались, а затем разошлись, так же церемонно постучав передними копытами. Серый в яблоках сделал мне знак, приказав идти впереди него по дороге. Я со вздохом подчинился, полностью положившись на волю

непредсказуемой судьбы. Когда я замедлял шаг или останавливался, конь начинал ржать: «*Ггуун, ггуун!*» Я догадался, что он торопит меня, и знаками объяснил, что устал. Он отлично меня понял, и мы продолжили путь с перерывами для небольшого отдыха.

Глава 2

Пройдя три мили, мы приблизились к длинному зданию под соломенной крышей. Стены постройки были сделаны из вбитых в землю толстых кольев, переплетенных прутьями в виде решетки. Я приободрился и начал шарить по карманам в поисках своих безделушек, надеясь, что хозяева этого скромного жилища окажут мне более радушный прием. Однако никто не вышел нам навстречу, и конь подтолкнул меня в спину, приглашая войти.

Я попал в просторное помещение с гладким глиняным полом; вдоль одной из стен во всю длину тянулись ясли с сеном. Внутри находились три жеребенка и две кобылицы; меня поразило то, что все они сидели — совсем как люди, пережевывая при этом сено. Но окончательно я утратил дар речи, когда увидел, что остальные лошади заняты обычными хозяйственными заботами. «Ну и дела, — вновь сказал я себе, — какой же, должно быть, мудрый народ населяет эту землю, если он сумел так выдрессировать домашних животных!» Серый конь повелительно заржал за моей спиной, как бы давая понять всем присут-

ствующим, что обижать меня не следует. Прочие лошади тотчас покорно отозвались.

Из этого помещения двери вели в три смежные комнаты, расположенные одна за другой во всю длину здания. Мы с моим серым в яблоках приятелем прошли во вторую, и там конь сделал мне знак подождать, а сам отправился в третью. Я суетливо извлек свои подарки, думая преподнести их хозяевам дома: два ножа, три браслета с фальшивыми жемчугами, маленькое зеркальце и нитку бус. Послышалось лошадиное ржание, я насторожился, ожидая услышать человеческий голос, однако в ответ раздалось такое же ржание, но более нежное и тонкое. Я решил, что этот дом принадлежит какой-нибудь знатной особе — уж слишком много препятствий надо преодолеть, чтобы повидаться с хозяином, однако почему в качестве слуг здесь используют одних лишь лошадей — это было выше моего понимания. Мной овладел страх — мне стало казаться, что лишения и бедствия окончательно помутили мой рассудок. Сделав над собой усилие, я наконец огляделся. Комната, в которой меня оставили, была обставлена так же, как и первая, но с бóльшим изяществом. Сколько бы я ни тер глаза и ни щипал себя, чтобы избавиться от наваждения,

передо мной было все то же — я стоял на чистом глиняном полу, а вдоль стены тянулись ясли с сеном. Не успел я взять себя в руки, как серый конь пригласил меня войти в третью комнату.

Внутри находилась очень симпатичная кобыла с двумя жеребятами. Все трое сидели на опрятных соломенных циновках. Когда я остановился, кобыла тут же встала и приблизилась ко мне. Однако я заметил выражение глубочайшего презрения в ее миндалевидных красивых глазах и услышал все то же «йеху!», обращенное к серому коню. Увы, очень скоро я узнал, что означает это слово! Затем конь, проржав несколько раз «ггуун!», потребовал, чтобы я покинул комнату. За нами последовал лошак, по моему предположению, прислуживавший в доме.

В том же порядке мы вышли на задний двор. Там, в некотором отдалении от главной постройки, стоял довольно-таки просторный сарай, куда меня и втолкнули. К моему ужасу, там уже находились те самые безобразные обитатели полей, которые повстречались мне по пути. Урча, они с жадностью пожирали коренья и разрывали когтями сырое мясо, судя по всему давно протухшее. Впоследствии я узнал, что это были трупы собак, ослов и коров.

Слуга по приказанию серого коня отвязал одно из животных, и мы снова вышли во двор. Нас поставили рядом. И пока лошади сравнивали меня с обитателем сарая, сердце мое бешено колотилось, — я понял, что отвратительное существо внешне отдаленно напоминает человека. Меня немного утешило только то, что физиономия моего соседа была широкоскулой, с приплюснутым носом и вывороченными губами. Такие лица встречаются у младенцев иных народов, которых дикарки-матери таскают за спиной. Передние лапы йеху, стоявшего рядом со мной, отличались от моих рук лишь длиной ногтей, цветом и толщиной кожи да тыльной стороной ладоней, покрытой щетиной. В остальном я был совершенный йеху, одетый в европейский костюм.

Слуга-лошак протянул мне какой-то корень. Я взял, понюхал угощение и вежливо вернул. Тогда он принес из сарая кусок ослятины, но от мяса исходил такой запах, что я с омерзением отвернулся. Слуга бросил мясо йеху, и животное с жадностью проглотило подачку. Затем пришел черед сена и овса, и я дал понять лошадям, что и они мне не по вкусу и не являются моей обычной пищей. Между прочим, у меня тут же мелькнула мысль, что если я не встречу здесь обычных

людей, то вскоре умру от голода. Между тем йеху казался совершенно довольным жизнью.

Неожиданно серый конь обратился ко мне. Он поднес копыто к своей морде, знаками давая мне понять, что хочет знать: чем же я все-таки питаюсь? К счастью, где-то неподалеку замычала корова, я встрепенулся и показал, что совсем не прочь ее подоить. Удивительно, но меня поняли и снова повели в лошадиное жилище. Там служанка-кобыла подала мне большую глиняную чашку молока, и я с удовольствием ее осушил, сразу почувствовав себя бодрее. Лошади смотрели, как я пью, с некоторым испугом и в то же время с одобрением. После этого меня на некоторое время оставили в покое.

В полдень к постройке подкатила повозка, в которую были запряжены четыре дюжих йеху. В повозке сидел пожилой конь — сразу было заметно, что это знатная и влиятельная особа. Конь выбрался наружу и пошел к дому, прихрамывая на левую переднюю ногу; мой хозяин встречал его почтительно и любезно. Я был предоставлен самому себе и мог впервые наблюдать, как здешние лошади обедают.

Они устроились в самой большой комнате, где ясли стояли полукругом; гость и хозяева чинно

сидели на соломе каждый на своем месте. На первое подавалось сено, вторым блюдом был овес, сваренный с молоком. Гостя потчевали этим блюдом в горячем виде, остальные ели его холодным. Над яслями помещался огромный решетчатый короб с сеном, разделенный на ячейки по числу присутствующих. Каждая лошадь брала свою порцию — сдержанно, пристойно и аккуратно. Сытые жеребята вели себя смирно, слуги были расторопны, а хозяева обходительны с важным гостем.

Меня наконец-то заметили и велели подойти к, так сказать, пиршественному столу, и хозяин дома завел обстоятельную беседу со своим гостем, то и дело кивая в мою сторону. Слово «йеху», как призрачное облако, снова витало в воздухе. Мне так надоело быть предметом обсуждения, что от скуки я начал рыться в своих бездонных карманах. Нащупав там перчатки, я натянул их на руки. Это простое действие поразило серого коня. Он знаками поинтересовался, что произошло с моими передними копытами, и велел привести их в прежнее состояние. Я неохотно повиновался. И тем не менее мое поведение, как мне показалось, расположило ко мне лошадей. От меня потребовали произнести слова, какие

я успел усвоить, а хозяин развлекался тем, что называл все, что находилось на обеденном столе, заставляя меня повторять. Это было несложно, так как еще смолоду я отличался способностью быстро осваивать незнакомые языки.

Когда обед подошел к концу, мой хозяин, обеспокоенный тем, что я по-прежнему голоден, отвел меня в сторону и снова указал на овес. Я отрицательно покачал головой, но тут же сообразил, что из овса несложно приготовить лепешки. Овес на лошадином языке звучит как «*глунг*». Я несколько раз повторил это слово и кивнул в сторону белой кобылы-служанки, прося принести мне побольше этого злака. Получив деревянное блюдо с овсом, я кое-как обжарил зерна на огне и принялся их растирать, пока не осыпалась вся шелуха. Затем я провеял овес и растер его между двумя камнями в муку, замесил тесто, испек лепешки и съел на глазах изумленного хозяина, запивая подогретым молоком. Поначалу это кушанье показалось мне безвкусным, но с течением времени я привык к нему и научился обходиться без соли. Забегая вперед, замечу, что эта нехитрая пища оказалась гораздо здоровее той, к которой я привык. Кроме того, я научился ловить в силки кроликов и птиц, иногда собирал

душистые травы, добавляя их в лепешки в качестве приправы, изредка сбивал для себя масло, делал творог и пил молочную сыворотку.

С наступлением вечера конь-хозяин распорядился отвести для меня помещение в шести ярдах от дома и отдельно от сарая йеху. Это оказался небольшой старый хлев, где раньше держали только стельных коров. Там было чисто, сухо и тепло. Я обнаружил внутри солому, приготовил постель и, обессиленный после того, что мне пришлось пережить в первый же день после изгнания с собственного корабля, крепко уснул.

Глава 3

С этих пор моим главным занятием стало изучение лошадиного языка.

Все в доме, начиная с хозяина и заканчивая слугами, усердно мне в этом помогали. Им казалось чудом, что такое дикое животное, как я, проявляет признаки разума. Этот парадокс меня уже ничуть не смущал…

Уроки проходили так. Я тыкал пальцем в тот или иной предмет, записывал по буквам его название в свою тетрадь и потом заучивал. Чтобы произношение мое стало правильным, я просил всех, кто попадался мне на глаза, несколько раз повторить нужное слово. Особенно мне помогал гнедой лошак-слуга.

Гуигнгнмы произносят слова в нос и гортанно. Их язык больше всего напоминает верхнеголландское наречие, но на слух гораздо мягче и выразительнее. Император Карл V однажды заметил: «Если бы мне захотелось побеседовать со своей лошадью, я использовал бы голландский язык».

Мой хозяин сгорал от нетерпения наконец-то узнать мою историю. И хоть он по-прежнему

считал, что я йеху, этот благородный гуигнгнм полагал, что душа у меня лошадиная, потому что опрятность, понятливость и вежливость, которые он во мне заметил, свойственны лишь его соплеменникам. Он ежедневно по нескольку часов обучал меня своему весьма непростому языку и надеялся, что вскоре его любопытство будет удовлетворено. Я же делал бесспорные успехи. Однажды я показал ему свой словарик, объяснив смысл и цель моих записей, и мой хозяин несказанно удивился, так как гуигнгнмы не имеют ни малейшего представления о письменности, книгах и литературе.

По прошествии десяти недель я уже понимал большинство вопросов моего собеседника, а через три месяца мог свободно отвечать на них. Прежде всего он поинтересовался, откуда я взялся и где научился так хорошо подражать йеху, которые в большинстве своем поддаются обучению хуже прочих животных. Все это серый конь произнес с полной серьезностью.

Я отвечал, что приплыл по морю в полой деревянной посудине издалека — из тех краев, где живет множество людей, похожих обликом на меня. Мои спутники высадили меня на незнакомый берег и покинули одного. Я пошел по дороге,

увидел незнакомых диких существ, а затем встретился с лошадьми. Слова «корабль», «континент», «король», «государство» в лошадином языке отсутствуют, как и многие другие понятия, такие, к примеру, как «ложь» и «обман». А о том, чтобы объяснить коню значение слова «пират», я уже и не говорю.

Хозяин дома, поразмыслив над моим ответом, высокомерно заметил, что я, должно быть, ошибаюсь или «рассказываю то, чего никогда не было». Он считал невозможным существование каких-либо иных стран, где кучка звероподобных дикарей могла бы спустить на воду деревянную посудину и отправиться на ней куда вздумается. Ведь никто из живущих ныне гуигнгнмов не в состоянии построить такое судно и уж тем более доверить управление им каким-то йеху. Я забыл сказать, что слово «гуигнгнм» означает «совершенство природы» — именно так называет себя лошадиный народ, живущий на этой земле.

Вскоре по окрестностям разнеслась молва, что в доме серого коня появился необычный йеху, который выучил лошадиный язык и своим поведением демонстрирует зачатки разума. Взглянуть на такое чудо потянулись вереницы гостей. Знатным жеребцам, любопытным ко-

былам и ученым лошадям доставляло большое удовольствие разговаривать со мной; при такой практике я уже менее чем через полгода свободно говорил на местном языке. Все гости с трудом могли поверить, что я настоящий йеху. Их сбивала с толку моя светлая кожа, голос и то, чем я питался, но более всего — моя одежда. Я старался никого не разочаровывать, ведь, увидев меня без платья, наивные мудрецы признали бы обратное, — а мне этого совсем не хотелось. Однако мне недолго удавалось скрывать свою тайну.

Обычно я снимал верхнюю одежду, когда все в доме уже спали, и спозаранку облачался в рубашку, сюртук и панталоны. И вот однажды на рассвете хозяин послал за мной своего слугу. Гнедой лошак вбежал ко мне в коровник и остановился в испуге — сюртук, которым я укрывался, сполз с моих голых плеч, а сам я еще не проснулся. В замешательстве бедняга бросился к хозяину и все ему доложил. Когда мы встретились с серым конем, он задал мне замечательный вопрос: почему во время сна я совершенно не таков, каким бываю обычно? Тут я понял, что нам необходимо как-то объясниться, тем более что моя одежда вскоре превратится в лохмотья, а обувь совершенно износится. Я твердо заявил растерянному

коню, что одежда в моей стране шьется для того, чтобы человек выглядел прилично и мог с ее помощью защитить свое тело от холода и зноя. Конь попросил меня раздеться, что я немедленно и сделал.

Хозяин наблюдал за моими действиями с величайшим любопытством. Он рассматривал каждый предмет туалета, а когда я, посинев от холода, снова нетерпеливо оделся, конь заявил, что у него больше нет сомнений в том, что я самый настоящий йеху, только особой породы — без когтей, шерсти и с другим цветом кожи. Я сказал ему, что эти его выводы мне крайне неприятны, и убедительно попросил держать наш разговор в тайне. Он великодушно дал честное слово — и на этом мы расстались.

Нет нужды описывать шаг за шагом мои успехи в освоении сложного языка гуигнгнмов. Наконец пришло время, когда я мог обстоятельно поведать своему хозяину о моих злоключениях. Главная трудность заключалась в том, чтобы объяснить ему, по какой причине меня высадили на берег. Я подробно описал серому коню корабль, с помощью носового платка показал, что такое парус и как он приводит в движение судно. Растолковал, в чем состоит разница между порядочным человеком и злодеем. При этом гуигнгнма больше всего удивил тот факт, что из пятидесяти членов экипажа лишь одного можно было назвать приличным человеком, а все остальные оказались негодяями, и что простая ссора привела к таким жестоким последствиям. Поразмыслив, он вдруг спросил, как могло случиться, что гуигнгнмы моей земли позволили управлять таким сложным и дорогостоящим судном диким особям. Я попросил хозяина не обижаться на то, что я сейчас скажу, и пояснил: корабль был построен такими же разумными существами, как я. Других там, где я живу, нет, и все они господствуют над домашними животными, в том числе и над лошадьми. «Меня несказанно поразило, — добавил я, — все, что я здесь увидел, и в особенности разумное

поведение, такт и благородство гуигнгнмов. Что до йеху, то, несмотря на внешнее сходство с людьми, я тоже считаю их животными, хотя причину такого глубокого одичания и вырождения понять не могу».

«Ваш народ, — продолжал я, — вызывает во мне чувство уважения и восхищения. Если я когда-нибудь вернусь на родину и смогу рассказать об увиденном, мне никто не поверит, все посчитают это выдумкой. Вы не должны на меня обижаться, сэр, однако моим соотечественникам никогда и в голову бы не пришло, чтобы, прошу прощения, лошади были где-нибудь господами, а существа, схожие с людьми, — грубым скотом и их рабами».

Глава 4

Конь выслушал меня; при этом с его умной морды не сходило выражение тревоги, недоверия и неудовольствия.

Я хорошо помнил, что в наших с ним беседах об Англии, о нравах и обычаях моих соплеменников постоянно возникала тема *лжи*. Несмотря на свою проницательность, гуигнгнм с большим трудом мог понять, в чем тут дело. При этом он рассуждал так: речь дана нам для того, чтобы понимать друг друга и получать знания о назначении и пользе вещей. Если же говорится о том, чего на самом деле нет, тогда всякий смысл общения двух существ пропадает. В лучшем случае я перестаю понимать своего собеседника, а в худшем оказываюсь полным невеждой, веря, что белое — это черное, а черное — это белое. Приблизительно такими были его представления о *лжи*.

Услышав, что йеху главенствуют на моей родине, конь спросил меня, а чем же тогда занимаются гуигнгнмы? Я ответил, что они играют важную роль в жизни страны и совершенно незаменимы. Их очень много, они принадлежат к разным породам, за ними ухаживают, некоторые

из них стоят огромных денег…

Тут серый в яблоках подозрительно на меня покосился.

— Летом, — продолжал я с воодушевлением, — ваши сородичи пасутся на лугах, а в холодную пору года их содержат в специальных зданиях, кормят овсом, расчесывают им гривы, следят за копытами…

— И все-таки я вижу, — перебил меня конь, — что хоть ваши йеху и мнят себя господами, но и они подчиняются парнокопытным!

Я предложил моему хозяину сменить тему, однако он настаивал.

Тогда я поведал, что гуигнгнмов мы называем лошадьми, а в деревнях — рабочим скотом. Сам я отношусь к роду человеческому, или людям, как мы себя называем. Лошади — самые выносливые, умные, красивые и понятливые из всех животных, которые нам служат. Они отличаются быстротой бега и большой силой. Если лошадь принадлежит богатому и знатному хозяину, то с ней обращаются бережно и заботливо; эти животные участвуют в скачках, их запрягают в экипажи, на них охотятся и путешествуют, они незаменимы в сельском хозяйстве. Лошади — неотъемлемая часть любой армии, у таких

частей даже есть особое название — кавалерия… Однако едва гуигнгнмы начинают стариться и терять резвость, их продают. Они выполняют тяжелую и грязную работу и… (я на мгновение смутился, однако храбро продолжал), — и после смерти с них сдирают шкуру, продают ее за бесценок, а все остальное выбрасывают на съедение бродячим собакам. Самая незавидная судьба у лошадей простой породы. Они служат извозчикам, фермерам, бедным поселянам, их хуже кормят и относятся к ним не так бережно, как к гуигнгнмам благородного происхождения. Во время войн лошади часто гибнут вместе с всадниками. Я подробно описал наш способ езды верхом, форму колясок, карет и телег, употребление уздечки, седла, упряжи, шпор, кнута и тому подобное. Копыта наших лошадей, добавил я под конец, подбивают железом, чтобы они не стирались на мощеных камнем дорогах, по которым мы имеем обыкновение ездить.

Больше всего прочего серого коня возмутило то, что мы позволяем себе ездить верхом на гуигнгнмах. Он горделиво заявил, что любой из его старых слуг способен как пушинку сбросить с себя самого сильного йеху или же просто затоптать копытами гнусное животное. В ответ я сказал, что

наших гуигнгнмов обучают ходить под седлом или в упряжке с юного возраста, они покорны и понятливы и, как правило, любят своих хозяев. Это, однако, не умерило его негодования. «Но как, — вскричал он, — жалкие и неприспособленные к жизни создания, подобные вам, смеют так жестоко обращаться с теми, кто намного благороднее, добрее и разумнее их! Взгляните на себя! Ваши когти бесполезны, ваши передние ноги и ногами-то не назовешь! А ваша шкура — она слишком непрочна и тонка, чтобы защитить от холода и жары. Ваши глаза устроены так, что могут видеть только прямо перед собой, а кроме того, что вы без конца снимаете и надеваете свою вторую кожу, называемую платьем, вам просто нечем больше заняться! Впрочем, — добавил он, успокаиваясь, — в разумности и способности запоминать слова вам не откажешь. Видно, и впрямь вы — особая порода йеху. Мне бы хотелось узнать, где вы родились и чем занимались, прежде чем попали в страну гуигнгнмов…»

Я тяжело вздохнул и попросил любознательного коня отнестись к моему рассказу снисходительно и если что-нибудь будет непонятно — требовать уточнений, потому что мне придется вести речь о таких вещах, о которых он не имеет

ни малейшего представления.

«Я родился, — начал я, — от почтенных и добрых родителей на острове, называемом Англия. Эта земля находится так далеко отсюда, что даже самый молодой и выносливый слуга-лошак вряд ли сможет добежать туда за то время, пока солнце совершает свой годичный круг. Правит островом женщина, — это слово означает наших жен и матерей; мы называем ее королевой. Я учился медицине, то есть искусству врачевать раны и всяческие болезни. Но так как эта профессия давала мало средств к существованию, а у меня уже была семья, я отправился на торговом корабле в дальние страны…»

Понадобилось целых пять дней, чтобы моему хозяину стала более или менее понятна чужая жизнь. Особенно туго мне пришлось, когда я рассказывал о захвате моего корабля разбойниками, которых я сам же и нанял. Серый конь все время перебивал меня вопросами. Мне пришлось объяснять, что это были за люди, — а я забывал произносить слово «йеху», — многие из них в прошлом потеряли все, что имели, некоторые были ворами, убийцами, насильниками и фальшивомонетчиками, бежали из тюрьмы. Мой хозяин никак не мог себе представить, что могло

побудить йеху погрузиться в такую бездну порока. Я старался, как мог, подбирать понятные ему обороты и сравнения. Наконец он постепенно начал понимать, о чем я толкую. Чтобы объяснить неблаговидные поступки людей — то есть йеху, — я должен был растолковать ему самую суть человеческих страстей, алчности, злобы, зависти и взаимной ненависти. Как объяснить лошади, что такое бедность и богатство, могущество и стремление к власти, каковы ужасающие последствия безумной роскоши? Все это мне приходилось описывать и определять с помощью примеров. В языке гуигнгнмов нет таких понятий, как власть, правительство, война, закон, наказание, преступление и сотен им подобных. Для моего хозяина, при всем его природном уме, мой рассказ долго оставался пустой абстракцией. Но я изо всех сил старался удовлетворить его любопытство, и наконец он кое-что уяснил. Однако этого ему показалось мало, и неутомимый гуигнгнм пожелал поподробнее узнать о той части света, которую мы называем Европой. В особенности ему были любопытны сведения об Англии.

Глава 5

Я остановлюсь на самом главном из того, что нам удалось обсудить в наших беседах в течение двух лет, которые я провел в этой удивительной стране.

Полное географическое и политическое описание Европы, ее торговля, промышленность, финансы, наука, искусства — вот неполный перечень тем, которых мы касались; причем со стороны моего собеседника возникало столько вопросов и замечаний, простых, ясных и мудрых, что они зачастую становились поводом для новых встреч.

Однажды мы долго говорили об истории. Я поведал коню об английской революции, случившейся во времена правления принца Оранского, и о многолетней войне с Францией, которую затеял принц, а продолжила его преемница, ныне здравствующая королева. О войне, в которой приняли участие все великие христианские державы и которая длится по сей день. По просьбе моего собеседника я подсчитал, что в ходе сражений и мелких стычек было убито не меньше миллиона йеху, разрушено около ста городов и сожжено

или потоплено свыше трехсот кораблей.

На его вопрос о причинах подобных бедствий в нашем мире я ответил, что поводов для войн существует множество, однако я перечислю только самые важные из них. Чаще всего это честолюбие монархов, которым кажется, что под их властью находится слишком мало народов или земель; иногда — подлость министров, убеждающих короля начать войну, чтобы отвлечь народное недовольство от их дурного правления. Различия во взглядах на те или иные вещи также погубили много миллионов жизней. Войнами нередко разрешаются важные спорные вопросы. Чем считать свист — грехом или добродетелью? Является ли хлеб телом или тело хлебом? Что лучше: целовать кусок дерева или бросать его в огонь? Какого цвета — черного, белого, красного или серого — должна быть верхняя одежда? Как шить ее и должна ли она быть короткой, длинной, широкой, узкой, грязной или чистой? Иногда ссора между двумя правителями разгорается из-за желания устранить третьего, хотя ни один из них не имеет на это никакого права. Бывает, что государь бросает перчатку противнику, вызывая его на бой, из страха, что тот нападет на него первым. Война может начаться потому, что враг

слишком силен или, наоборот, слишком слаб. Случается и так, что наши соседи думают, будто у нас есть то, чего нет у них, — и наоборот. Такие войны — самые затяжные и опустошительные. Нередко появляется повод напасть на чужую страну в то время, когда она обессилена голодом, чумой или внутренними смутами. Точно так же считается справедливой война с самым близким союзником, если у того, кто ее развязал, разыгрался аппетит и он не прочь за счет бывшего друга расширить свои владения…

Войны по сути своей бесчеловечны. Воинственному монарху ничего не стоит послать свои войска в страну, где население бедно и невежественно. Половину его он имеет право совершенно безнаказанно уничтожить, а оставшихся обратить в рабство. Это называется «вывести дикий народ из варварства и приобщить его к благам цивилизации».

Часто случается, что какой-нибудь правитель для защиты своей страны от иноземного вторжения просит военной помощи у другого государства. Изгнав неприятеля, союзник обращает оружие против того, кто его призвал, заключает правителя в темницу, отправляет в изгнание или попросту убивает, чтобы не иметь лишних

хлопот. После чего захватывает власть и становится законным государем обеих стран. Такой поступок считается вполне благородным и достойным похвалы. Кровное родство или брачные союзы также являются частой причиной войн между странами; чем ближе родство, тем больше распри. Бедные измучены нищетой и голодом, богатые тщеславны и бездушны. Алчность бедных и гордыня богатых порождают ненависть — вот почему войны у нас никогда не прекращаются, а ремесло солдата считается самым почетным. Солдата-йеху нанимают для того, чтобы он убивал как можно больше людей, не причинивших ему ни малейшего зла. При этом войны ведут не только сильные и богатые державы, но и совершенно обнищавшие и крохотные.

«Все, что вы мне рассказали, — задумчиво произнес мой хозяин, — действительно свидетельствует об удивительных результатах деятельности вашего разума. И в то же время о вашем ничтожестве, ведь природа создала вас слабыми и никчемными. Сами по себе вы не обладаете ни физической силой, ни ловкостью, вы даже не можете как следует искусать и исцарапать друг друга, как это делают наши йеху. Поэтому, называя количество жертв в военных

сражениях, вы, по-моему, говорите о том, чего нет и в помине!»

Я едва смог сдержать улыбку, услышав такие речи. Моей осведомленности в военном искусстве вполне хватило, чтобы подробно разъяснить собеседнику устройство и принцип действия наших пушек, мортир, мушкетов и карабинов. Я описал пистолеты, пули, порох, сабли и штыки. Я рассказал, что такое осада, отступление, атака, минирование, бомбардировка, морские сражения, гибель кораблей с тысячей матросов на борту и битвы на суше, в которых с каждой стороны погибают десятки тысяч человек. Я поведал о стонах и криках умирающих и о растерзанных в клочья человеческих телах, описал всеобщее смятение, клубы дыма, шум, топот лошадей, бегство, преследование, победу; описал поля, покрытые трупами, брошенными на съеденье псам, волкам и воронью, — а затем насилие над мирными жителями, разбой, грабежи…

Я мог бы продолжать бесконечно, но мой хозяин остановил меня, заметив, что всякий, кто сталкивался с йеху, без труда поверит моему рассказу, однако то, чего мы сегодня коснулись в нашей беседе, вселяет в него тревогу. «Мы всегда гнушались йеху, которые водятся в нашей

стране, — проговорил серый конь, — и все же относились к ним, как к обычным животным, которые могут доставлять мелкие неприятности вроде тех, что случаются, когда ушибешь копыто или поранишься. Но ведь в ваших рассказах все злодеяния связаны с существами, обладающими смекалкой и, отчасти, рассудком. И если они совершают такие чудовищные преступления, то неизбежно приходится признать, что развращенное сознание во сто крат хуже звериной тупости. Я склоняюсь к мысли, что вместо разума ваша порода йеху обладает чем-то таким, что благоприятствует распространению зла и пороков, а сами вы досадная ошибка природы».

Мне нечего было возразить на это.

«Вы как-то упомянули, — продолжал мой собеседник, — что кое-кто из матросов, высадивших вас на берег нашей страны, был не в ладу с законом. Что такое в ваших краях закон и кто ему служит?»

Я не силен в таких вещах, как закон и право, но все же постарался удовлетворить его любопытство.

«В нашей стране, — произнес я задумчиво, — имеется многочисленное сословие людей, которые с самых юных лет учатся доказывать, что

белое — это черное, и наоборот, в зависимости от того, за какое доказательство больше заплатят. Это сословие держит в рабстве весь наш народ. Например, если соседу приглянулась моя корова, то он нанимает одного из этих людей, чтобы тот доказал, что по закону я обязан отдать корову ему. Чтобы сохранить свою собственность, я, в свою очередь, должен нанять адвоката, потому что закон запрещает мне самому защищать свои права в суде. Но и это еще не все. Нет никакой уверенности в том, что я выиграю дело, так как потерпевшая сторона обычно оказывается в невыгодном положении. Мой адвокат, несмотря на то что факты свидетельствуют в нашу пользу, может оказаться бестолковым, ленивым или чересчур осторожным. И у меня остается лишь два способа сохранить свою корову: первый — подкупить адвоката другой стороны, чтобы он сделал вид, будто защищает правое дело, или убедить моего защитника в том, что корова на самом деле мне не принадлежит. Тогда появится хоть какой-то шанс выиграть процесс. Судьями, — продолжал я, — у нас называют лиц, на которых возложена обязанность разрешать споры и выносить решения как по гражданским, так и по уголовным делам. Но не могу сказать, что все

они отличаются порядочностью и честностью. Я знал почтенных судей, для которых собственные интересы всегда стояли выше закона. Обычно у таких служителей правосудия хорошо подвешен язык, они хитры и умны, и репутация для них превыше всего. В суде они говорят о чем угодно, только не по существу дела. Такой судья никогда не спросит, какое право имеет сосед на мою корову, а будет без конца обсуждать, какой она масти, дома ли доится или на пастбище, какой длины у коровы рога, когда она болела в последний раз и так далее. Почти все судьи вышли из адвокатов и отменно владеют приемами казуистики; они без конца сыплют терминами, от которых у простого смертного голова идет кругом. Точно так же составлены в Англии и законы. Этих законов так много и толкование их настолько не ясно, что невозможно определить, где правда, а где ложь. Немудрено, что может потребоваться полжизни на то, чтобы доказать, что поле и усадьба, оставшиеся от моих родителей, принадлежат мне по закону, а моя корова куплена именно мною, а не кем-то другим… Суд над лицами, обвиняемыми в государственных преступлениях, вершится гораздо быстрее. Судья просто обращается к властям и выясняет, должен ли обвиняемый быть

оправдан или казнен. И при этом, конечно же, ссылается на закон».

Но тут возникло новое затруднение: мой хозяин попросил меня растолковать, что означает выражение «заплатить» и почему служители закона затрачивают столько сил для того, чтобы причинять вред и обиды своим ближним.

Глава 6

Мне пришлось разъяснить любознательному и настойчивому гуигнгнму, что такое деньги, из чего они сделаны, какова ценность благородных металлов и какую роль они играют в жизни моих соотечественников. Я сказал, что если бы йеху имел большое количество денег, то он мог бы приобрести все, что ему вздумается: красивую одежду, дома и земли, мебель, пищу, напитки, слуг и даже жен. Наши йеху ценят богатство выше всего на свете. Благодаря деньгам богачи подчиняют себе бедняков и пользуются плодами их труда. На тысячу неимущих приходится один богач, и надо честно признаться, что большинство нашего народа влачит жалкое существование, получая самую ничтожную плату за тяжкий труд, и все это ради того, чтобы ничтожное меньшинство могло жить, ни в чем не нуждаясь.

Мой собеседник посчитал это несправедливым, ведь все с самого рождения имеют право на свою долю земных благ. Он подробно расспросил меня, как живут у нас богатые йеху, и особенно его заинтересовала наша еда, способы ее добычи и приготовления. Почему ее не хватает для всех? —

спросил он. Я ответил, что бедняки питаются просто, а богачи любят полакомиться. Я перечислил различные блюда и добавил, что за многими деликатесами, фруктами, пряностями и напитками приходится отправлять корабли в очень далекие страны. Иной раз приходится совершить кругосветное путешествие, чтобы добыть для какой-нибудь знатной семьи нечто необычное из пищи. Я не говорю уже о посуде, которую капризные богачи используют для своих трапез.

Мой гуигнгнм на это заметил, что у нас, наверное, очень бедная страна, если не удается как следует прокормить все ее население.

Поразило его еще и то, что у нас не хватает родниковой воды и нам приходится привозить питье из заморских стран. Я объяснил, что воды у нас вдоволь, а напитки — это нечто иное. Они нужны для того, чтобы веселиться и забывать о тяготах жизни. Англия, по подсчетам ученых, может производить в три раза больше съестного, чем способны съедать ее жители, но наши богатые йеху не довольствуются этими продуктами, а выписывают себе из-за моря деликатесы и вина, чтобы подразнить свой изысканный вкус. Взамен мы посылаем в другие страны различные необходимые изделия. Этот обмен товарами называется

торговля. Торговцы — народ расторопный и ловкий, однако не все могут заниматься торговлей, кто-то должен производить товары, пахать землю, строить дома. Одежда, которая на мне, сделана чьими-то умелыми руками, но я никогда не узнаю, кто соткал сукно и скроил этот сюртук. Мой дом по кирпичику выложили каменщики, хлеб, который я ел, растили крестьяне, корабль, на котором я плавал, построили на верфи умелые мастера-кораблестроители…

Как нелегко было объяснить все это умному коню!

В одной из бесед мы коснулись английской знати. И мой хозяин сделал мне неожиданный комплимент, которого я совершенно не заслуживал. Он сказал, что я, очевидно, происхожу из благородной и знатной семьи, так как цветом кожи, строением тела и манерами значительно отличаюсь от йеху страны гуигнгнмов. Что я довольно образован, чистоплотен, способен к чужим языкам и вежлив.

Я поблагодарил моего собеседника, однако заверил его, что он ошибается. Мои родители были простые люди, порядочные во всех отношениях, но не богатые и не знатные. И добавил, что наша английская знать совсем не такая, какой он ее

представляет.

Ее молодые представители с самого детства воспитываются в праздности и роскоши. Кое-как окончив обучение, золотая молодежь проводит время в безделье, развлекаясь карточной игрой, кутежами и сомнительными связями. Жизнь их пуста и бесполезна для общества. Промотав состояние родителей, отпрыски знатных родов ради денег женятся на девушках из богатых семей, но низкого происхождения. Невесты их, как правило, глупы, некрасивы, болезненны и презираемы мужьями. От таких браков рождаются слабые дети. И неудивительно — ведь здоровое и крепкое тело у знатных людей считается чем-то непристойным. Худоба же, землистый цвет лица и томный вид служат признаками благородной крови. Одним словом, духовные недостатки аристократов вполне соответствуют физическим и представляют собой ужасную смесь тщеславия, тупоумия, невежества, капризов, распущенности и спеси.

Глава 7

Может показаться не совсем правильным, что я выставил недостатки человеческого племени напоказ перед домашним животным. Но признаюсь чистосердечно — сравнение удивительных четвероногих с человеком было совсем не в пользу последнего и в корне изменило мой взгляд на людское племя. Я пришел к заключению, что не стоит щадить его, ведь я хотел быть честным не только перед своим проницательным хозяином, но и перед самим собой. Я лишь немного жалел себя и своих соотечественников, ибо найдется ли в мире человек, который не питал бы привязанности к месту своего рождения?

Была и еще одна причина. Не прожив в стране гуигнгнмов и года, я проникся такой любовью и уважением к ее обитателям, что у меня появилось желание никогда больше не возвращаться к людям и провести остаток жизни среди этих удивительных существ. Однако судьба решила иначе.

Когда любознательность моего собеседника была отчасти удовлетворена, он пригласил меня однажды утром к себе и произнес довольно

длинную речь. Прежде всего он сообщил, что много размышлял и пришел к весьма печальным выводам.

«Прошу меня извинить, — мой хозяин несколько смутился, — но после того, что вы рассказали, я не могу смотреть на людей иначе, как на породу животных, случайно наделенных частицей разума. Но и ею вы пользуетесь лишь для поощрения ваших врожденных пороков и приобретения новых. Физически ваше племя, — голос моего собеседника окреп, — если взглянуть на вас, уступает нашим йеху. Вы нетвердо держитесь на задних конечностях, ваши лапы и когти непригодны даже для простого лазания по деревьям. Вы не защищены от солнца и ветров, прокормиться вам трудно, вас терзают всевозможные болезни. Хоть вы и называете себя разумными существами, все, что творится на вашей земле, свидетельствует об обратном. Я часто сравнивал человеческое племя, его образ жизни, обычаи и нравы с поведением наших йеху. И пришел к окончательному выводу, что в умственном отношении и в образе жизни между вами существует удивительное сходство. Йеху, — гуигнгнм задумчиво пожевал губами и посмотрел мне прямо в глаза, — ненавидят друг друга больше, чем ка-

кие-либо другие животные. Прежде я думал, что причина этого — безобразие, которое они видят в своих собратьях, но не замечают в себе, но теперь понимаю, что ошибался: причины раздоров, возникающих между людьми, те же, что и у йеху.

И действительно, если насыпать пятерым йеху корма, которого достаточно было бы для пятидесяти, то они, вместо того чтобы спокойно приступить к еде, обязательно затеют драку. Каждый норовит все захватить себе. Вы никогда не видели, как дикие йеху собираются стадами, почуяв добычу, и с воем набрасываются на нее? Жуткое зрелище, скажу я вам. Происходят такие кровавые сражения, что бледнеют ваши описания военных действий. Но странное дело, в отличие от человеческих драк убийства у них случаются крайне редко — должно быть, потому, что у йеху нет смертоносных орудий, которые вы изобрели… Иногда дикие йеху, обитающие в зарослях или в лесу, нападают на своих соседей врасплох. Однако если вылазка закончится неудачей, они, возвратившись на прежнее место, затевают потасовки друг с другом — именно так, как это происходит в ваших междоусобных войнах.

В нашей стране кое-где в земле попадаются

блестящие разноцветные камешки, — продолжал мой собеседник. — К этим камешкам йеху питают особую страсть. Они готовы рыть землю зубами и ногтями целый день, лишь бы завладеть такой драгоценностью. Добычу они уносят с собой и прячут в тайном месте. Это очень похоже на человеческую скупость и безудержную жадность. Однажды я, ради опыта, забрал кучку камней из тайника. Животное, обнаружив исчезновение своих сокровищ, подняло такой крик, что сбежалось все стадо. Но ограбленный йеху не искал сочувствия — он набросился на сородичей с величайшей яростью. В течение нескольких дней он тосковал и отказывался от пищи и питья. Наконец я сжалился над ним и велел слуге незаметно вернуть камешки на прежнее место. Йеху сразу ожил, обнаружив их, повеселел и с тех пор стал покорной и работящей скотиной. Естественно, он сразу же спрятал камни в другое место и не спускал с нового тайника глаз.

Когда два йеху находят пестрый камешек, они вступают в яростную схватку за сокровище. При этом сплошь и рядом оно достается третьему животному, спокойно следящему за дракой. Воспользовавшись моментом, хитрец хватает находку и уносит в собственный тайник. Не

напоминает ли вам это, — сказал конь, усмехаясь, — ваши судебные тяжбы?»

Я не стал его разубеждать, ведь тогда мне пришлось бы признать, что подобное разрешение спора гораздо справедливее многих решений, которые принимаются в английских судах.

«Но особенно отвратительна в йеху, — продолжал мой собеседник, — их прожорливость. Они с жадностью поглощают все, что попадается им на глаза: траву, коренья, ягоды, падаль, причем наибольшее удовольствие им доставляет пища, которую они умудрились украсть, чем та, что приготовлена для них моими слугами. В здешних лугах изредка встречается одно растение, корень которого имеет сладковатый вкус. Йеху постоянно ищут его, а найдя, с наслаждением жуют — оно производит на них такое же действие, как вино. Под действием этого корня они или обнимаются, или дерутся, ревут, гримасничают и буянят, становятся болтливыми, не могут удержаться на ногах и наконец падают и засыпают в грязи…»

Но в том, что касается науки, искусства, промышленности, государственного управления и тому подобного, признал мой гуигнгнм, нет никакого сходства между людьми и йеху. Правда, ему приходилось слышать, что в некоторых стадах

этих животных имеется некто вроде главаря. Этот йеху-вожак почему-то всегда самый крупный, безобразный и злобный. У него, как правило, имеется фаворит, который как две капли воды похож на своего покровителя. Обязанности фаворита просты — он заботится об удобствах вожака, лижет ему пятки и приводит в логово молоденьких самочек. За верную службу его время от времени награждают куском ослиного мяса. Фаворита ненавидит вся стая, и, чтобы обезопасить себя, он постоянно держится вблизи своего господина. Обычно такой йеху ходит в любимчиках недолго. Ему быстро находится замена, после чего все стадо задает ему солидную трепку и изгоняет. Похоже ли это на то, что происходит между нашими правителями и их министрами, мой собеседник предложил определить мне самому.

Затем он коснулся еще одного щекотливого вопроса. Йеху отличаются жестокостью в борьбе друг с другом за своих избранниц. Но, добившись расположения и получив их в жены, безбожно колотят и обращаются с ними невероятно грубо. Со своей стороны, почти всякая самка йеху, независимо от того, имеет ли она пару, завидев молодого и сильного самца, начинает вести себя крайне вызывающе. Она гримасничает, верещит,

игриво прячется в кустах и за деревьями, а когда самец бросается за ней, якобы в страхе убегает, прекрасно зная, что самец последует за ней. Если же к стае прибьется йеху-одиночка женского пола, то все самки, окружив ее, начинают жестами и ужимками выражать глубокое отвращение и презрение.

Я промолчал, но с грустью вынужден был признать, что в этих поступках женской половины йеху имеется необычайное сходство с кокетством и бесстыдством большого числа наших дам.

Кроме того, гуигнгнм упомянул об одной странной особенности характера йеху, которую подметили его слуги. Иногда какому-нибудь йеху приходит в голову забиться в угол, лечь на землю и начать стонать, ныть и гнать от себя всякого, кто к нему приблизится. Обычно такое случается с совершенно здоровыми, молодыми и упитанными животными. Что с ними происходит, понять невозможно. Единственное средство, излечивающее йеху от этой болезни, — это тяжелая работа, которая действует на них просто волшебным образом.

При всей моей привязанности к роду человеческому я не мог не признать, что вижу в этом зачатки той хвори, которую у нас в Англии на-

зывают сплин, а в Европе — хандра. Обычно ею страдают люди праздные и богатые, и лекарство я бы прописал им точно такое же.

Глава 8

Кто, как не я, мог сопоставить все сказанное гуигнгнмом по поводу йеху с тем, что я знал о самом себе и о своих соотечественниках. Однако я решил, что личные наблюдения могут дать еще более любопытные результаты, и попросил у моего хозяина разрешения посещать сарай, где он держал этих животных. Он дал согласие и велел одному из своих слуг, сильному и смышленому жеребцу, быть моим проводником и охранником, ведь я уже не раз рисковал угодить в лапы к йеху, прогуливаясь вдали от дома без оружия.

Я подозревал, что йеху видят во мне представителя своего племени. Бывало, в жаркий день, когда я снимал сюртук и сорочку, чтобы повалять-ся на солнышке, они пристально разглядывали мои обнаженные руки и плечи, постепенно приближаясь ко мне и подражая моим движениям, словно обезьяны. Я отчетливо ощущал их ненависть; так дикие галки преследуют ручную, когда та случайно залетит в их стаю.

Йеху с детства отличаются удивительным проворством и подвижностью, но однажды мне удалось поймать трехлетнего самца. Я попытал-

ся его успокоить и приласкать, но он верещал, царапался и кусался, как бес, и в конце концов я вынужден был отпустить детеныша. И правильно поступил: на шум с воплями сбежалось все разъяренное стадо, однако, убедившись, что чадо цело и невредимо, а рядом со мной слуга-лошак, ни один не посмел сунуться к нам.

По моим наблюдениям, из всех животных йеху труднее всего поддаются дрессировке. Все, на что они способны, — это возить на себе тяжести. Причина этого заключается в их характере — они упрямы, злобны, вероломны, мстительны и полностью лишены зачатков благородства и великодушия. Они очень сильны и нахальны, но вместе с тем пугливы, что делает их хитрыми и бессмысленно жестокими.

Я прожил в этой стране три года, и было бы несправедливо не рассказать поподробнее о гуигнгнмах. Эти благородные существа от природы одарены добрым сердцем и не имеют ни малейшего представления о зле; главным правилом их жизни является разумное и гармоничное существование. Поэтому долгие споры, пререкания, отстаивание ложных или сомнительных идей, эгоизм — вещи, совершенно чуждые гуигнгнмам. Дружелюбие и преданность — вот главные

их добродетели. Так они относятся не только к своим близким, но и ко всем без исключения соплеменникам. Любой гость найдет в доме гуигнгнма приют; лошади строго соблюдают приличия и крайне учтивы, хотя и не знают, что такое этикет.

Своих жеребят родители не балуют, но заботятся о них со всей ответственностью, в то же время не ограничивая их свободы. Я заметил, что мой хозяин столь же ласково относится к детям соседа, как и к своим собственным. Лошади держат под строгим контролем численность населения своей страны, и, как правило, в одной семье никогда не бывает больше двух разнополых жеребят. Если случается, что у пары гуигнгнмов по какой-то причине рождается только один жеребенок, то другая семья помоложе может отдать им на воспитание своего отпрыска. На лошадей простых кровей такие ограничения не распространяются, а их потомство воспитывается в качестве будущих слуг. При вступлении в брак гуигнгнмы особенно тщательно подбирают масть будущих супругов, заботясь о чистоте породы. Для коня главным мерилом является сила и стать, для кобылы — красота. Отбор производится для того, чтобы не допустить вырождения племени

разумных лошадей. Такие понятия, как любовь, ухаживание, помолвка, приданое, брачный договор, не имеют даже слов для своего обозначения в лошадином языке. Пара соединяется по разумному выбору родителей или друзей и проходит свой жизненный путь во взаимной дружбе, без ревности, ссор или обид, но и без пылкой привязанности. Все вопросы в семье решаются сообща.

Система воспитания гуигнгнмов удивительна и вполне заслуживает подражания. Пока жеребята не достигнут определенного возраста, их кормят небольшим количеством овса, изредка добавляя в него молоко. Летом жеребята пасутся, подобно родителям, два часа утром и два часа вечером. Слуги же пасутся только по часу, а остальной корм съедают дома в свободное время. Физическое совершенство, воздержанность, трудолюбие и чистоплотность — главные требования воспитателей. Как часто я наблюдал жеребят обоего пола, резвящихся на полях и крутых склонах холмов. Однако это были не пустые игры, а ежедневные упражнения под наблюдением наставника. После таких многочасовых занятий жеребят обязательно ведут к воде, где они купаются. Четыре раза в год устраиваются состязания, где молодежь демонстрирует свою

ловкость и силу. Победителя или победительницу чествуют хвалебным ржанием, а для остальных устраивают праздничный ужин.

В день весеннего равноденствия каждый четвертый год в стране гуигнгнмов собирается так называемый Совет представителей. Он продолжается около недели; на этом собрании обсуждается положение в округах, на которые разделена вся здешняя земля. Вопросы, которые выносятся на обсуждение, как правило, просты: достаточно ли в округе сена, овса и коров, в каком состоянии пастбища и есть ли проблемы с рабочей силой, то есть с йеху. Если где-нибудь ощущается нехватка того или иного, Совет единодушным решением предоставляет помощь.

На одном из таких собраний я тайно присутствовал месяца за три до того, как покинул страну гуигнгнмов. На нем председательствовал мой хозяин, а происходило собрание рядом с нашим домом на широком лугу, поэтому я мог слышать каждое слово. Вопрос стоял очень серьезный и спорный — не следует ли избавиться от йеху окончательно. Один из присутствующих, конь средних лет с суровой и замкнутой мордой, высказывался решительно, приводя всевозможные доводы в пользу того, что от йеху больше вреда,

чем пользы. Он говорил о том, что лучше бы гуигнгнмы дрессировали ослов и пользовались их трудом, чем без конца возиться с неуправляемыми и гнусными йеху, которые вытаптывают овес на полях, воруют молоко, убивают собак и кошек, чтобы тут же их сожрать, а главное — подают дурной пример подрастающему поколению жеребят. «Откуда они появились, мы не знаем, — возвысил голос оратор, — не знаем, и какие болезни они носят в себе, какие беды для нас готовят. Йеху так стремительно размножаются, что в некоторых округах их стало в три раза больше, чем лошадей. Предание гласит, что когда-то в старину с одной из горных вершин спустилась первая пара этих ужасных животных. Но точно мы не знаем, откуда они взялись; лично я полагаю, что из болотной грязи. И теперь я считаю величайшей ошибкой решение оставить по паре йеху в каждом округе в надежде со временем приручить и одомашнить этих бесноватых животных. Что из этого вышло — судите сами!»

Мой хозяин взял слово, и когда я услышал, что он говорит обо мне, то задрожал, словно от холода. У меня появилось предчувствие, что все это добром не кончится. Серый конь не возражал предыдущему оратору, но заметил, что есть и

другое предание о происхождении йеху. Говорят, что первые из этих животных появились из-за моря. Возможно, их было больше, однако выжили лишь самка и самец. Поэтому имеется вероятность, что некогда йеху были вполне разумными существами, обитавшими в какой-то далекой стране, но с течением времени одичали и дошли до такого состояния, в каком мы их видим теперь. Подтверждением тому может служить необыкновенный йеху, живущий в его доме. Я вздрогнул и прижался к земле в укрытии, где лежал, подслушивая прения гуигнгнмов.

«У этого йеху, — продолжал мой хозяин, — все тело покрыто защитой из искусственной ткани и кожи других животных, а собственная кожа белая и безволосая. Он умен, образован и быстро освоил лошадиный язык. Он рассказал мне, как очутился в нашей стране, и поведал о своей родине — стране за морями. Причем мой гость утверждает, что в тех краях именно йеху господствуют над всеми животными, а гуигнгнмов держат в домашнем рабстве…»

«Это катастрофа», — мелькнуло у меня в голове. Если многие лошади, живущие по соседству, раньше охотно беседовали со мной и относились ко мне по-дружески, то теперь, после такого заяв-

ления серого коня, ни один гуигнгнм не станет со мной здороваться. Чрезвычайно расстроенный, я незаметно покинул свое укрытие и поплелся домой.

Мне уже приходилось упоминать, что у лошадиного народа отсутствует письменность. Знания передаются из уст в уста, а поскольку крупные события в жизни этого трудолюбивого и мирного народа крайне редки, то истории появления йеху придавалось огромное значение.

Гуигнгнмы ведут счет месяцам и годам по движению Солнца и Луны — это высшее достижение их астрономической науки. Зато в поэзии им нет равных. Самая распространенная тема творений гуигнгнмов — изображение великой дружбы или восхваление победителей в состязаниях молодежи. Арсенал сравнений, метафор и эпитетов лошадиного языка выше всяческих похвал.

Постройки гуигнгнмов просты и внешне грубоваты, однако не лишены удобства и прекрасно защищены от непогоды. Гуигнгнмы не умеют обрабатывать металлы, зато весьма искусно управляются с деревом; кроме того, в строительстве они повсюду используют солому. Лошади необычайно ловко приспособились работать передними ногами, используя бабку и копыто. Я

сам наблюдал, как одна белая кобыла в два счета вдела тонкую нитку в иголку, которую я дал ей. Копытами и бабкой они доят коров, жнут овес и делают всю остальную работу, как мы — руками. Обтачивая твердые кремни, кони изготовляют орудия труда: топоры, молотки, ножи, а с помощью этих орудий обрабатывают дерево. Йеху свозят снопы с полей в телегах, а слуги молотят овес копытами в амбарах, где он потом и хранится. Посуду здесь изготовляют из грубой глины и обжигают на солнце.

Жизнь лошадей длится более семидесяти лет. За несколько недель до кончины они, чувствуя упадок сил, прекращают всякую деятельнось и запираются в своем доме в полном одиночестве. Иногда стариков посещают друзья, но за неделю до смерти гуигнгнмы сами наносят прощальные визиты. Для этого им подают удобную повозку, а сопровождает их кто-нибудь из близких. Престарелый конь никогда не выказывает своей печали, страданий или сожаления о том, что покидает этот мир, и все остальные тоже ведут себя сдержанно и с достоинством, будто не происходит ничего особенного. На языке гуигнгнмов смерть — это всего лишь возвращение к началу, в лоно их праматери земли…

Я с большим удовольствием продолжал бы свой рассказ об этих удивительных существах, однако пришло время перейти к описанию дальнейших событий моей жизни.

Глава 9

Все это время я прожил именно так, как мне хотелось.

В шести ярдах от хозяйского дома для меня было выстроено небольшое помещение — такое же, как и у остальных членов семьи. Стены и пол комнаты, в которой меня поселили, я обмазал глиной и покрыл камышовой циновкой, которую сплел собственноручно. Из стеблей дикой конопли я изготовил нечто вроде пряжи, из которой сделал грубый чехол для матраца, набив его перьями разных птиц. Птиц я ловил силками из волос йеху. При помощи гнедого лошака мне удалось сколотить пару вполне сносных табуретов. Этим мои подвиги не ограничились — свое изношенное платье я заменил новым, сшитым из кроличьих шкур. Из того же материала я сделал чулки, а к башмакам прибил деревянную подошву. Когда же и они развалились, я смастерил новые. Как говорится, нужда всему научит.

В дуплах деревьев я находил мед диких пчел, разводил водой и запивал этим напитком овсяные лепешки. Иногда я лакомился зайчатиной и пернатой дичью. Йеху оставили меня в покое и

не обращали ни малейшего внимания на то, чем я занимаюсь.

Цивилизованный мир во всех своих уродливых проявлениях больше не нарушал тишины моего маленького мирка — я был здоров и душевно спокоен. Здесь не было обмана и насилия, невежественных лекарей, юристов и доносчиков. Я не сталкивался с ворами, клеветниками, сплетниками и завистниками, забыл об убийствах, о доносах, сплетнях, предательстве и мошенничестве. Не было чванства и тщеславия, политических партий и газет, тюрем, виселиц и позорного столба. Я выбросил из головы судей, жадных купцов и нечистых на руку ремесленников, пустоголовых франтов, учителей танцев, вельмож, назойливых друзей, пьяниц и тупых обывателей. И больше не страдал, видя, как благодаря своим порокам негодяи поднимаются из грязи на высшие ступени власти и сводят с ума порядочных людей.

Я был допущен в дом одного из самых замечательных обитателей страны гуигнгнмов и пользовался его покровительством, черпая в беседах с серым в яблоках конем много полезного и поучительного. Я делал некоторые записи в своей тетради и почти позабыл о семье и милой

моему сердцу Англии.

Однако всему приходит конец, кончилась и моя безмятежная жизнь.

Спустя несколько дней после Большого совета ко мне в комнатушку заглянул мой хозяин. Он был смущен и расстроен, и я заметил, что ему нелегко начать разговор со мной. Наконец, после продолжительного молчания, гуигнгнм сообщил, что по решению представителей округов я должен буду покинуть эту страну. «Почтенные члены Совета, — произнес он мягко, — обсуждали непростой вопрос о йеху, и я позволил себе рассказать о вас, друг мой… Однако результат оказался неожиданным — старейшины сочли оскорбительным для нашего народа то, что я держу в своем доме *йеху*, а обращаюсь с ним как с *гуигнгнмом*. Несмотря на то что я поведал Совету о наших с вами беседах, мне рекомендовали обходиться с вами, как с обычным животным, — то есть отправить в сарай к диким йеху. Однако те представители округов, которые видели вас и беседовали с вами, решительно воспротивились этому. Они убеждены в том, что вы способны договориться с йеху, увести их в горные леса и научить красть скот и убивать гуигнгнмов. Поэтому окончательное решение было таким — выслать

вас за пределы нашего края… Мне очень жаль, но я не могу больше откладывать его исполнение».

Затем мой хозяин добавил, что советует мне построить нечто наподобие той деревянной лохани, на которой я сюда приплыл. Он будет тосковать без меня, потому что привык к нашим беседам и считает, что я, стараясь подражать гуигнгнмам, избавился почти от всех дурных привычек дикого животного. Но ничего поделать нельзя.

Это известие повергло меня в полное отчаяние. До ближайшего материка или острова никак не меньше ста миль, и даже если я построю хрупкое суденышко, мне туда не доплыть — первый же шквал отправит меня на дно. Решение гуигнгнмов было равнозначно для меня смертному приговору. Собственно говоря, смерть в ту минуту казалась мне единственным выходом, ведь даже если я все-таки спасусь, мне будет невероятно трудно снова приспособиться к миру своих соплеменников-йеху.

Я собрался с силами и вежливо поблагодарил серого коня за гостеприимство, сказав, что подчиняюсь решению Совета, хоть мне и не хотелось бы покидать такую прекрасную страну. Если мне удастся вернуться на родину, я надеюсь, что принесу пользу своим соотечественникам,

поведав им о гуигнгнмах и об их образе жизни, который мог бы послужить образцом всему роду человеческому.

На это конь сказал, что у меня есть два месяца на строительство плавучей посудины, а в помощь мне будет отряжен гнедой слуга-жеребец, который очень ко мне привязался. На этом мы и расстались с моим другом-гуигнгнмом.

Прежде всего я отправился к тому месту на берегу, куда причалил. Мы с гнедым поднялись на холм, и я окинул взглядом лежащую передо мной морскую гладь. Мне почудилось, что далеко-далеко на северо-востоке виднеется нечто, похожее не то на остров, не то на синеватое облако. И я решил положиться на волю судьбы.

Не мешкая, мы с гнедым отправились в лес, и я, пользуясь ножом, приступил к делу. Слуга, орудуя острым кремнем, помогал мне срезать крупные ветки. Так мы трудились день за днем, и через шесть недель нам удалось соорудить нечто вроде большой индейской пироги, обтянутой бычьими шкурами, скрепленными пеньковой бечевой. Из кожи более молодых животных я выкроил парус, вытесал весла, приготовил запас провианта и два кувшина — один для молока, другой для пресной воды. В большом пруду возле дома серого коня я

испытал свое суденышко, при этом за моими действиями наблюдали как гуигнгнмы, так и йеху, которые не были заняты работой. Швы пироги я законопатил коровьим жиром, затем погрузил ее на самую большую повозку, и мой гнедой слуга доставил ее на берег моря.

Когда наступил день отплытия, я пошел проститься с моим хозяином и его семьей. Однако гуигнгнм захотел взглянуть, как я буду отчаливать, и отправился вместе со мной и еще одним своим приятелем на берег.

Около часа нам пришлось дожидаться прилива. Сердце мое тоскливо сжималось, и когда я напоследок подошел к коням, я готов был опуститься перед ними на колени. Но серый в яблоках покачал головой и протянул переднюю ногу к моей руке. Я крепко пожал его копыто, кивнул остальным, отвернулся и побежал к пироге. Уже в следующую минуту я изо всех сил греб навстречу крутой приливной волне.

Кое-кто может сказать, что я вел себя довольно странно. Однако если бы эти критики были знакомы с гуигнгнмами, они изменили бы свое мнение.

Глава 10

Пятнадцатого февраля 1714 года, ровно в девять часов утра, я пустился в это отчаянное путешествие. При благоприятном ветре я сначала шел на веслах, а затем, опасаясь, что быстро устану, решил поднять свой маленький парус. Гуигнгнмы стояли на берегу до тех пор, пока пирога не скрылась из виду.

Моей целью было достичь какой-нибудь земли, и я направил свое суденышко туда, где когда-то заметил на горизонте остров. Я хотел поселиться там, построить хижину и попытаться выжить в одиночку, — мне страшно было думать о том, чтобы вернуться в цивилизованный мир, в общество жалких йеху.

Я не забыл, что три года назад, перед тем, как взбунтовавшаяся команда бросила меня в открытом море, наше судно курсировало примерно десятью градусами южнее мыса Доброй Надежды. Поэтому я решил держать курс на восток — навстречу утреннему солнцу, в надежде рано или поздно достичь юго-западных берегов Австралии. Там наверняка найдется подходящий для меня островок. Ветер не переставая дул с запада, и

около шести вечера я заметил в отдалении нечто похожее на сушу.

Это был голый утес с небольшой бухтой, образовавшейся от ударов волн. Я загнал туда свое суденышко, взобрался на утес и отчетливо различил на востоке полоску суши. Ночь я провел в пироге, а ранним утром уже плыл к незнакомому берегу.

Побережье показалось мне совершенно необитаемым и пустынным, однако я не решился удалиться от берега, потому что был безоружен. Боясь разводить огонь, я перекусил моллюсками, которых собрал у прибрежных скал. В течение трех дней я питался моллюсками и ловил рыбу, которую съедал сырой, стараясь сберечь свой запас провизии. К счастью, неподалеку протекал пресный ручеек.

На четвертый день я все же рискнул отправиться на разведку. Однако, пройдя меньше мили, на одном из холмов я неожиданно заметил сидящих у костра туземцев. Они были совершенно голые и, когда заметили меня, разразились воплями. Пятеро из них бросились в мою сторону — и мне не пришло в голову ничего лучше, как стремглав помчаться обратно к пироге. Уже на берегу меня настигла стрела туземца, вонзившаяся в ногу.

Прихрамывая, я забрался в лодку и отчалил так быстро, как только смог. Отплыв на кабельтов, я вырвал наконечник стрелы, выдавил кровь и промыл рану соленой водой — стрела могла оказаться отравленной.

Я решительно не знал, что делать дальше, — вернуться на берег я уже не мог. К моему огорчению, ветер поменялся и не давал мне возможности выйти в открытое море. На мгновение мне почудилось, что на северо-востоке мелькнул парус, но я все же повернул пирогу к берегу, надеясь, что дикари его уже покинули.

Вскоре я отыскал бухту, где прямо из-под скалы бил родник. Шатаясь от усталости, я вытащил пирогу на песок, вымыл лицо, напился воды из ручья и прилег за камнями вздремнуть.

Разбудили меня отдаленные голоса. Я выглянул из своего укрытия — в бухту входила шлюпка, а в полумиле от берега на легкой зыби покачивался большой корабль. Очевидно, его команда хорошо знала, где можно запастись пресной водой. Я снова спрятался за камнями и стал наблюдать.

Высадившиеся на берег матросы мгновенно заметили мою пирогу и догадались, что ее хозяин скрывается где-то неподалеку. Наполнив водой бочонки, они отправились на поиски, шаг за ша-

гом осматривая берег. Я не мог бежать и затаился, гадая, зачем я им мог понадобиться.

Нашли меня очень быстро. Удивленно осмотрев мою фигуру, причудливое одеяние из кроличьих шкурок, самодельные башмаки и меховые чулки, матросы пришли к выводу, что я кто угодно, только не туземец. Один из них по-португальски велел мне выйти из-за камней и спросил, кто я и как здесь оказался. Я ответил на том же языке, что они видят перед собой несчастного йеху, изгнанного из страны гуигнгнмов. Тут уж было нетрудно догадаться, что я европеец, однако ответ мой показался матросам сущей бессмыслицей. К тому же мой странный акцент, напоминавший конское ржание, вызывал у них безудержный смех. Дрожа от страха и отвращения, я попросил их отпустить меня с миром, но матросы, окружив меня, стали допытываться, откуда я родом. Я немного успокоился и сообщил им, что я англичанин, покинувший родину пять лет назад, а в сущности — несчастный йеху, ищущий уединения.

Невыносимо было слышать голоса этих матросов — будто внезапно заговорила корова или собака, но при этом мы отлично понимали друг друга. В конце концов они решили взять меня

с собой на корабль, так как здешние дикари-людоеды невероятно кровожадны. Капитан судна наверняка не откажется доставить меня в Лиссабон, а уж оттуда я легко смогу вернуться домой. Двое матросов отправились в шлюпке на корабль, чтобы доложить обо мне капитану, а прочие остались охранять меня. Они попросили рассказать историю моих приключений, но едва я заговорил о стране гуигнгнмов, как матросы потеряли к рассказу всякий интерес, решив, что лишения и беды повредили мой рассудок.

Шлюпка вернулась спустя пару часов с приказанием доставить меня на борт. Я упал на колени и, простирая руки к матросам, стал умолять оставить меня здесь, однако меня связали и отвезли на корабль.

Капитана звали Педро де Мендес, и он оказался, как ни странно, любезным и великодушным йеху. Меня накормили, переодели в холщовые матросские штаны и такую же рубаху и лишь после этого привели в его каюту. Капитан поручился, что на корабле мне не причинят никакого вреда, и стал было расспрашивать о пяти последних годах моей жизни, но я угрюмо отмалчивался и требовал вернуть мою прежнюю одежду. Взглянув на меня с тревогой, Педро де Мендес распорядился отдать

мне поношенные шкуры и отвести в специально отведенную каюту. Там я мигом переоделся в привычное платье и улегся на постель, раздумывая, как быть дальше. Экипаж в это время обедал, и мне удалось незамеченным выйти из каюты и пробраться на палубу — я решил броситься за борт и вплавь добраться до берега, лишь бы не оставаться в обществе этих ужасных йеху. Но меня задержал вахтенный матрос, после чего на дверь моей каюты повесили замок.

После обеда Педро де Мендес явился ко мне, чтобы выразить огорчение по поводу моего поступка. Он стал трогательно убеждать меня, что его единственое желание — доставить мою персону целой и невредимой на родину. Он готов оказывать мне всяческие услуги, но для этого должен знать хотя бы мое имя. Тогда я поведал о том, откуда я и что произошло на моем судне. Он с сочувствием кивал, но едва я упомянул о стране гуигнгнмов, как в его глазах вновь мелькнуло сомнение в моих умственных способностях. Меня это оскорбило до глубины души — ведь я совершенно разучился лгать. Ложь свойственна только йеху, о чем я и заявил капитану.

Человек наблюдательный и умный, он тут же возразил, что если я настолько правдив, то

должен дать ему слово не предпринимать более никаких глупостей, иначе он запрет меня в каюте до самого Лиссабона. Я пообещал, однако добавил, что не хочу видеться ни с кем из команды, так как внешность матросов вызывает у меня острую неприязнь.

Наше плавание проходило без особых происшествий. Иногда я беседовал с капитаном, всячески стараясь скрыть отвращение к человеческому роду, которого он старался не замечать. Но бóльшую часть времени я проводил в уединении в своей каюте. Капитан уговаривал меня сменить наряд дикаря на лучшее его платье, но в конце концов я согласился только на пару нижних рубашек, которые сам стирал и менял через день.

Мы прибыли в Лиссабон пятнадцатого ноября 1715 года.

Прежде чем сойти на берег, капитан принудил меня накинуть его плащ с капюшоном, чтобы вокруг не собралась любопытная толпа. Он привез меня к себе в дом и выполнил мою просьбу никому не сообщать о моей жизни среди гуигнгнмов, иначе я рисковал быть обвиненным в ереси и угодить на костер инквизиции. Так как мы с Педро де Мендесом были одного роста, я носил одежду капитана. Он был холост, и, кроме трех

человек прислуги, никто не присутствовал во время наших трапез и бесед. Понемногу я начал привыкать к его обществу и даже время от времени осмеливался выглядывать в окно. То, что я увидел, поразило меня, однако с течением времени мой страх перед людьми настолько ослабел, что однажды я рискнул выйти с капитаном на прогулку. На улицах Лиссабона было душно, шумно и невероятно грязно.

Через пару недель дон Педро, которому я рассказал о своей семье, напомнил, что пора бы мне возвращаться домой, ибо у меня есть обязательства перед близкими. Меня уже ждут в порту на готовом к отплытию английском судне. Дома я смогу вести жизнь, какая мне по душе. Он продолжал считать, что страна гуигнгнмов — плод моего воспаленного воображения, однако я согласился с его доводами и покинул Лиссабон. Дон Педро снабдил меня небольшой суммой денег, посадил на корабль и обнял на прощание, что я перенес довольно терпеливо.

Жена и дети встретили меня радостно — ведь они уже потеряли всякую надежду увидеть меня живым. Однако должен признаться, что встреча в порту Даунса вызвала во мне противоречивые чувства, главным из которых была неприязнь.

Дети раздражали меня, а жена казалась совершенно чужой. Дома она, бедняжка, попыталась обнять меня и поцеловать, однако я оттолкнул ее, дрожа от ужаса, и едва не лишился чувств…

Теперь, когда я пишу эти строки, минуло пять лет со дня моего возвращения в Англию. В течение долгого времени я не мог выносить присутствия даже самых близких мне людей, не говоря уже о прочих йеху. И по сей день я запрещаю кому бы то ни было есть и пить из моей посуды, без предупреждения касаться моей руки, без стука входить в мой кабинет.

Немного освоившись в собственном доме, я первым делом купил двух прекрасных жеребят. Они содержатся в отличной конюшне, и после лошадей моим самым близким другом стал конюх. Я очень люблю запах, который он приносит с собой из стойла. Мои гуигнгнмы прекрасно меня понимают, я беседую с ними по нескольку часов в день; они не знают ни уздечки, ни седла и крепко-накрепко привязались ко мне и друг к другу.

Заключение

Итак, любезный читатель, я поведал тебе истинную историю моих путешествий, продолжавшихся шестнадцать лет и семь месяцев. При этом я больше всего заботился о том, чтобы сохранить истину, а не приукрасить ее. Конечно, подобно другим путешественникам, я мог бы удивить тебя странными и невероятными баснями, но я предпочел изложить все прямо, простым языком, следуя только фактам.

Я от всей души хотел бы, чтобы был принят закон, который обязывал бы каждого путешественника, прежде чем он получит разрешение на печатание своих записок, приносить присягу перед государственным чиновником в том, что все, о чем он пишет, безусловно верно. Тогда бы некоторым писателям, желающим быстрого распространения их сочинений, пришлось призадуматься.

В юности я с удовольствием читал различные книги о путешествиях; но после того, как мне довелось повидать бóльшую часть земного шара и своими глазами увидеть то, о чем написано

в книгах, я питаю отвращение к такого рода сочинениям, бесстыдно злоупотребляющим человеческой доверчивостью. Поэтому я взял за правило, от которого никогда не отступал, — строго придерживаться истины. В этом мне помогает пример гуигнгнмов, среди которых мне довелось прожить долгое время.

Не исключаю, что путешественники, которые когда-нибудь посетят страны, описанные мною, обнаружат в моей книге мелкие ошибки и неточности, но это меня не огорчит, так как я писал не для славы и денег, а совсем с иной целью — ради исправления нравов. Кто, узнав о добродетельной и осмысленной жизни гуигнгнмов, не устыдится собственных пороков? И разве мудрые принципы управления государством, принятые в Бробдингнеге, не достойны подражания? А разве нет в Европе государств, где полновластно хозяйничают йеху, причем самые испорченные из этих тварей? Поэтому я и предоставляю рассудительному читателю самому делать заключения.

Кое-кто упрекал автора — мол, долг английского подданного обязывает его не публиковать книгу, а сразу же по возвращении на родину представить полный отчет о своих путешествиях государственному секретарю — ведь все земли,

открытые англичанином, по закону принадлежат британской короне. Однако я глубоко сомневаюсь в том, что нам удалось бы с такой же легкостью завладеть этими землями, как Эрнан Кортес[10] завладел Мексикой. Покорение Лилипутии едва ли сможет окупить средства, затраченные на снаряжение армии и флота, а что касается Бробдингнега, то я, видевший армию великанов, вовсе не уверен в том, что нам стоит нападать на них первыми. Также я не знаю, насколько хорошо будет чувствовать себя британская армия, имея над головами летучий остров Лапуту. Пожалуй, только гуигнгнмы не так хорошо подготовлены к войне. Но будь я государственным министром, я бы никогда не отдал свой голос в пользу военной экспедиции в их страну. Благоразумие, единодушие, храбрость, любовь к родине вполне способны заменить недостаток военного искусства. Наоборот — я бы хотел, чтобы гуигнгнмы прислали нескольких своих представителей в Европу, чтобы научить нас чести, справедливости, любви к истине, снисходительности, патриотизму, величию духа, скромности, верной дружбе и любви к ближним.

---

[10] Сноски: 10

Эрнан Кортес (1485–1547) — испанский конкистадор, завоевавший Мексику за два с половиной года.

Одним словом, раз уж описанные мною страны не имеют ни малейшего желания быть порабощенными и разграбленными и к тому же не изобилуют ни золотом, ни серебром, ни сахаром, ни табаком, ни пряностями, смею надеяться, что они не станут предметом наших колонизаторских устремлений.

На этом, заранее ответив на единственный упрек, который мне можно адресовать, я окончательно прощаюсь с моими любезными читателями и удаляюсь в свой скромный сад в Редрифе. Там я смогу спокойно предаваться размышлениям и применять в повседневной жизни прекрасные уроки, полученные от гуигнгнмов. С их помощью я надеюсь со временем воспитать всех йеху моей собственной семьи так, чтобы всякий мог без колебаний назвать их разумными существами. Пройдет еще некоторое время, и я наконец-то смогу без содрогания видеть собственное отражение — ибо всякий раз, глядя в зеркало, мне приходится признавать, что и я принадлежу к ужасному племени йеху.

Мне было бы совсем нетрудно примириться с этой породой, если б все дело заключалось только в ее пороках и глупости. Меня ничуть не удручает вид продажного законника, кар-

манного воришки, льстивого шута, надутого царедворца, игрока, врача-обманщика, лжесвидетеля, шпиона и тому подобных негодяев. Все это следствие существующего порядка вещей. Но когда я замечаю, что к этой смеси физических и нравственных уродств добавляется гордыня, мое терпение лопается и я выхожу из себя. Какие основания у низших животных гордиться собой? У мудрых и добродетельных гуигнгнмов, одаренных всеми совершенствами, не существует даже слова для обозначения гордыни, как не существует в их языке слов для обозначения зла. Их жизнь подчинена разуму, и они гордятся своими добродетелями не больше, чем я горжусь тем, что у меня имеются две ноги и две руки.

Вот почему я прошу всех, кто хотя бы в малейшей степени подвержен этому нелепому пороку, не показываться мне на глаза.